

Выпуск № 2, 2022

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2022. Вып. 2

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 22.10.2021 г.)

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИЯ:

- Е.М. Тюленева*, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Г.С. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В.М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О.С. Горелов, д-р филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)
А.Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М.В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К.В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н.Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д.И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А.И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А.А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф.И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Е.В. Маринова, д-р филос. наук (Болгария, София)
Р.Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д.И. Польшвинный, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф.А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Д.Г. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
Ц.Й. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)
А.А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В.Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З.А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю.Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В.Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К.А. Юдин, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции:

153025 Иваново,
ул. Тимирязева, 5, к. 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2022

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOV STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2022. Issue 2

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications.
Registry entry ПИ № ФС 77-78823 of July 30, 2020

The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations
(issued on 22.10.2021)

Founded by Ivanovo State University

EDITION:

- E.M. Tyuleneva*, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)
G.S. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
V.M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
O.S. Gorelov, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)
A.Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
M.V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
K.V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocheboksarsk)
N.Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)
D.I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
A.I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)
A.A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)
F.I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
E.V. Marinova, Doctor of Philosophy (Bulgaria, Sofia)
R.Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)
D.I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
F.A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
D.G. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)
C.Y. Stepanov, Doctor of History (Bulgaria, Sofia)
A.A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
V.N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)
Z.A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)
Yu.L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
V.L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
K.A. Yudin, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo,
Timiryazev str., 5, office 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Литературоведение

Белова О.Е. О речевых промахах героев А.Н. Островского в свете первичных речевых жанров	5
Мартиросян Г.Э. Афрофутуризм в канадской литературе XXI века (На примере сборника рассказов К. Келлоу «Dominoes at the Crossroads»)	11
Морозова И.В. Женский мир в «утраченном рае» послевоенной Луизианы: «Рассказы на балконе» Грейс Кинг	21
Половинкина О.И., Бычкова К.И. Дж.М. Кутзее и Г.Д. Торо: мотив блуждания в романе «Жизнь и времена Михаэла К.»	30
Тихомиров В.А. Физическая гениальность и атрофия саморефлексии в эссе Дэвида Фостера Уоллеса «Как Трэиси Остин разбила мне сердце»	37

Языкознание

Григорян А.А. Виды сексизма в английском языке (Пейорация образа женщины)	45
Маник С.А., Смирнова В.Л. Современные подходы к анализу сложности учебного текста на материале учебников английского языка	53
Панютина М.Н. Участие пользователей в процессе составления словарей нового поколения	64
Суворова Н.В. Русские и польские именованья христианского праздника <i>Благовещение Пресвятой Богородицы</i> (Лингвокультурологический аспект)	73

История

Евдокимова Т.В. Новый взгляд на первого рейхспрезидента Веймарской республики: Фридрих Эберт и его дети	82
Козуб Е.А., Манахов И.А. Морские сражения в судьбе Османской империи XVI века	94
Костылёва Е.Л., Точёнов С.В., Червяков А.И. Документы эпистолярного жанра в музейно-архивных фондах Ивановского государственного университета	102
Тумаков Д.В. Преступления работников правоохранительных органов послевоенных лет в историческом контексте эпохи (По архивным материалам Ярославской области)	113
Тюленев В.М. Римская вилла в условиях христианизации латинского Запада	123

Философия

Аксенов Г.П. Университет в ноосферной картине мира В.И. Вернадского	134
Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г., Меликян М.А. Виртуальный ноосферный университет: образовательный универсум в изофилософской репрезентации	148
Ерофеева К.Л. Философ в современном университете: коуч или представитель интеллигенции?	163
Данилова В.С., Кожевников Н.Н. Исходные принципы и основные понятия универсализма в контексте ноосферогенеза	174
<i>Информация для авторов журнала «Вестник Ивановского государственного университета»</i>	184

CONTENTS

Philology

Literary criticism

- Belova O.E.** Speech blunders of Ostrovsky's heroes in view of the primary speech genres 5
- Martirosian G.E.** Literary Afrofuturism in the 21st century Canadian literature (On example of "Dominoes at the Crossroads" by K. Kellough) 11
- Morozova I.V.** Women's world in post-war Louisiana's "Paradise Lost": Grace King's "Balcony Stories" 21
- Polovinkina O.I., Bychkova K.I.** J.M. Coetzee and H.D. Thoreau: the motif of wandering in the novel "Life and Times of Michael K." 30
- Tikhomirov V.A.** Physical genius and atrophy of self-reflection in David Foster Wallace's "How Tracy Austin Broke My Heart" 37

Linguistics

- Grigoryan A.A.** Types of sexism in English (Pejoration of women) 45
- Manik S.A., Smirnova V.L.** Contemporary approaches to analysis of complexity of educational text based on data of English textbooks 53
- Paniutina M.N.** Users' participation in dictionary making process with special reference to dictionaries of new generation 64
- Suvorova N.V.** Russian and Polish Names of the Christian holiday of the *Annunciation of the Blessed Virgin Mary* (Linguoculturological aspect) 73

History

- Evdokimova T.V.** A new look at the first Reich President of the Weimar Republic: Friedrich Ebert and his children 82
- Kozub E.A., Manahov I.A.** Naval battles in the fate of the Ottoman Empire in the XVI century 94
- Kostyleva E.L., Tochenov S.V., Chervyakov A.I.** Documents of the epistolary genre in the museum and archival foundations of Ivanovo State University 102
- Tumakov D.V.** Crimes of law enforcement workers of post-war years in the historical context of the epoch (Based on archival materials of Yaroslavl region) 113
- Tyulenev V.M.** Roman villa in the context of the Christianization of the Latin West 123

Philosophy

- Aksenov G.P.** University in V.I. Vernadsky's noospheric picture of the world 134
- Smirnov G.S., Smirnov D.G., Melikyan M.A.** Virtual noospheric university: educational universe in iso-philosophic representation 148
- Erofeeva K.L.** A philosopher in the modern university: a coach or a representative of intelligentsia? 163
- Danilova V.S., Kozhevnikov N.N.** Initial principles and basic concepts of universalism in the context of noospherogenesis 174

- Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»* 184

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
LITERARY CRITICISM

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 5—10.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 5—10.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"18"

DOI: 10.46726/И.2022.2.1

**О РЕЧЕВЫХ ПРОМАХАХ ГЕРОЕВ А.Н. ОСТРОВСКОГО
В СВЕТЕ ПЕРВИЧНЫХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ**

Ольга Евгеньевна Белова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, zhut1989@mail.ru

Аннотация. Предлагается исследовать творчество А.Н. Островского сквозь призму первичных речевых жанров (на базе подходов М.М. Бахтина и А.Д. Степанова). Подобное исследование может быть проведено в различных направлениях. В качестве примера автор рассматривает отдельные ситуации в пьесах Островского, когда персонажи допускают определенные речевые промахи, что приводит к негативным результатам общения (от срыва планов до совершения преступления). Причинами данных промахов выступают как ошибки в реализации первичных речевых жанров, допущенные персонажами (несоблюдение этикета, в том числе социальной иерархии, невнимание к эмоциональному состоянию собеседника, недостаток тактичности), так и изначально неверный выбор первичного речевого жанра в разговоре; неиспользование жанра, который был бы наиболее уместен (например, отсутствие извинения в том случае, когда имела место обида). На материале пьес «Не в свои сани не садись», «Гроза», «За чем пойдешь, то и найдешь», «Бесприданница» автор показывает, что изучение пьес Островского в свете первичных речевых жанров дает возможность глубже осмыслить характеры его персонажей, мотивы их речевого поведения.

Ключевые слова: Островский, первичные речевые жанры, речевые промахи, этикет, тактичность

Для цитирования: Белова О.Е. О речевых промахах героев А.Н. Островского в свете первичных речевых жанров // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 5—10.

© Белова О.Е., 2022

Original article

SPEECH BLUNDERS OF OSTROVSKY'S HEROES IN VIEW OF THE PRIMARY SPEECH GENRES

Olga E. Belova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, zhut1989@mail.ru

Abstract. The author of the article makes an attempt to study works of A.N. Ostrovsky through the lens of primary speech genres (based on M.M. Bakhtin's and A.D. Stepanov's research). This research can be conducted in different directions. For example, the author demonstrates exploration of some situations in Ostrovsky's plays when the characters make certain speech blunders leading to miscommunication (from failure of the plans to committing crimes). In the author's opinion, the reasons of these blunders were the mistakes in realisation of primary speech genres made by characters (for example, non-compliance of etiquette norms, neglect of the collocutor's emotions, tactlessness) and non-use of appropriate speech genre (for example, one character may hurt another one and forget to apologize). Basing on plays "Ne v svoi sany ne sadis", "Groza", "Za chem poydesh, to i naydesh", "Bespridannitsa", the author shows that learning Ostrovsky's plays through the lens of primary speech genres can to a certain extent lead to the reconsideration of characters and plots of Ostrovsky's plays.

Keywords: Ostrovsky, primary speech genres, speech blunders, etiquette, tact

For citation: Belova O.E. Speech blunders of Ostrovsky's heroes in view of the primary speech genres, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 5—10.

Исследователями творчества А.Н. Островского накоплен громадный материал, характеризующий речевое мастерство драматурга, его внимательнейшее отношение к отдельному слову. Однако Островский был чуток не только к отдельным лексемам, но и к «типическим формам высказывания» [Бахтин: 240] — речевым жанрам, в границах которых происходит общение его персонажей.

М.М. Бахтин писал, что под речевыми жанрами следует понимать «относительно устойчивые типы высказывания, вырабатываемые той или иной сферой использования языка» [Бахтин: 237]. При этом он разделил все речевые жанры на первичные (простые) и вторичные (сложные). Если первичные жанры складываются в непосредственном речевом общении, то вторичные — «в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного)». Попадая в контекст художественного произведения, первичные жанры, «утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям», начинают жить по законам этого контекста [Бахтин: 239].

Долгое время изучение первичных речевых жанров проводилось лингвистами, описавшими многие конкретные формы и заложившими основы их классификации. Ситуация изменилась, когда появилась работа А.Д. Степанова «Проблемы коммуникации у Чехова» [Степанов]. С учетом корректив, сделанных лингвистами, бахтинская идея относительно значимости изучения первичных речевых жанров была возвращена в литературоведение. А.Д. Степанов не только предложил новую концепцию творчества Чехова, но и создал теоретическую основу для изучения первичных жанров в литературном произведении. Она вполне приложима и к творчеству Островского.

Исследование можно было бы вести в разных аспектах: например, выявить диапазон первичных речевых жанров в пьесах Островского, выделить наиболее репрезентативные речевые жанры, характеризующие индивидуальность Островского, раскрыть элементы картины мира Островского, отраженные через результаты общения героев. Особый интерес представляют те случаи, когда из-за нарушений правил реализации того или иного речевого жанра героев Островского постигает неудача. Причины ее часто кроются в том, что персонажи не соблюдают речевой этикет, принятый в среде, где происходит действие, или не учитывают индивидуальные особенности собеседника.

Понятие речевого этикета, в сущности, соотносимо с понятием речевых жанров, и не только потому, что среди них можно выделить такой вид, как этикетные. Речевой этикет (как определяет его, например, Л.А. Введенская) — это «разработанные правила речевого поведения, система речевых формул общения» [Введенская: 53]. Она называет, в частности, как значимый момент ситуацию общения, под которой понимается совокупность таких факторов, как личность собеседника, место, время, тема, мотив и цель общения. Каждой формуле речевого этикета соответствует особая техника реализации. Важную роль играет также тактичность, то есть «этическая норма, выражающаяся в чувстве меры, которое определяет деликатную линию поведения по отношению к собеседнику» [Борзунова]. Очевидно, что представление об этом чувстве меры тесно связано с представлением о нормах реализации того или иного речевого жанра в соответствующей среде.

Удачная реализация первичного речевого жанра во многом зависит как от этикета, так и от тактичности, понимания состояния собеседника. Эти качества должны проявляться уже при самом выборе первичного речевого жанра, который предполагается реализовать.

Рассмотрим ниже случаи, при которых несоблюдение героями Островского речевого этикета, реализуемого в том или ином первичном речевом жанре (бытовой диалог, шутка, поучение, даже комплимент) привело к речевым промахам.

В комедии «Не в свои сани не садись» дворянин Вихорев сватается к дочери купца Русакова. Сама ситуация сватовства дворянина к купеческой дочери, надо сказать, уже была способна насторожить отца девушки. Он мог и раньше слышать о подобных браках, где женихами явно двигала корысть, мог понимать (и понимал, как ясно из диалога с Вихоревым), что со своим воспитанием, уровнем образования его дочь не впишется в дворянскую среду. Неудивительно, что Вихорева он встретил настороженно, это ясно из сдержанного тона его реплик в начале разговора. Вихорев, как человек неглупый, понимает, что трудности возможны, и пытается расположить Русакова, делая комплименты сначала традиционному русскому гостеприимству, потом — его капиталу (при этом Вихорев не замечает, что последнее никак не развеивает подозрения относительно корыстности его интереса к Авдотье Максимовне). Он пробует польстить самолюбию Русакова, упирая на его исключительность: «Да разве здесь вас могут оценить, Максим Федотыч, разве могут! что вы говорите!» [Островский 1: 245]. Однако реплики Русакова по-прежнему сдержанны.

Дальше Вихорев допускает, вероятно, роковой промах: он переходит по отношению к Русакову на снисходительный, поучающий тон («В вас мало самолюбия — и это напрасно, Максим Федотыч» [там же]). По сути, он указывает на недостаток, поучает человека старше себя, что, с точки зрения его

собеседника, выглядит крайне дерзко и самонадеянно. Неудивительно, что в репликах Русакова начинается сквозить ирония: «Полноте, ваше благородие, мы люди простые, едим пряники неписанные, где нам!» [Островский 1: 246]. Дальше Русаков уже открыто выражает сомнения в искренности Вихорева: «Так ли, полно?» [там же], а затем прямо говорит, что не верит ему. Правда, от сильных резкостей Русаков пока удерживается, пытается разумно обосновать свое несогласие на брак дочери с дворянином. Но раздосадованный Вихорев совершает новую ошибку: пытается завуалированно, через обобщение, оскорбить Русакова, чем вызывает у последнего вполне понятную вспышку гнева. Очевидно, что причиной провала сватовства Вихорева в немалой степени послужило несоблюдение принятой в купеческой среде возрастной иерархии. Это подчеркивается и выводом, который о Вихореве сделал Русаков: «Не умеет разговаривать с людьми постарше себя» [Островский 1: 248].

Отклонение от принятого в патриархальном мире речевого этикета проявляет живущая в той же среде Катерина Кабанова («Гроза»), хотя это вряд ли можно рассматривать как ее речевые промахи. В ответ на первую же свою реплику («Для меня, маменька, все одно, что родная мать, что ты, да и Тихон тоже тебя любит») она получает от свекрови выговор, в котором ей, по сути, прямо указывается на конкретную ошибку: «Ты бы, кажется, могла и помолчать, коли тебя не спрашивают. <...> Что ты выскочила в глазах-то поюлить!» [Островский 2: 219]. То есть вмешательство в разговор мужа и свекрови, которое позволила себе Катерина, выглядело в глазах Кабановой как нарушение нормы общения, как неуместная попытка привлечь к себе внимание.

Второе неочевидно. Поступок Катерины можно трактовать как продиктованный обидой на несправедливые и оскорбительные подозрения свекрови («Аль жена тебя, что ли отводит от меня, уж не знаю» [Островский 2: 218]). Сама Катерина на это и указывает: «Напраслину-то терпеть кому ж приятно!» [Островский 2: 219]. И отметим: когда Катерина объясняет причины своего вмешательства в разговор, Кабанова постепенно идет «на попятную», признавая, что могла задеть чувства невестки, и считая нужным объяснить свое поведение беспокойством о молодом поколении («Знаю я, знаю, что вам не по нутру мои слова, да что ж делать-то, я вам не чужая, у меня об вас сердце болит» [там же]).

В комедии «За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзаминова)» сваха Красавина пытается примириться с возможным клиентом — Мишей Бальзаминовым, у которого ранее дважды срывалось устроенное ею сватовство. Бальзаминов встречает ее враждебно: «Я еще и говорить-то с тобой не хочу. Вот что!» [Островский 1: 353] Заметим, что очень эффективным может оказаться использование речевого жанра извинения, и чуть выше, в диалоге с матерью Миши, сваха прибегает к этому жанру. Однако в диалоге с самим Бальзаминовым она не считает нужным извиняться.

Красавина хочет предложить ему новую кандидатуру невесты, но мало того, что в принципе начинает разговор неудачно — с насмешки («Красоты моя писанная, разрисованная!» и т. п.), еще и неудачно выбирает первый же аргумент, заявляя Бальзамину: «Ты человек глупый» [там же]. Это больно бьет по самолюбию Бальзаминова, и он, восприняв ее слова как оскорбление, начинает защищаться, возражать: «Как же, глупый! Ишь ты, дурака нашла!» [там же]. При этом для Красавиной реплика про глупость Бальзаминова скорее была констатацией факта, от которой она собиралась отталкиваться в рассуждениях. Видимо, поэтому сваха и стоит на своем,

не воспринимая всерьез явно проникнутые обидой реплики Бальзамина («Ты молчи, не твое дело!», «Да что ты все: глупый да глупый!»). В результате негативные переживания ее собеседника усугубляются: «Ты думаешь, я вам на смех сдался?» [Островский 1: 356], и он просто обрывает разговор. Примирения, на которое рассчитывала сваха, не происходит.

Заметим, что чуть ранее похожую ошибку (непонимание эмоционального состояния собеседника) едва не допускает персонаж той же комедии Лукьян Чебаков. Посылая Бальзамина передать письмо Анфисе Пеженовой, он отпускает грубоватую шутку: «Послушайте, Бальзаминов, а ну как вас там высекут?» [Островский 1: 359]. Неудачная шутка в адрес Бальзамина чуть не стоит Чебакову сорванного плана: испугавшись, Бальзаминов готов отказаться идти. Однако Чебаков вовремя спохватывается и успокаивает его («Как вы, Бальзаминов, шуток не понимаете! <...> Уж будьте покойны! Я бы вас не послал») [там же]. Пусть шутка как речевой жанр и возникает в процессе коммуникации, не ограниченном содержательными или формальными рамками, но соблюдение этикета или тактичности для удачной реализации этого жанра также важно.

В обоих описанных случаях причиной речевых промахов персонажей становится (или едва не становится) бестактность, отсутствие того самого чувства меры если не по отношению к принятым речевым нормам, то, как минимум, по отношению к конкретному человеку.

В рассмотренных выше случаях речевые промахи заканчиваются пусть не всегда совсем безобидно, но, во всяком случае, не трагически. Не так в финальном разговоре Ларисы и Карандышева в «Бесприданнице», где они приводят к действительно страшным последствиям.

Вероятно, затеявая разговор с Ларисой, Карандышев надеялся как на извинения с ее стороны, так и на примирение между ними. В принципе на извинения он, как пострадавший от ее измены, имел право, но, к сожалению, Лариса была совершенно не в том эмоциональном состоянии, чтобы анализировать свое поведение и признавать неправоту. И первая же ее реплика при встрече с Карандышевым должна была показать ему, что извиняться она не собирается и вообще виноватой перед ним себя не ощущает («Как вы мне противны, кабы вы знали! Зачем вы здесь?» [Островский 8: 229]). Он мог бы осознать и то, что Лариса не способна на примирительный разговор с ним. Однако Карандышев, игнорируя явно проявляемое отрицательное отношение Ларисы к себе, продолжает разговор, при этом, однако, не пытаясь как-то облегчить ее состояние. Напротив, он, не сдерживая себя, усугубляет душевную боль Ларисы тем, что сообщает о нанесенном ей оскорблении (игре в орлянку) и вольно или невольно нанося оскорбление сам («Ну, если вы вещь, это другое дело. Вещь, конечно, принадлежит тому, кто ее выиграл, вещь и обижаться не может» [Островский 8: 229]).

Речевые промахи Карандышева в значительной мере вызваны его эмоциональным состоянием, которое усугубляют реплики Ларисы. О ее речевых промахах говорить, конечно, не приходится, она не хочет примирения с Карандышевым и в разговоре с ним вполне искренне выражает то, что у нее на душе (возможно, впрочем, что со стороны Ларисы имеет место провокация — не забудем ее неудавшуюся попытку самоубийства и слова перед появлением Карандышева «Кабы меня убил кто-нибудь»). Она раз за разом отвечает ему откровенно грубо, в попытках задеть его прибегая даже к неправде: «Для меня самое тяжкое оскорбление — это ваше покровительство;

ни от кого и никаких других оскорблений мне не было» [Островский 8: 229] — хотя сама только что пережила предательство со стороны Паратова и Вожеватова, а также непристойное предложение от Кнурова. В итоге объяснение переходит в быстро набирающую обороты ссору, которая завершается выстрелом Карандышева.

На основании изложенного очевидно, что изучение первичных речевых жанров (тесно связанных с речевым этикетом) в творчестве Островского и промахов в их реализации дает возможность глубже рассмотреть ситуации общения и, соответственно, яснее понять характеры персонажей, мотивы их речевого поведения.

Список литературы / References

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 424 с.
(Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity, ed. by S.G. Bocharov, Moscow, 1979, 424 p. — In Russ.)
- Борзунова А.К. Коммуникативные неудачи как следствие нарушения речевого этикета // Молодой ученый. 2012. № 8 (43). С. 79—83. URL: <https://moluch.ru/archive/43/5176/> (дата обращения: 03.03.2022).
(Borzunova A.K. Communication failures as a result of violation of speech etiquette, *Young scientist*, 2012, no. 8 (43), pp. 79—83. — In Russ.)
- Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык и культура речи: справочное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. 384 с.
(Vvedenskaya L.A., Pavlova L.G., Kashaeva Ye.Yu. Russian language and culture of speech: reference manual, Rostov-na-Donu, 2002, 348 p. — In Russ.)
- Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.: ГИХЛ, 1949—1953.
(Ostrovskiy A.N. Complete Works: in 16 vols, Moscow, 1949—1953. — In Russ.)
- Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
(Stepanov A.D. Problems of communication in Chekhov, Moscow, 2005, 400 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.03.2022; одобрена после рецензирования 03.04.2022; принята к публикации 22.04.2022.

The article was submitted 27.03.2022; approved after reviewing 03.04.2022; accepted for publication 22.04.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Белова Ольга Евгеньевна — аспирантка кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, zhut1989@mail.ru

Belova Olga Evgenievna — Postgraduate student of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, zhut1989@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 11—20.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 11—20.

Научная статья

УДК 821.111(71)

DOI: 10.46726/И.2022.2.2

АФРОФУТУРИЗМ В КАНАДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XXI ВЕКА (На примере сборника рассказов К. Келлоу «Dominoes at the Crossroads»)

Георгий Эдуардович Мартиросян

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия,
georgmartirosian@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена литературоведческому анализу сборника рассказов Кэти Келлоу «Dominoes at the Crossroads» (2020) как афрофутуристического артефакта новейшей культуры Канады. Афрофутуризм рассматривается как критический метод и арт-движение, которое с помощью документального и фантастического нарративов призвано рассказать о подлинном положении африкано-канадцев и карибо-канадцев в Северной Америке. По мнению автора статьи, ввиду достаточно закрытой политики канадского правительства и исторического отрицания легитимного существования института рабства афрофутуристическая диада «фактическое — вымышленное» в новейшей литературе Канады реализуется иначе, чем в афрофутуристических литературах других американских стран. Фактическая невозможность доступа к документам, фиксировавшим последствия рабовладения в Канаде, обеспечивает афрофутуристическое искусство этой страны мощным фантастическим нарративом, гибридизацией художественных кодов и радикальными философскими концепциями.

Ключевые слова: афрофутуризм, научная фантастика, деколониальность, африкано-канадская литература, карибско-канадская литература

Благодарности: работа выполнена при поддержке доктора филологических наук, профессора кафедры сравнительной истории литератур Института филологии и истории РГГУ Морозовой Ирины Васильевны.

Для цитирования: Мартиросян Г.Э. Афрофутуризм в канадской литературе XXI века: (на примере сборника рассказов К. Келлоу «Dominoes at the Crossroads») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 11—20.

Original article

AFROFUTURISM IN THE 21st CENTURY CANADIAN LITERATURE

(On example of “Dominoes at the Crossroads” by K. Kellough)

Georgii E. Martirosian

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
georgmartirosian@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the literary analysis of the story collection “Dominoes at the Crossroads” (2020) by Kaie Kellough as an Afrofuturist artifact of the newest culture of Canada. Afrofuturism itself is considered as a critical method and art movement, which, with the help of documentary and fantasy narratives, is designed to talk about the true experience of African Canadians and Caribbean Canadians in North America. According to the author of the article, due to the policy of the Canadian government and its historical denial of the legitimate existence of the institution of slavery, the facts of slavery remain unexposed. It all results in the following: the traditional Afrofuturist dyad ‘factual / fictional’ is implemented in the newest Canadian literature more differently than in the Afrofuturist literatures of other countries in the Americas. The actual impossibility of access to documents that testify to the consequences of slavery in Canada provides the Afrofuturist arts of this country with a powerful fantasy narrative, hybridization of artistic codes, and radical philosophical concepts.

Keywords: Afrofuturism, science fiction, decoloniality, African Canadian literature, Caribbean Canadian literature

Acknowledgements: the work was supported by Irina V. Morozova, Ph.D., Professor of the Department of Comparative History of Literature at the Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities.

For citation: Martirosian G.E. Literary Afrofuturism in Canada of the 21st century: (On example of “Dominoes at the Crossroads” by K. Kellough), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 11—20.

Афрофутуризм, впервые появившийся в современной культуре США и развивающийся главным образом в странах Северной и Латинской Америк, Африки и Европы, ставит своей целью переосмыслить судьбу и роль черного человека в истории развития цивилизации. Размышляя о значении африканской диаспоры в истории культуры США, современные ученые, например, И. Вомэк, М. Дери, Д. Янси и Р. Андерсон, смотрят на афрофутуризм как на «критический метод, цифровую герменевтику и метафизические манифестации опыта черных» [Anderson K.: 25].

Афрофутуризм исследует, как афроамериканцы, представление о которых часто искажается в пространстве цифрового мира, меняют этот мир, в котором не-белые, с исторической и политической точек зрения, могут не только быть свободными от европейского этноцентризма, но и свободно создавать культурные нарративы [Anderson K.: 176].

По Д. Янси, афроамериканская идентичность — это «общая история черных людей, которые долго страдали и делились друг с другом травматическими переживаниями, связанными с неоднократными актами белого расизма, взаимообменные последствия которого определяют культуру Америки»

[Yancy: 24—25] Янси предлагает решить эту проблему посредством позитивного сопротивления картине мира, где люди представляют африканцев преступниками, а Африку — отсталой цивилизацией. Он считает, что афрофутуризм, во-первых, впервые дает афроамериканцам возможность быть вписанными в будущее, которое в XVII в. было украдено колониальной Европой у их предков, и переосмысляет сам концепт будущего, «обелённого» европейцами; во-вторых, является одной из немногих форм культуры, где нет тенденции к проблематизации и виктимизации «чернокожести» [Yancy: 30].

Футуристические фантазии всегда были присущи афроамериканской традиции в культуре США (шире — стран Северной Америки) в том смысле, что спекулятивное искусство, созданное белыми американцами и изображающее темнокожих, говорило об африканцах как о «недочеловеченных и примитивных носителях страха», что в конечном счете заставило афроамериканских художников выработать особые эстетические практики, опровергающие колониальные представления и создающие своеобразные фантастические, хотя и с документальной точки зрения правдивые пространства в искусстве [Mayer: 72]. Так, это позволило Л. Яшек установить, что ключевой интерес афрофутуристов вызывает «репрезентация истории», потому что традиционная история объективизирует чернокожесть, тиражирует и эксплуатирует образ африканца, и этим нивелирует роль Африки в развитии мировой цивилизации [Yaszek: 289].

По Яшек, афрофутуризм как философия сформировался благодаря тому, что афроамериканские художники, сталкиваясь с минимизацией их опыта в культуре США, начали работать над контристорией, которая могла бы восстановить объективную связь между репрезентациями прошлого, настоящего и будущего в постколониальной культуре. Исследовательница отмечает, что американская культура склонна отвергать альтернативные методы истории и что, как результат, ее характеризуют письменные тексты, которые практически не охватывают опыт черных в Северной Америке [Yaszek: 299].

Важно отметить, что афрофутуристическая критика культуры смотрит на историю как на вымысел и предполагает, что люди — это объекты имперского историзма, навязывающего миру европоцентристские протоколы институциональной памяти, понятия национального происхождения и территориального суверенитета и подменяющего ими подлинный исторический опыт современного человека. История, заключенная между различными институциональными силами, принимает новые формы и обнаруживает непримиримое противоречие, в рамках которого европейская культура одновременно и трансформирует историю, и трансформируется этой историей. Афрофутуризм внимательно исследует эту оказавшуюся концептуально плодотворной феноменологическую двусмысленность, поскольку именно она позволила исследователям говорить о мотиве инопланетности в связи с опытом африканского рабства в США.

И. Вомэк, продолжая мысли М. Дери и Р. Андерсона о том, что чужеродность африканцев — «первых инопланетян» — на американской земле в метафизическом смысле разрушила европейскую историю, объясняет, что мотив отчуждения вообще стал афрофутуристическим основанием для сопротивления версии истории Африки, которую европейцы создавали с XVII века [Womack: 30]. Наряду с деконструкцией понятия «история», афрофутуристический дискурс меняет взгляд на понятие «линейное время» и в качестве альтернативы предлагает считать время «изгибаемым».

И. Чисери-Ронай, исследуя научно-фантастический дискурс, считает, что он оформился благодаря технологической экспансии, породившей и укрепившей империализм, и желанию обществ европейских стран видеть себя гегемониями, жонглирующими понятием «прогресс» и традицией богословия, которая, встретившись с не-европеоидными расами, ориентировалась на легитимацию колониализма [Csicery-Ronay: 23]. ДекOLONиальная и афрофутуристическая критика называют расовую враждебность Нового времени «общей структурой альтерации» [Anderson K.: 17].

К. Эшун, говоря об афрофутуристической деколонизации истории, уделяет особое внимание тому, как афрофутуризм, с одной стороны, предлагает свой кибер-сценарий будущего, а с другой стороны, будучи включенным в общеевропейскую научно-фантастическую традицию, центрируется на сценарии настоящего времени [Eshun: 13]. По Эшуну, афрофутуристический художественный проект должен опираться на «двойственную оптику» (критическое начало — утопическое начало), чтобы реконструировать транснациональное заблуждение о пожизненной обреченности Африки на экономическую беспомощность. Будущее, которое изображает афрофутуризм, можно считать «виртуальным, досрочным, будущим условным» [Eshun: 16].

Канадская версия афрофутуризма, в отличие от американской, начала оформляться только в XXI веке. Историк Р. Винкс выстраивает фундаментальный нарратив об опыте черной Канады, который «никогда до этого не был рассказан должным образом» [Winks: 12]. Хотя первые африканцы оказались в Канаде как минимум в XVII веке, национальная историографическая традиция предпочитала минимизировать их опыт. Винкс опровергает социокультурный миф, что Канада была местом убежища для африканских рабов из США и с Ямайки.

Благодаря второстепенному значению аграрного сектора в экономике и северному климату практика рабства в Канаде никогда не была такой же масштабной, как в Соединенных Штатах или в Карибском бассейне. Тем не менее, в 1628—1833 гг. рабство было легитимным институтом как на французских, так и на английских территориях страны. Канадские критики культуры предлагают рассматривать афрофутуризм не просто как методологию, эстетическую систему или теорию, а как арт-движение, характеризующее первую половину XXI века. Многие из них обращаются к труду Р. Андерсона и Ч.Э. Джонса «Afrofuturism 2.0: The Rise of Astro-Blackness» (2016), представляющему переход от идей, сформированных в конце XX века, к проблеме цифрового культурного разрыва, и включающему в афрофутуристическую традицию религиоведение, архитектуру, коммуникации, визуальное искусство и философию. Афрофутуризм, по Андерсону и Джонсу, — это глобальный панафриканский феномен [Anderson, Jones: 17].

Технологичность в этом арт-движении поддерживается благодаря техно-народному творчеству и увеличению репрезентативности культуры, производимой африканской диаспорой как в Канаде, так и в США. Поскольку технологии имеют культурно-историческую основу и способны к локализации в более широких социокультурных мифах, афрофутуризм в Канаде считается продолжением DIY-эстетики и синкретических практик. Техноцентричность в афрофутуризме рассматривается принципиально как концепция или культурно-историческая практика, а не как новый способ производства эстетического артефакта.

Канадский афрофутуризм характеризуется глубокой концептуализацией окружающей среды (в художественных текстах ее аналогом выступает хроно-топ), а также «киборгизацией» арт-объектов [Anderson, Jones: 154]. Это решает задачу переориентации городского расового воображения. Для литературной практики К. Келлоу важна мысль М. Дери, что прошлое Африки можно перекодировать, чтобы закрыть историческую пустоту в ее культуре, принесенную ужасами Среднего пути и насильственным стиранием рабства. Это, по Дери, позволяет прогнозировать будущее [Dery: 8]. При этом будущее время должно нарушать программную схему европоцентричной политики.

Как считает К. Эшун, афрофутуризм как арт-движение не стремится отрицать традицию контрпамяти. Он, скорее, направлен на расширение этой традиции путем переориентации межкультурных векторов черно-атлантической темпоральности как пролептической и ретроспективной. Исследователь связывает это с механизмами, по которым работают структуры власти в европейских странах: с одной стороны, капитал продолжает и продолжит функционировать за счет наследия имперского прошлого, а с другой — в XXI веке власть вынуждена менять стратегию управления и обеспечивать электоратам надежное будущее [Eshun: 16]. Нарратив рабства, вокруг которого возник афрофутуризм, — материал прошлого и настоящего колониального мира, который мобилизуется на картину такого будущего, где африкано-канадская диаспора освобождена от ярлыка рабов, который им был навязан американским континентом.

Сборник Кайе Келлоу «Dominoes at the Crossroads» состоит из 11 рассказов. В каждом из них рассказывается о персонажах, которые путешествуют из одной части Канады в другую, в страны Карибского бассейна, Европы и Африки. Эта художественная миграция происходит в трех временных измерениях сразу, и вместе со сменой идентичностей действующих лиц (они меняют возраст, этническую идентичность и социальный класс) и хронотопа раздвигаются границы общемировых культур. Их коды не просто смешиваются, но кристаллизуются в трехмерном пространстве, благодаря которому книга превращается в своего рода манифест новой нации.

Книга Келлоу с самого начала сигнализирует о принадлежности к афрофутуристическому художественному проекту. Она начинается со своеобразной пародии на академический устный доклад, сопровождаемый сносками и указателями на реальные научные источники. Докладчик выступает перед аудиторией с материалом, который якобы пришел из будущего. В центре выступления — сам Кайе Келлоу, который, как можно узнать впоследствии, приходится прапрадедушкой персонажу, участвующему в панельной дискуссии.

Пародийный эпиптезис, работающий на приеме «amanuensis», рассказывает о цифровом настоящем, в котором оказался Квебек к середине XXII — началу XXIII вв. Вездесущность адептов африканской цивилизации, по прогнозу Келлоу, возможно будет наблюдать в XXII веке. Однако в 2008 году им все еще приходится жить в бедных кварталах квебекского пригорода.

В городе Сен-Мишель происходит действие рассказа «Porcelain Nubians». Это история мальчика — потомка рабов, получившего по наследству недвижимость. Через некоторое время в районе происходит джентрификация, его заселяют состоятельные французы. Персонаж получает лицензию инвестора и делает миллионное состояние на сделках с продажей домов.

Смысловый центр текста приходится не на молодого разбогатевшего африкано-канадца, живущего в настоящем, а на объекты, имеющие отношение

к прошлому. Среди них — интерьерные украшения, якобы привезенные его дедом в Канаду из неназванной африканской страны. Сарказм Келлоу проявляется не столько в самом сюжете, сколько в названии рассказа. «Porcelain Nubians» отсылает к фигуркам англо-нубийской козы, которыми можно украшать комнаты. Этот вид козы был получен в XIX веке благодаря скрещиванию между коренными британскими козами и смешанной популяцией веслоухих. Они были привезены из Северной Африки. В отличие от других молочных коз, англо-нубийские козы могут жить в очень жарком климате (эта издевка-перевертыш Келлоу направлена, вероятно, на жалобы колонизаторов о непригодности черных рабов к суровому канадскому климату).

Келлоу травестирует саму основу афроамериканской литературы — преджанровый миф о свободе и до-воплощении. Традиционный для нее прием «зова-и-ответа», пришедший из афроамериканского церковного ритуала, разрушается. «Зов» в случае с «Porcelain Nubians» — это канадский институт рабства, трансформировавшийся в рынок обслуживания, а «ответ» — следствия этой трансформации, согласно которым социальное расслоение внутри африкано-канадской диаспоры стало значительно выше, чем во времена, когда рабство в Канаде было узаконено английской и французской коронами.

В рассказе «Shooting the General» преджанровый миф мощно герметизируется. Текст выполнен в жанре квазибиографического очерка. История рассказывается известным сенегальским футболистом и полузащитником норвежского клуба «Кристансунд» Амиду Диопом, однако это выясняется только в последнем предложении фрагмента. В «Shooting the General» Диоп далек от спорта — он работает наемным шпионом в швейцарской Лозанне, владеет бутиком африканского искусства, но живет на постоянной основе в Сенегале. Диоп пребывает в Лозанну, чтобы убить квебекского революционера, укравшего картину Бенджамина Уэста «Смерть генерала Вольфа» (1770).

Маркер «агента преобразования» и метафора темноты, включающая черный цвет кожи и удаленность от культуры, разворачивается на весь сборник. Эта «перекрестность» помещает всех действующих лиц рассказов Келлоу в особенный для афрофутуризма хронотоп. Выключенность людей африканского происхождения из исторического нарратива о Канаде эксплуатируется здесь как художественная и концептуальная возможность. Она позволяет Келлоу задавать фрагментам такие конфигурации, при которых персонажи могут апроприировать не только артефакты культуры, так или иначе имеющие отношения к прошлому Африки, но и любые предметы вообще. Отсюда — зависимость Диопа от тяжелых наркотиков и прием экфрасиса, используемый Келлоу в рассказе «Shooting the General».

Если в европейской литературе экфрасис в большинстве случаев создает иллюзию естественности, то у Келлоу он, с одной стороны, тяготеет к традиции антиутопии, когда с помощью описания величественных достижений культуры шифруются претензии к действующей власти, а с другой — напротив, создает комический эффект и кристаллизует «несоответствие» африканской (в данном случае — сенегальской) идентичности нормам, установленным на мировом франкофонном пространстве, а также технологиям, связанным со шпионской деятельностью.

Стоит отметить, что система образов в книге «Dominoes at the Crossroads» не имеет доминантов. На всех уровнях текстовой организации нарраторы как будто оттеняются второстепенными, эпизодическими или внесценными фигурами. Асинхронность и разнообразие модификаций структурных

элементов приближают «Dominoes at the Crossroads» к традиции европейской «новой драмы». Каждый фрагмент книги можно рассматривать как полилог или, если учитывать прием «личный секретарь», реализованный во вступлении к первому тексту, — как (квази)солилокви.

Келлоу усиливает фрагментацию своего текста с помощью экстрахудожественных вставок. Они являются трансформированными ремарками. Их можно назвать и интерпозитивными, и постпозитивными, и номинативными. При этом важно, что только к концу книги они детрансформируются до традиционного вида: в рассказе «Smoke that Thundered» есть две ремарки, одна из которых описывает художественный интерьер и экстерьер непосредственно перед началом текста, а вторая служит контрапунктом для буквальной смерти автора. Книга заканчивается самоубийством Кайе Келлоу.

В своем ультрагибридном тексте, который может прочитываться и как сборник автономных рассказов, и как фрагментарный роман, и как экспериментальная драма, Келлоу не забывает о любовном сюжете. Наиболее герметичными смыслами он — а также черное музыкальное искусство — нагружен в тексте «We Free Kings», который начинается с квазибиографического убийства тридцатилетнего ямайского модного дизайнера Делроя Портмора. Преступление произошло на гомофобной почве сразу после того, как Портмор совершил каминг-аут перед семьей во время Ямайского гей-прайда в 2016 году. Новость об убийстве Портмора отбрасывает рассказчика — потомка беженцев из Гаяны — в 1998 год, время, когда он был студентом в Монреале. На одном из вечеров, организованных панафриканской диаспорой Квебека, он познакомился Камило Сьенфуэгосом — потомком беженцев из Гаити, с которым у него завязались отношения и которого через некоторое время убили так же, как Делроя Портмора. В «We Free Kings» Келлоу исследует сексуальность одной из самых маргинализованных групп внутри африканской и карибской диаспор Канады.

Обращение к ЛГБТ-дискурсу сближает Келлоу с С. Делани, автором сборника рассказов «Да, и Гоморра» (1971); поэтессой Ш. Кларк и поэтом Э. Хэмпфиллом. Однако Келлоу идет не по пути конструирования жанра квір-утопии. В «Dominoes at the Crossroads» Келлоу изгоняет Канаду — и всех, кто в ней живет, — из истории так же, как Канада продолжает изгонять из нее всех африканцев. Во вступлении к книге он пишет о себе же: «*Kellough notes, in his personal correspondence, that the 375th celebration of the “founding” of Montreal were marked by an advertisement that was filmed in various locations throughout the city, and that did not feature a single Montrealer of color. Yet, when Kellough visits those same locales on any given weekday, he is himself a person of color occupying public space, and he encounters others like himself. <...> The quotidian reality, as well as the historical reality, is different*» [Kellough: 5] / «В личной переписке Келлоу отмечает, что празднование 375-ой годовщины Монреаля сопровождалось повсеместной рекламой, в которой не было ни одного черного. При этом, когда Келлоу ходит по городу в любой будний день, он — черный, оккупирующий общественное пространство, — встречает других черных. Повседневная и историческая реальности различаются».

Персонаж выступает в роли верификатора исторической правдоподобности описываемых им художественных событий. Келлоу, текст которого с первой страницы разламывает саму триаду времени «прошлое — настоящее — будущее», закрепленную в европейской гуманитаристике философией Нового времени, и как бы уподобляет его формуле «будущее-в-прошлом»,

обустраивает время и пространство «Dominoes at the Crossroads» с опорой на культуру Центральной и Восточной Африки.

В этих культурах артикулированы только два аспекта времени — саса (= духи, известные живому, или Микровремя) и замани (= духи, которые в настоящий момент неизвестны живому, или Моновремя). Кенийский философ и писатель Дж. Мбити пишет, что Африка воспринимает время как совокупность событий, а то, что в Европе принято считать прошлым, настоящим и будущим в представлениях подавляющего количества африканских стран функционирует параллельно [Mbiti: 164]. Саса всегда растворяется в замани, и время становится многослойным. Саса гибко, оно способно сжиматься и расширяться так же, как прошлое сжато в художественном проекте Келлоу для того, чтобы будущее смогло стать расширенным. Замани в контексте «Dominoes at the Crossroads» — это будущее, источник афроканадского опыта. По Келлоу, из-за многовекового политического курса Канады на порабощение не-европеоидного населения у афроканадцев нет ни прошлого, ни настоящего.

По Келлоу, африкано-канадцы и карибо-канадцы — потомки рабов — не должны ни покидать Канаду, ни оставаться в ней. В «Dominoes at the Crossroads» пространство планеты представлено таким образом, что в каждом его месте живут представители альтернативной нации. К 2143 году — последней временной метке, обозначенной в книге, — африкано- и карибо-канадцы успешно пережили коллективную травму рабства и построили новый город на месте Монреаля. Новое общество, изображаемое во вступительном пародийном эпиптезисе, не застыло в развитии — мир, который изобретает Келлоу, не оторван от внехудожественной реальности. Напротив, он соотносится с реальными географическими координатами Земли. Жизнь альтернативной нации не лишена конфликтов. Главным из них можно обозначить продолжающийся социальный разрыв между жителями Монреаля 2143 года.

Будущее обеспечивается цифровизацией. В «Dominoes at the Crossroads» под технологиями понимаются не результаты (пост)индустриального прорыва стран Европы, а артефакты культуры, которые были произведены и африканцами, и европейцами. В каждый из фрагментов Келлоу включает детализированные интерьерные и экстерьерные вставки. При этом вазы, картины, ковры и другие элементы декора помещений, сделанные африканцами, наиболее гармонично вписываются в общий вид комнат, описываемых в книге. По Келлоу, ремесленные достижения африканцев — это то же самое, что европейские высокие технологии, и такой колоссальный разрыв, обнаруживающий оппозицию «архаичное — цифровое», обусловлен только историческими факторами.

Фантастический нарратив в «Dominoes at the Crossroads» работает на приеме коллективного портрета, или портрета-лейтмотива, который при этом не используется Келлоу как способ типизации. Эта небольшая книга населена большим количеством не похожих друг на друга персонажей. Фантастическое для Келлоу — это то же самое, что социальное (= инклюзивный социум, который способен обслуживать интересы и запросы подавляющего большинства людей; в данном случае — афро- и карибо-канадской диаспор). Фантастическое-социальное в книге балансирует между персонажами фрагментов и городским пространством. Урбанизация Монреаля, по Келлоу, имеет такую же трагическую историю, как социализация не-европейцев во всей Канаде. Декolonизация (и декриминализация) африкано-канадцев происходит одновременно с деколонизацией квебекской столицы. Монреаль проходит обряд

инициации лишь в 2143 году, когда его уже полностью заселяют представители альтернативной нации, и разрастается до вселенских пределов (Монреаль буквально существует не только на земле, но и под водой, а также в космосе), тем самым реализуя афрофутуристическую установку на «инопланетный» статус черного человека в культуре.

В пародии на академический доклад, открывающий книгу, Келлоу (а вернее — его праправнук) зло смеется над белыми жителями Квебека, потерявшими свои люксовые дома после климатической катастрофы 2040 года, то есть принявшими у черных статус не-присутствия. «Инопланетная» тема решается в книге с помощью своеобразной закольцовки, и сам Келлоу шутит, что Африка всегда приезжает, а Европа всегда уезжает: африканцы стали инопланетянами, прибыв на Запад; люди Запада стали инопланетянами, покинув Европу, и таким образом, вопрос необходимого возвращения африкано-канадцев в страны, откуда прибыли их предки, в тексте снимается.

Жанровая амбивалентность келлоуского текста предлагает канадским афрофутуристам новое решение проблемы отсутствия исторических документов, свидетельствующих о функционировании института рабства как в франкофонных, так и в англофонных провинциях и территориях страны. Документальный нарратив — неотъемлемая часть фантастического компонента афрофутуристической литературы, по Келлоу, должен строиться исключительно на имитации, потому что канадская история, продолжая отказываться от включения африкано-канадцев и карибо-канадцев, неосознанно подражает основаниям самой афрофутуристической эстетики. Процесс отвоевания черного прошлого у колониальной Канады длится уже полвека, и, согласно Келлоу, к середине XXII века его страна будет представлять лучшее на земле место для африканцев.

Фантастическое, таким образом, в художественном мире Келлоу идет рука об руку с социальным и экономическим — двумя компонентами, которые невозможно компенсировать из-за продолжающегося молчания правительства Канады о многовековом легитимном функционировании института рабства на территории страны.

Список литературы / References

- Anderson K. *Race and the Crisis of Humanism*, London: Routledge, 2007, 226 p.
- Anderson R., C.E. Jones. *Afrofuturism 2.0: The Rise of Astro-Blackness*, Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books, 2016, 242 p.
- Csicery-Ronay I. *Science Fiction and Empire*, New York City: Routledge, 2009, 270 p.
- Dery M. *Black to the Future: Interviews with Samuel D. Delany, Greg Tate, and Tricia Rose*, Durham: Duke University Press, 222 p.
- Eshun K. Further Considerations on Afrofuturism, *The New Centennial Review*, 2003, vol. 2, iss. 2, pp. 287—302.
- Kellough K. *Dominoes at the Crossroads: storybook*, Singapore: Esplanade Books, 2020, 180 p.
- Mayer R. Africa as an Alien Future, *Amerikastudien*, 2000, vol. 45, iss. 4, pp. 555—566.
- Mbiti J. *African Religions and Philosophy*, Garden City: Anchor Books, Doubleday & Company Inc., 1970, 404 p.

Womack Y. Afrofuturism: The World of Black Sci-Fi and Fantasy Culture, Chicago: Chicago Review, 2013, 224 p.

Winks R. The Blacks in Canada, Montreal: McGill-Queen's University Press; New Heaven: Yale University Press, 1971, 582 p.

Yancy G. Black Bodies, White Gazes, Lanham: Rowman & Littlefield, 2017, 114 p.

Yaszek L. Afrofuturism, Science Fiction, and the History of the Future, *Socialism and Democracy*, 2006, vol. 20, iss. 3, pp. 41—60.

Статья поступила в редакцию 19.04.2022; одобрена после рецензирования 26.04.2022; принята к публикации 05.05.2022.

The article was submitted 19.04.2022; approved after reviewing 26.04.2022; accepted for publication 05.05.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Мартirosян Георгий Эдуардович — аспирант Института филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, georgmartirosian@yandex.ru

Martirosian Georgii Eduardovich — Postgraduate student of the Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, georgmartirosian@yandex.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 21—29.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 21—29.

Научная статья

УДК 821.111(73)

DOI: 10.46726/И.2022.2.3

ЖЕНСКИЙ МИР В «УТРАЧЕННОМ РАЕ» ПОСЛЕВОЕННОЙ ЛУИЗИАНЫ: «РАССКАЗЫ НА БАЛКОНЕ» ГРЕЙС КИНГ

Ирина Васильевна Морозова

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия,
irinamoro@gmail.com

Аннотация. После Гражданской войны в США отчетливо оформляются региональные литературные школы, в числе которых наибольшей оригинальностью отличалась так называемая «Новоорлеанская школа». Ее лидерами стали женщины, которые не только откликнулись на животрепещущие вопросы жизни послевоенного Юга, испытывавшего травму проигрыша, но и выдвинули важные вопросы, связанные с самоидентификацией женщины. Значительный вклад в развитие региональной литературы внесла Грейс Кинг, чье творчество отразило ощущение безвозвратно утраченного рая, ностальгию по кажущемуся гармоничным прошлому, сложность адаптации южанки к требованиям нового времени. В статье рассматривается сборник новелл Г. Кинг «Рассказы на балконе», демонстрирующий специфику южной литературы как в тематическом, так и нарративном аспектах.

Ключевые слова: Грейс Кинг, регионализм, южная литература, Луизиана, «новоорлеанская школа», женская литература

Для цитирования: Морозова И.В. Женский мир в «утраченном рае» послевоенной Луизианы: «Рассказы на балконе» Грейс Кинг // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 21—29.

Original article

WOMEN'S WORLD IN POST-WAR LOUISIANA'S "PARADISE LOST": GRACE KING'S "BALCONY STORIES"

Irina V. Morozova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
irinamoro@gmail.com

Abstract. Distinct regional literary schools were formed after the Civil War in the United States. The so-called "New Orleans School" was the most original among them. Its leaders were women who not only responded to the burning questions of life in the post-war South with its trauma of having lost, but also raised important questions related

© Морозова И.В., 2022

2022. Вып. 2 •

to the self-identification of a woman. A significant contribution to the development of regional literature was made by Grace King, whose work reflected the feeling of an irretrievably lost paradise, nostalgia for a seemingly harmonious past, the difficulty of a southerner's adapting to the requirements of the new time. The article deals with the collection of short stories by G. King "Balcony Stories", demonstrating the specifics of Southern literature both in thematic and narrative aspects.

Keywords: Grace King, regionalism, Southern literature, Louisiana, "New Orleans School", women literature

For citation: Morozova I.V. Women's world in post-war Louisiana's "Paradise Lost": Grace King's "Balcony Stories", *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 21—29.

Своеобразие южной культуры и литературы США обеспечивается особыми социокультурными обстоятельствами, характерными для всего большого региона, отмеченного рабовладением. Однако Юг как исторически сложившийся регион представляет сейчас, а тем более в XIX в., далеко не однородное образование. Южная Конфедерация включала в себя штаты с отчетливым своеобразием, обусловленным особыми факторами, среди которых цели, время образования, вероисповедание большинства жителей и т. д.

К числу наиболее своеобразных штатов относится Луизиана и ее главный культурный центр Новый Орлеан «с его креольской культурой, европейским образом жизни, его ураганами, наводнениями и лихорадкой, с его репутацией гедонистического, чувственного» города [Showalter: 228]. Во время французского и испанского владения в Луизиане сформировалась мультиэтническая и мультирасовая иерархическая лестница, на вершине которой находились белые плантаторы или родившиеся здесь креолы, затем следовало цветное свободное население смешанного европейско-индейско-африканского происхождения, быстро разрастающееся в условиях института пласажа и отчасти стирающее расовые границы между цветными и белыми, и последней группой были черные рабы. Следует особо отметить, что границы между этими группами не были резкими, мобильность между ними была достаточно высокой.

Продажа территории Луизианы США имела весьма отрицательный эффект для всех слоев населения. Принятие английского официальным языком поставило под угрозу существование традиционных французского и испанского языков, романскую культуру в целом, а цветное население потеряло свой статус и было приравнено к черному. При этом необходимо упомянуть о том, что именно в Луизиане было самое большое количество черных рабовладельцев, рожденных свободными, и для них такие изменения стали настоящим жизненным крахом.

Луизиана стала одним из последних рабовладельческих штатов, приняв на себя «время белого человека». Она вошла в Конфедерацию 26 января 1861 г., но уже в апреле 1862 северяне взяли Новый Орлеан. Однако влияние Гражданской войны на Луизиану, как и на весь Юг, было мощным и затрагивало все жизненные сферы общества. Как справедливо заметил Р.П. Уоррен в своем знаменитом исследовании «Наследие Гражданской войны»: «Гражданская война для американского воображения — единственное великое событие... Гражданская война — наша единственная "прочувствованная" история — история, которую мы до сих пор проживаем в национальном воображении» [Warren: 3].

Поражение в войне южане расценили как личное оскорбление, удар по чести, что во многом объясняет настроение, которое испытали южане после войны: «Когда Гражданская война подошла к своему кровавому завершению, белые люди конфедерации ощутили в полной мере стыд от поражения, чувство глубочайшей безнадежности, страх перед будущим» [Wyatt-Brown: 230]. Их честь была поругана, и приведенные американским исследователем слова ветерана-конфедерата: «У меня нет страны, нет флага, нет герба, нет патриотического духа» — как нельзя лучше демонстрируют послевоенное настроение южан, породившее миф «проигранного дела», в котором ностальгически возрождается Старый Юг и оплакивается его гибель [Wyatt-Brown: 255].

Миф «проигранного дела», в котором присутствуют все мифологемы южного мифа (южного джентльмена и южной леди, черной «мамушки», большой семьи — белой и черной, южного дома с его гостеприимством), стал источником вдохновения для многих писателей, особенно когда их биография была связана с южным наследием.

После Гражданской войны в США отчетливо оформляются региональные литературные школы, в числе которых наибольшей оригинальностью отличалась так называемая «Новоорлеанская школа». Ее лидерами стали женщины, которые не только откликнулись на животрепещущие вопросы жизни послевоенного Юга, испытывавшего травму проигрыша, но и выдвинувшие важные вопросы, связанные с самоидентификацией женщины. Наиболее известной луизианкой послевоенного периода является Кейт Шопен (Kate Chopin, 1851—1904), автор знаменитого романа «Пробуждение», доступного и для русскоязычного читателя в переводе Е.Г. Богдановой, опубликованного в серии «В поисках утраченного времени» издательством «Рипол-Классик» в 2021 году.

В американском культурном поле не менее известна и представительница цветного сообщества Луизианы — Элис Данбар-Нельсон (Alice Dunbar Nelson, 1875—1935), чья этническая принадлежность как нельзя лучше отражает колорит этого южного штата: ее предками были европейцы, африканцы и индейцы. Она стала одной из самых ярких поэтесс Гарлемского ренессанса. Важной фигурой литературы Луизианы является и Руфь Макэнери Стюарт (Routh McEnery Stuart, 1849—1917), обращавшая особое внимание на уникальность языковой атмосферы своего штата.

Значительный вклад в развитие региональной литературы внесла Грейс Кинг (Grace King, 1851—1932), чье наследие весьма оригинально и разнообразно: она является автором пяти романов, двух сборников новелл, одной пьесы, шести исторических и двух биографических книг, автобиографии. Американские исследователи довольно высоко оценивают творчество Г. Кинг, говоря о том, что «она — одна из немногих американских писательниц, явно обозначивших проблемы расы и пола в их связи с политическими и социальными аспектами» [Taylor: 28]. О ней говорят как о представительнице первых реалистов «во французских традициях» и как о «первом важном историке среди женщин-южанок» [Bush: 43].

Ее творчество в целом может характеризоваться высказыванием о послевоенной Луизиане однофамильца писательницы Э. Кинга, который отразил характерное для этого периода настроение жителей не только этого штата, но и всего Юга: «Луизиана сегодня — это утраченный рай. Через двадцать лет мы приобретем этот рай вновь. Этот штат имеет безграничные потрясающие возможности. Начиная с заболоченных озер, гористой части страны

и заканчивая прериями. В этом штате происходит гигантская битва за прогресс, битва расы с расой, живописной яркой цивилизации прошлого и скучной уравновешенной цивилизации настоящего» [King E.: 1].

Ощущение безвозвратно утраченного рая, ностальгия по кажущемуся гармоничному прошлому, битва за выживание в серой будничной жизни, адаптация к новым межрасовым отношениям — эти темы станут центральными в творчестве Грейс Кинг. В своем эссе «Сохранение истории Луизианы» она писала о Реконструкции так: «После войны штат страдал от мешочников, прохвостов и негритянского доминирования. До 1877 г. Луизиана не могла оправиться» [King G. 1928: 364]. В этом высказывании обнаруживается откровенная тенденциозность белой южанки, искренне переживающей утрату южного Эдема. В этом смысле совершенно верно высказывание Э.Г. Джонс о самоидентификации Грейс Кинг: «В самом названии ее автобиографии “Мемуары южной женщины-литератора”, Кинг определяет себя как южанку, женщину, художника. Именно в такой последовательности она определяет свое “Я”». «Безусловно, — справедливо заключает исследовательница, — “южанка” занимает здесь первое место» [Jones: 43].

Именно судьба южанки становится центральной темой всего творчества Грейс Кинг, в частности, в одном из последних сборников её новелл «Рассказы на балконе» (*Balcony Stories*, 1893), который состоит из 13 новелл и одного скетча, открывающего сборник. Скетч носит название «Балкон» и является своеобразным культурологическим введением, с одной стороны, определяющим основные темы последующих новелл, с другой — объединяющим разные новеллы в единое целое. Грейс Кинг, уроженка Нового Орлеана, прожившая там большую часть своей жизни, воссоздаёт в скетче неповторимую атмосферу жизни этого своеобразного во многих отношениях южного города, где в вечернее время на балконы своих домов выходят женщины и «ведут неспешные разговоры, основным содержанием которых являются случаи, воспоминания, эпизоды из жизни других женщин или, как они предпочитают говорить, из судеб других женщин, выбранные таким образом, каким это могут сделать только женщины, и рассказанные так, как это могут сделать только они» [King G. 1914: 2]. Грейс Кинг вводит своего читателя в особый мир южной жизни, выделяя тот факт, что и повествователь, и главные герои повествования являются женщинами.

Подобная структурная организация рассказов лишней раз доказывает правдивость того факта, что, рассказывание историй, ориентация южной повествовательной модели на устную речь составляет отличительную черту южной литературы. Для южан часто было «единственным способом проникнуть во внутренний мир другого: истории могли спасти слушателя/читателя от болезненной самоуглубленности и бессмысленности существования, от невежества и отчаяния» [The Companion: 863].

Практически во всех новеллах местом действия является Новый Орлеан и сравнение его жизни до и после войны занимает едва ли не самое центральное место в тематическом плане новелл. Однако при этом сравнение выражается не прямо, а опосредованным образом, через изображение изменившейся жизни женщин. Грейс Кинг создает в новеллах типичные для своего времени образы южных женщин, намеренно оставляя большинство своих героинь безымянными или используя чаще, чем имя, общую социальную или возрастную характеристику, прозвище (“*La grande demoiselle*”, “*Little Mammy*”, “*old lady*”, “*little convent girl*”). Судьбы героинь Грейс Кинг оказываются

самым непосредственным образом связаны с изменившейся социальной и политической обстановкой на Юге: «Каждый знает, что случилось после 59 года. Нет необходимости это повторять. История одного есть история всех» [King G. 1914: 23]. Жизнь довоенного Нового Орлеана, а вместе с тем и всего Юга, изображается как «блестящий маленький мир, в котором море ленивой роскоши», и, как не без иронии замечает Грейс Кинг «в те дни, в дни 59 года, был совсем не таким, как теперь, местом с одной наследницей, напротив, с уверенностью можно сказать, что тогда там можно было найти столько наследниц, сколько теперь машинисток» [King G. 1914: 29].

Новый послевоенный мир в представлении Грейс Кинг — мир абсолютной разобщенности людей и полного одиночества. Не случайно её героини — стареющие вдовы, воспитанницы монастырей, сироты, старые девы. Все они так или иначе лишены поддержки, которой обладали раньше, будь то муж, отец или материальная обеспеченность в виде богатого наследства. Теперь же они вынуждены самостоятельно выживать в условиях если не враждебного, то безразличного к ним мира.

Тем не менее, следует признать тот факт, что, несмотря на надломленность и кажущуюся незащищенность женщины в этих условиях, Грейс Кинг вместе с тем наделяет свою южанку огромной внутренней силой, стойкостью, способностью к выживанию и сохранению лучших качеств человеческой природы — сострадания, любви, дружбы. Перенесенные лишения и страдания, как показывает Грейс Кинг, полностью изменили стиль жизни эфемерной южной леди и заставили её жить в мире реальности, поставив её в условия принятия самостоятельных решений.

Так, Мими из новеллы «Замужество Мими» (“Mimi’s Marriage”) без сожаления расстаётся со своими прежними мечтами: когда был жив отец, она мечтала выйти замуж за изысканного красавца брюнета, однако для ее отца все кандидаты были недостаточно родовиты, богаты и красивы. Теперь же она с радостью выходит замуж за неродовитого соседа, потому что он добр, заботится о ней и её сводных братьях и сёстрах, а главное — потому что она любит его, несмотря на то, что он совсем не соответствует её прежнему идеалу: «блондин, не красавец и маленький!».

Героиня «La Grande Demoiselle», в довоенное время обновлявшая свой гардероб только у самых модных портных Парижа и носившая бельё с золотыми пуговицами, теперь преподаёт в школе для цветных за 5 долларов в месяц и выходит замуж за пожилого мсье Шампиньона, потому что научилась быть благодарной за любовь и ценить искренние чувства.

Для старой леди из рассказа «Восстановление в правах старой леди» (“The Old Lady’s Restoration”) годы невзгод также не прошли даром. Когда она оказалась в нищете, все её постоянные поклонники и друзья отвернулись от неё. После восстановления её в правах наследования старые подруги поспешили поздравить наследницу. Однако годы тяжёлого труда научили старую леди различать настоящие чувства, поэтому она не отвечает на ложное дружелюбие её посетителей, узнав истинную ценность своих бывших приятельниц и отказываясь от давно забытого праздного образа жизни.

Особо необходимо выделить расовую проблему в новеллах сборника. Для Грейс Кинг, безусловно, как и для всех её современников-южан, эта проблема не являлась второстепенной, поскольку она составляла неотъемлемую часть жизни южного сообщества. В сборнике «Рассказы на балконе» всего две новеллы посвящены изображению судьбы чёрной женщины:

«Искалеченная надежда» (“A Crippled Hope”) и «Маленькая воспитанница монастыря» (“The Little Convent Girl”).

В первой повествуется о долгих годах жизни калеки-негритянки в загоне для продажи рабов, где она на протяжении всех лет мечтает быть проданной хорошей белой леди, чтобы ухаживать за её детьми и помогать лечить их. Её никто не покупает вначале, потому что она калека, а потом работорговец, заметивший её дар врачевания, просто сам не хочет продавать её и лишиться себя возможности иметь бесплатного лекаря для рабов. Наступает момент, когда «маленькой мамушке», как её все называют, объявляют, что она свободна. Для неё это известие оказывается катастрофой, поскольку в её сознании не укладывается тот факт, что теперь у неё никогда не будет белой хозяйки с её маленькими детьми, за которыми она так хорошо ухаживала бы. Бродя от дома к дому, она приходит в маленький городок, где разместились солдатские жёны и вдовы, и останавливается там навсегда, потому что там живут женщины с такой же искалеченной судьбой, как и её собственная, и им нужна её помощь.

Во второй новелле речь идёт о трагической судьбе девушки-полукровки. Вообще, судьба человека с долей черной крови, проблема так называемой потаенной идентичности, особо волновала писателей Юга своим безысходным трагизмом: ни белое, ни чёрное сообщества не считали этого человека своим. Маленькая воспитанница монастыря росла по правилам белого сообщества, однако после смерти отца, она узнаёт, что её мать — цветная. Девушка кончает жизнь самоубийством после месяца совместной жизни с матерью. Таким образом, трагизм ситуации человека с примесью чёрной крови на Юге, как показывает Кинг, заключается и в раздвоенном сознании его самого, а не только в отторжении его обществом (позднее об этом будут писать как черные писатели, например, Нелла Ларсен, Зора Нирл Херстон, так и белые, в частности, Уильям Фолкнер).

Интересно отметить, что исследовательницы творчества Грейс Кинг, на чьё мнение были ссылки выше, указывают на явную концепцию превосходства белой расы в мировоззрении Г. Кинг и, соответственно, белой женщины. В качестве основного аргумента в доказательство данной точки зрения они приводят выдержки из её писем, а также тот факт, что сознание чёрных женщин Грейс Кинг слишком несамостоятельно, независимо от навязанных им условий; что черные женщины в произведениях писательницы слишком привязаны к своим хозяевам и не мыслят себя вне рамок рабского служения белому человеку.

Однако, по крайней мере при анализе упомянутых новелл, мы не находим подтверждения откровенно заявленной идеи белого превосходства. Грейс Кинг, действительно, показывает рабскую покорность и несамостоятельность мышления чёрных южанок, но не как генетический, врожденный инстинкт, а как следствие формирования сознания в определённых условиях. Так, маленькая «мамушка» родилась и выросла в загоне для продажи рабов, всё, что она видела и слышала с детства — это разговоры о продаже и покупке своих соплеменников. Поэтому и врожденное материнское чувство, и идея обретения постоянного дома неизмеримо искажены в её сознании: как о своём собственном, она мечтает о доме, в который бы её купили; как о собственных детях, она мечтает о детях своих хозяев.

В случае с маленькой воспитанницей идея расового превосходства вообще не применима, поскольку сами же исследовательницы, в частности Хелен Тейлор, анализируя новеллу, подчёркивают тот факт, что в характере

девочки в преувеличенном виде представлены основные качества идеальной южной леди: «пассивна, застенчива, молчалива, покорна» [Taylor]. Таким образом, получается, что качества, приписываемые чёрной женщине, оказываются основными категориями идеала белой южанки.

Представляется, что для Грейс Кинг не имеют большого значения расовые различия в общей судьбе женщины на Юге. Их всех объединяет чувство утраченной стабильности старого мира и сложный путь самоидентификации в новых условиях. При этом процесс самоидентификации женщины-южанки у Грейс Кинг, что особенно важно подчеркнуть, никоим образом не связан с процессом её эмансипации, как это было заявлено в творчестве её современницы Кейт Шопен. В данном случае Грейс Кинг выступает как выразитель традиционных взглядов Старого Юга на женщину. Её героини не стремятся к обретению свободы, их свобода им навязана сложившимися обстоятельствами послевоенной жизни. Самоидентификация является не их внутренней потребностью, а следствием внешних, не зависящих от нее условий. Несмотря на то, что, как указывалось выше, изменившиеся условия поставили перед южанкой необходимость самостоятельных действий, её сознание по-прежнему остаётся зависимым. Героини новелл Грейс Кинг не обладают социальной активностью, они не ищут новых путей самореализации, пытаются и в новых условиях руководствоваться старыми патриархальными принципами поведения. Вот почему счастливые концовки многих новелл связаны с замужеством и обретением если не семьи, то хотя бы её подобия («Замужество Мими», «La Grande Demoiselle», «Восстановление в правах старой леди»). Все трагические концовки, напротив, основаны на утрате и разрушении семейных связей, как например, в рассказах «История одного дня» (“The Story of a Day”), «Анн-Мари и Жан-Мари» (“Anne Marie and Jeanne Marie”), «Прапрабабушка» (“Grandmother’s Grandmother”).

Идея зависимости женщины от мужчины особенно заметно проявляет себя в той функции, которые выполняют мужские образы у Грейс Кинг. За исключением двух новелл сборника — «Чудотворной часовни» (“The Miracle Chapel”), где главным героем является мальчик, и «Драмы трёх» (“A Drama of Three”), в которой наравне с героиней выступает мужской персонаж — все прочие мужские образы являются второстепенными героями, если иметь в виду занимаемое ими место в повествовании. Однако если говорить об их роли в поворотах судьбы женщины, то именно они занимают первые позиции. Присутствие мужчины всегда связано с позитивной охранительной функцией в жизни женщины, стабильностью, его смерть или просто его отсутствие связывается с идеей разрушения устойчивого мира.

Новеллы Грейс Кинг представляют собой традиционную форму новеллы с чёткой и целой фабулой и неожиданной концовкой, оттеняющей истинный драматизм и сущность происходящих событий. Безусловно, приверженность жанру новеллы определялась влиянием французской литературы, прежде всего, Проспера Мериме, Альфонса Доде и Ги де Мопассана, что, кстати, очевидно и в творчестве Кейт Шопен. И это закономерно. Во-первых, культурные связи Луизианы генетически привязывали писательницу к французскому наследию, во-вторых, её личные пристрастия также тяготели к французской культуре и литературе. Грейс Кинг довольно много времени провела во Франции, была лично знакома со многими известными литераторами того времени. Кроме того, стремление к изображению своеобразия своего региона также неизбежно вели её к обращению к опыту школы *La couleur locale*, принципы которой имели отражение у П. Мериме и А. Доде.

Неслучайно поэтому в новеллах Грейс Кинг обнаруживается система приемов, характерных для творчества французских мастеров короткого жанра. Так, довольно часто в начале новелл мы встречаем пространные описания природы, традиций и социальной ситуации того места, где происходит действие, что во многом предопределяет специфику характера персонажей, их психологии. Потому в повествовании особо выделяются креольские нравы и обычаи, в большом количестве используются выражения на французском и креольском языках.

Грейс Кинг по праву можно назвать мастером психологической новеллы, поскольку её, прежде всего, интересует именно психология женщины. Также, как и у ее французских современников, психология героинь новелл американской писательницы раскрывается благодаря событию, внезапно ломающему привычный ход жизни, и психологическое состояние проявляет себя в действии, а не в пространстве внутреннего монолога.

К числу специфических особенностей стиля Грейс Кинг следует отнести и иронию, которую она использует для яркого противопоставления видимости и сущности явлений. Кроме того, она виртуозно владеет приёмом введения в текст несобственной прямой речи с яркой речевой характеристикой рассказчика, что позволяет дистанцировать его от повествователя, сделать повествование более объективированным, в чём просматривается бесспорное влияние другого французского писателя — Г. Флобера.

В целом, творчество Г. Кинг представляет важную страницу в развитии региональной специфики литературы США и в освоении европейских традиций в процессе становления реалистического творчества, прежде всего, в жанре короткого рассказа, отличающегося на Юге особым сказовым нарративом. При этом региональная тематика ее произведений сосредоточена на осмыслении судьбы Луизианы в новых условиях «утраченного рая» Старого Юга.

Список литературы / References

- Bush R. Grace King: A Southern Destiny, Baton Rouge, 1983, 317 p.
- King E. The Great South, Hartford, 1875, 802 p.
- King G. Balcony stories. New Orleans, 1914. URL: <https://docsouth.unc.edu/southlit/kingbalc/king.html> (accessed: 05.05.2022).
- King G. The Preservation of Louisiana History, *The North Carolina Historical Review*, 1928, vol. 5, no. 4, pp. 363—371.
- Showalter E.A. Jury of Her Peers. American Women Writers from Anne Bradstreet to Annie Proulx, New York, 2009, 608 p.
- Taylor H. Gender, Race and Region in the Writings of Grace King, Ruth McEnery Stuart, and Kate Chopin, Baton Rouge and London, 1989, 229 p.
- The Companion to Southern Literature: Themes, Genres, Places, People, Movements, and Motifs, ed. by J.M. Flora and L.H. MacKethan, Baton Rouge: Louisiana Univ. Press, 2002, 1054 p.
- Warren R.P. The Legacy of the Civil War, Lincoln, 1998, 109 p.
- Wyatt-Brown B. The Shaping of Southern Culture: Honor, Grace, and War, 1760s—1880s, Chapel Hill & London, 2001, 440 p.

Статья поступила в редакцию 06.04.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 24.04.2022.

The article was submitted 06.04.2022; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 24.04.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Морозова Ирина Васильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры сравнительной истории литератур, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, irinamoro@gmail.com

Morozova Irina Vasilyevna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of Comparative Literature Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, irinamoro@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 30—36.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 30—36.

Научная статья

УДК 821.111(680)

DOI: 10.46726/И.2022.2.4

ДЖ.М. КУТЗЕЕ И Г.Д. ТОРО: МОТИВ БЛУЖДЕНИЯ В РОМАНЕ «ЖИЗНЬ И ВРЕМЕНА МИХАЭЛА К.»

Ольга Ивановна Половинкина, Ксения Игоревна Бычкова

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия,
olgarmail@mail.ru, ksenia.bychkova@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется нарциссическая, то есть обращенная к самой литературе, природа романа Дж.М. Кутзее «Жизнь и времена Михаэла К.», которая определяет стратегию писателя в конструировании художественного целого. Пастишируя особенности писательской манеры Франца Кафки и Генри Дэвида Торо, «подчеркивая» их «приемы» (по выражению В. Шкловского), Дж.М. Кутзее интегрирует в повествование ряд мотивов произведений Торо и Кафки. В статье внимание сосредоточено на мотиве блуждания, который заимствуется Кутзее из книги Торо «Уолден, или Жизнь в лесу». В то время, как о значении Кафки для творчества Кутзее сказано уже много, значение Торо остается практически незамеченным. В статье приводятся свидетельства обращения Кутзее к традиции американского трансцендентализма, подробно анализируются отсылки к «Уолдену» в романе «Жизнь и времена Михаэла К.», начиная с самого намерения героя удалиться в природу, показывается, как на писательскую рефлексии Кутзее по поводу сюжета кафкианского типа накладывается обращение к книге Г.Д. Торо. Дж.М. Кутзее усиливает свойственную «Уолдену» тенденцию к снятию дихотомии телесного и духовного.

Ключевые слова: Г.Д. Торо, Ф. Кафка, Дж.М. Кутзее, «Жизнь и времена Михаэла К.», «Уолден», метароман

Для цитирования: Половинкина О.И., Бычкова К.И. Дж.М. Кутзее и Г.Д. Торо: мотив блуждания в романе «Жизнь и времена Михаэла К.» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 30—36.

Original article

J.M. COETZEE AND H.D. THOREAU: THE MOTIF OF WANDERING IN THE NOVEL “LIFE AND TIMES OF MICHAEL K.”

Olga I. Polovinkina, Ksenia I. Bychkova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
olgapmail@mail.ru, ksenia.bychkova@mail.ru

Abstract. The article analyses the narcissistic nature of J.M. Coetzee’s novel “Life and Times of Michael K.”; the artistic whole in this novel is based upon the principles of metafiction. Emphasizing the peculiarities of Franz Kafka’s and Henry David Thoreau’s style, Coetzee integrates certain motives of their works into his narrative. The article focuses on the motif of wandering, which is borrowed by Coetzee from Thoreau’s book “Walden, or Life in the Woods”. While much has already been said about the significance of Kafka for Coetzee’s work, the significance of Thoreau remains almost unnoticed. The article provides evidence of Coetzee’s interest to the tradition of American transcendentalism and analyzes in detail the references to “Walden” in the novel, starting with the intention of the hero to retreat into nature. The article shows how the appeal to Thoreau’s book is superimposed in this novel on Kafka’s type of plot. As a result, Coetzee enhances Thoreau’s tendency to overcome the dichotomy of soul and body.

Keywords: H.D. Thoreau, J.M. Coetzee, “Life and Times of Michael K.”, “Walden”, metafiction

For citation: Polovinkina O.I., Bychkova K.I. J.M. Coetzee and H.D. Thoreau: the motif of wandering in the novel “Life and Times of Michael K.”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 30—36.

В трудах российских исследователей Дж.М. Кутзее выступает в первую очередь как автор романа «Осень в Петербурге», знаток творчества Ф.М. Достоевского. Влияние русской литературы на творчество Дж.М. Кутзее подробно исследуют О.А. Джумайло [Джумайло] и О.Ю. Анцыферова [Анцыферова], сосредотачиваясь на исповедальности письма Дж.М. Кутзее в его автобиографических романах. Для англоязычного литературоведения более важной является работа Кутзее с произведениями Д. Дефо, Вольтера, Г. фон Клейста, С. Беккета. К. Михта описывает роман «Жизнь и времена Михаэла К.» как пародию на возделывание сада Кандидом [Michtha], а П. Хорн видит в удалении героя в природу форму пассивного противостояния войне [Horn]. П. Хорн, К. Михта, а также Д. Этвелл, П. Санчез, К. Данта и другие исследователи уделяют особое внимание значению для романов Кутзее творчества Ф. Кафки [Strong Opinions...].

В этой статье «Жизнь и времена Михаэла К.» («Life and Times of Michael K.», 1983) рассматривается как метароман, в котором Кутзее ведет писательский диалог не только с Кафкой, но и с Г.Д. Торо. Отсылая к этим авторам и цитируя их, он не только выстраивает собственные смыслы, но и «подчеркивает» их «приемы» (используя выражение В. Шкловского), пастизирует их способ письма.

В этом романе Кутзее исследователи усматривают типично кафкианские мотивы отчужденности и изолированности, а само именование героя

«Михаэл К.» рассматривают как отсылку к «Йозефу К.», герою романа Кафки «Процесс», хотя в интервью Эттвеллу Кутзее подчеркивал, что на букву К. «нет монополии» [Coetzee, Attwell: 199]. Контактные связи романа с рассказом Кафки «Голодарь» подробно описывает Л. Райт [Wright]. Рассказу Кафки «Нора» («Der Bau», 1923) Кутзее посвящает эссе «Время, грамматическое время и аспект в “Норе” Кафки» (1981). В нем он исследует запутанные отношения между временем повествования и временем, на которое ссылается повествователь. Связь романа с этим рассказом анализирует Э.П. Мельяк [Meljac], а также П. Мэриуэйл [Merivale], которая видит в работе Кутзее с творчеством Кафки использование постмодернистских техник бриколажа и палимпсеста; кафкианские эпизоды, на ее взгляд, подобно тектоническим плитам скользят под текстом писателя.

Другими словами, о значении Кафки для романа сказано уже очень много, при этом значение Торо остается практически незамеченным. Между тем, есть множество свидетельств обращения Кутзее к традиции американского трансцендентализма. В сборнике эссе «О культуре письма в Южной Африке» («White Writing: On the Culture of Letters in South Africa», 1988) Кутзее пишет о концепции природы в эссе Р.У. Эмерсона, комментируя знаменитую метафору прозрачного глазного яблока. По Кутзее, природное пространство оказывается поглощенным этим глазом, оно зафиксировано и абсорбировано им [López 2011a: 44]. Глаз, по Кутзее, обладает деспотической властью, способностью проникать в ландшафт. По замечанию М.Х. Лопеса, писатель использует эту метафору в романе «Сумеречная земля»: для героя романа Якобуса глаз является инструментом исследования, потребления, «метафизического вторжения» [López 2011b: 72]. О значении наследия Эмерсона для этого романа писал и Д. Пауэрс [Powers: 65]. В сборнике эссе Кутзее «Внутренние разработки» («Inner Workings», 2007) одним из героев является Уолт Уитмен.

В романе «Жизнь и времена Михаэла К.» социальные отношения для главного героя сводятся к болезненному опыту, однако, не только ориентированность Кутзее на способ письма Кафки предопределяет отчужденность Михаэла. Предпочтение, отдаваемое им жизни среди природы, в одиночестве, во многом схоже с подобной устремленностью героя Торо в его книге «Уолден, или Жизнь в лесу» («Walden or, Life in the Woods», 1854). Несмотря на то, что книга Торо основана на двухлетнем эксперименте уединенной жизни на берегах Уолденского пруда (1845), и на тот факт, что повествование ведется от первого лица, «я» героя-рассказчика у Торо не может отождествляться с «я» самого писателя. В качестве персонажа герой книги Торо может быть сопоставлен с главным героем романа Кутзее.

В главах «Уолдена» «Хозяйство» и «Где я жил и для чего» говорится о том, почему герой решает удалиться в природу. Образ жизни цивилизованного мира не удовлетворяет его, в нем «мы растрачиваем нашу жизнь на мелочи», преследуя мнимые цели и ложные ценности. Герой книги «ушел в лес потому, что хотел жить разумно» [Торо: 108], в оригинале «deliberately» [Thoreau: 83], что можно также перевести как «осознанно». Пребывание в природе, тесный с ней контакт, подразумевает возможность контакта с истинным смыслом жизни. Но поскольку природа «Уолдена» — дикая и иррациональная, уединение в ней предполагает утрату привычных ориентиров.

Блуждание в лесу представляется герою Торо «поучительным» [Торо: 202]: «Пока мы не потеряемся — иными словами, пока мы не потеряем

мир, — мы не находим себя и не понимаем, где мы и сколь безграничны наши связи с ним» [Торо: 203]. Это чувство потерянности — необходимый этап в обновлении восприятия героя, в развитии новых отношений с миром. Торо сосредотачивается на самом состоянии, испытываемом в момент блуждания, весьма приятном для героя: «Заблудиться в лесу в любое время доставляет странное и незабываемое ощущение» [Торо: 202]. Причем ощущение формируется путем телесного взаимодействия с окружающей его природой. Как мы уже показывали [Половинкина: 99], перевод З.Е. Александровой «значительно смягчает телесную образность» эпизода ночной прогулки. Торо пишет о «ногах, нащупывающих тропу, которую глаза не могли видеть» («my feet felt the path which my eyes could not see» [Thoreau:153]), Александрова переводит: «...отыскивая ногами тропу, которой я не мог видеть», что локализирует «Я» героя вне его тела, он лишь пользуется ногами и глазами.

Обращаясь к этому эпизоду, Б. Арзич [Arsić] демонстрирует, что двигающийся в природе герой освобождается от рационализирующего «я», переживает бытие и вещи такими, какими они являются вне человеческого взгляда. Действительно, «я» героя как будто существует не в умственном пространстве понимания или памяти, но в ногах, которые находят верную тропу. В этом фрагменте также важен момент доверия к собственному телу, снятия ментального контроля над движением. Тело оказывается «внутренней дверью сознания» [Половинкина: 99], оно проявляет самостоятельность человека, эмерсоновское «доверие к себе», на котором Торо неоднократно заостряет внимание.

Мотив блуждания встречается и в романе Кафки «Америка» («Amerika» или «Der Verschollene», 1927). Карл блуждает по Америке на протяжении всего романа, и его блуждание не приходит к завершению. С самого начала он теряется на корабле, затем плутает в доме Поллундера. Пространство напоминает лабиринт, структуру которого невозможно увидеть целиком. Движение по этому пространству непредсказуемо, Карл блуждает, опасаясь чего-то, или кого-то. Однако, телесное восприятие пространства у Кафки не акцентировано так, как в книге Торо.

Блуждание является ключевым мотивом в романе Кутзее. В первой части романа Михаэл принимает решение отправиться с матерью на ферму ее детства пешком. Их путь непрост: Анну приходится катить на самодельном кресле-каталке, у них нет пропуска, им угрожают грабители. Судя по всему, они двигаются в сторону Кару, но четкие географические указания отсутствуют. Хотя читателю открывается обширное пространство, в нем нет свободы передвижения. Углубляясь в природу, прячась в высокой траве и зарослях, герои обретают убежище: Михаэл «углубился в заросли кустарника поискать место для ночевки», «лег навзничь в густой траве и закрыл глаза» [Кутзее: 42, 37]. Природа в романе Кутзее, как и в книге Торо, дикая: герои мерзнут, не могут укрыться от ливня.

По-настоящему дезориентированным Михаэл оказывается только в больнице, где умирает Анна. В момент, когда герою сообщают о смерти матери, его внимание сосредоточено на телесных ощущениях: «Сжав ладони, он уставился на свои ноги. Должен ли он что-то сказать? Он разнял руки, снова их сжал, опять разнял, опять» [Кутзее: 52]. Именно тело реагирует на происходящее, к нему же Михаэл обращается в поиске внутренней опоры. Жизнь, которую он вел, кончена; как главный герой романа «Америка», Михаэл оказывается потерянным, блуждающим мальчиком. Он все же продолжает свой путь к ферме Принс-Альберт, а затем погружается в природу, подобно герою Торо.

Когда Михаэл второй раз возвращается на ферму к своему огороду, он решает работать только ночью. Эпизод, где он научается ориентироваться в темноте, отчетливо напоминает потерянность, о которой писал Торо: «Сначала <...> в густой безлунной черноте он не мог сделать ни шага и только вытягивал перед собой руки, боясь наткнуться на призраки — ему казалось, они окружают его со всех сторон. Но постепенно он освоился в темноте и, точно слепой, шаря впереди себя палкой, двигался от своего жилища к огороду по тропе» [Кутзее: 167]. И далее: «...скоро он перестал бояться ночи» [Кутзее: 167]. Только обретя новый способ взаимодействия с природой, герой ощущает себя в безопасности и может уверенно двигаться в новом пространстве.

Его восприятие обновляется: привыкнув к сумраку, он начинает плохо переносить дневной свет, начинает чувствовать предметы впереди него «кожей лица, давлением на глазные яблоки» [Кутзее: 185], перестает нуждаться в тропинках: «У него также необыкновенно обострилось обоняние. Его легкие наполнял чистый свежий запах воды, которую вынес на поверхность земли родник. Этот запах опьянял его, он дышал и не мог им надышаться. Он не знал названия кустарников, но легко отличал их по запаху листьев. И еще он по запаху угадывал приближение дождя» [Кутзее: 185]. Отход от зрительного восприятия соответствует переходу Михаэла к интуитивному, даже инстинктивному мышлению. Переключение со зрения, ассоциирующегося с рационализирующим «я», на слух и обоняние как на альтернативные каналы восприятия развивает способность героя ориентироваться. Он начинает чувствовать окружающий мир тоньше и ярче. Природа будто бы становится ближе к нему, поглощает его воображение и, таким образом, герой еще глубже погружается в нее, сливается с ней, как это происходит с героем «Уолдена».

Михаэла охватывает особенное ощущение, когда он ходит по своему огороду: «его переполняла радость, что он жив. Ступал он легко, ноги едва касались земли. Казалось, он вот-вот взлетит. Казалось, человек может жить в своей телесной оболочке и в то же время быть духом» [Кутзее: 165]. В оригинале: «it seemed possible to be both body and spirit» («казалось возможно одновременно быть и духом, и телом») [Coetzee: 102]. Ориентируясь на опыт героя Торо, Кутзее изображает слияние Михаэла с природой в процессе ходьбы. Интенсивное переживание собственного движения, с одной стороны, отчетливо укоренено в теле, а с другой — он настолько проникается окружающей средой, что становится незаметным, растворяется в воздухе. Слияние с природой представляется читателю исчезновением героя, его тело обретает воздушность и легкость, напоминает ветер. У Торо, напротив, слияние с природой, как писал Ошуков, преумножает тело [Ошуков: 65].

Кутзее цитирует двойственность взаимодействия с природой, которое Торо описывает в сцене ночной прогулки: «Это очень странное чувство — особенно темной ночью, когда уносишься мыслями в беспредельный космос, — ощутить вдруг этот слабый рывок, прерывающий твои грезы и снова соединяющий тебя с Природой. Казалось, я мог бы забросить удилище не только вниз, но и вверх, в воздух, почти такой же темный. И я как бы ловил двух рыб на один крючок» [Торо: 208]. Телесное погружение в природную жизнь, освобождение от рационализирующего внимания ума дарует герою духовное обогащение. Чувственный опыт, выраженный в пространстве воображения, позволяет воспринять себя как часть божественного.

Жизнь на Уолдене подается как странствие в глубины себя, и осмысление этого опыта является важнейшей его частью. Финал книги соотносится с ее

началом: герой Торо, преисполненный надежды и веры, вновь утверждает, что истина — «единственное, что есть прочного» [Торо: 378]. В начале странствия герой хочет «нащупать твердый, местами каменистый грунт, который мы можем назвать реальностью и сказать: вот это есть и сомнений тут быть не может» [Торо: 140]. В природе он находит истинную внутреннюю опору, он ощущает неизменность природного мира, а также свою принадлежность ему.

Герой Торо ощущает потребность погружаться в глубину, рыть, он представляет, что у него, как у зверька, есть передние лапы и рыльце. Однако об этом говорится в метафорическом смысле, он ощущает сосредоточенность всех своих способностей в голове, в ней «есть руки и ноги» [Торо: 118], ключевым для него оказывается подход («attitude»), ментальное начало. Для Михаэля же опыт погружения перестает быть фантазией, он действительно воплощает собой природное существо, буквально роет себе пещеру и поедает насекомых, подобно кроту. Таким образом, в романе воображаемое пространство скорее принадлежит читателю, это он переживает опыт жизни в природе ментально и придает ему смысл.

Таким образом, анализ мотива блуждания показывает, что в романе на писательскую рефлексию по поводу сюжета кафкианского типа накладывается работа с текстом Торо. Отсылая к «Уолдену» в сценах блуждания героя, Кутзее обращается к таким значениям этого мотива у Торо, как затерянность в природе и доверие к телесному восприятию, способствующим обретению новых связей с миром.

Список литературы / References

- Анцыферова О.Ю. Влияние русской литературы на концепцию автобиографизма Дж. М. Кутзее // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С. 176—185.
(Ancyferova O. Ju. Influence of Russian literature on J.M. Coetzee's concept of autobiography, *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2014, no. 4 (28), p. 176—185. — In Russ.)
- Джумайло О.А. Английский исповедально-философский роман 1980—2000 гг.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.03. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014. 40 с.
(Dzhumajlo O.A. English confessional and philosophical novel in 1980—2000, Abstract of the dissertation Doctor of Sciences (Philology), Moscow, 2014, 40 p. — In Russ.)
- Кутзее Дж.М. Жизнь и время Михаэля К. М.: Эксмо, 2013. 288 с.
(Kutzee J.M. Life and times of Michael K. Moscow, 2013. 288 p. — In Russ.)
- Ошукон М.Ю. Творчество Генри Торо как явление американского романтизма: художественный мир писателя: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05. СПб: СПбГУ, 1998. 155 с.
(Oshukov M.Ju. Henry Thoreau's work as a phenomenon of the American romanticism: the artistic world of the writer: Dissertation Candidate of Sciences (Philology), St. Petersburg, 1998, 155 p. — In Russ.)
- Половинкина О.И. «Мыслящее тело» в поэзии Г.Д. Торо // Литература двух Америк. 2018. № 4. С. 96—113.
(Polovinkina O.I. "Thinking body" in H.D. Thoreau's poetry, *Literature of the Americas*, 2018, no. 4, p. 96—113. — In Russ.)
- Торо Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу / отв. ред. А.А. Елистратова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 240 с.
(Thoreau G.D. Walden, or Life in the Woods, Moscow, 1962, 240 p. — In Russ.)

- Arsić B. *Bird Relics: Grief and Vitalism in Thoreau*, Cambridge: Harvard University Press, 2016, 455 p.
- Coetzee J.M. *Life and Times of Michael K.*, London: Vintage, 1998, 184 p.
- Coetzee J.M., Attwell D. *Doubling the point: Essays and interviews*, Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1992, 438 p.
- Strong Opinions: J.M. Coetzee and the Authority of Contemporary Fiction, ed. C. Danta, S. Kossew, J. Murphet, N.Y.: Continuum International Publishing Group, 2011, 165 p.
- Horn P. Michael K.: Pastiche, parody or the inversion of Michael Kohlhaas, *Current Writing*, 2005, vol. 17, no. 2, p. 56—73.
- López M.J. (a) J.M. Coetzee and Patrick White: Explorers, Settlers, Guests, *Strong Opinions: J.M. Coetzee and the Authority of Contemporary Fiction*, ed. by Chris Danta, Sue Kossew and Julian Murphet, New York, London, 2011, p. 35—49.
- López M.J. (b). *Acts of Visitation*. Leiden, The Netherlands: Brill / Rodopi, 2011, 344 p.
- Meljac E.P. The Poetics of Dwelling: A Consideration of Heidegger, Kafka, and Michael K., *Journal of Modern Literature*, 2008, vol. 32, no. 1, p. 69—76.
- Merivale P. Audible Palimpsests: Coetzee's Kafka, *Critical Perspectives on J. M. Coetzee*, ed. G. Huggan, S. Watson, London: MacMillan, 1996, p. 152—167.
- Michta K. The Gardening Fallacy: J. M. Coetzee's "Michael K" as a Parody of Voltaire's «Candide», *Anglica. An International Journal of English Studies*, 2014, vol. 23, no. 1, p. 41—50.
- Powers D. Violent Histories: J.M. Coetzee's "Dusklands" and Cormac McCarthy's "Blood Meridian", *Safundi: The Journal of South African and American Studies*, 2013, vol.14, no. 1, p. 59—76.
- Thoreau H.D. *Walden*, N.Y.: Oxford University Press, 1997, 375 p.
- Wright L. Minor Literature and 'The Skeleton of Sense': Anorexia, Franz Kafka's "A Hunger Artist" and J.M. Coetzee's "Life & Times of Michael K", *Journal of Commonwealth and Postcolonial Studies*, 2001, vol. 8, no. 1, p. 109—123.

Статья поступила в редакцию 18.04.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 05.05.2022.

The article was submitted 18.04.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 05.05.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Половинкина Ольга Ивановна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной истории литератур, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, olgamail@mail.ru

Polovinkina Olga Ivanovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Comparative History of Literature, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, olgapmail@mail.ru

Бычкова Ксения Игоревна — магистр филологии, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, ksenia.bychkova@mail.ru

Bychkova Ksenia Igorevna — Master of Philology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, ksenia.bychkova@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 37—44.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 37—44.*

Научная статья

УДК 821.111(73)

DOI: 10.46726/И.2022.2.5

ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕНИАЛЬНОСТЬ И АТРОФИЯ САМОРЕФЛЕКСИИ В ЭССЕ ДЭВИДА ФОСТЕРА УОЛЛЕСА «КАК ТРЭЙСИ ОСТИН РАЗБИЛА МНЕ СЕРДЦЕ»

Владимир Александрович Тихомиров

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, vltikhomirov@icloud.com

Аннотация. Эссе американского писателя-постпостмодерниста Дэвида Фостера Уоллеса «Как Трэйси Остин разбила мне сердце» формально является рецензией на автобиографию знаменитой в юности теннисистки Трэйси Остин, однако на деле текст быстро преодолевает первоначально очерченные рамки и перерастает в резкую критику литературного жанра спортивных автобиографий. На примере мемуаров спортсменки писатель иллюстрирует двойственную природу подобного рода литературы. Литературное творчество великих спортсменов имеет коммерческий успех благодаря иррациональному очарованию их физического дара. В то же время непременно сопряженная с этим даром неспособность отрефлексировать собственные таланты в словесных практиках, главной из которых в эссе выступает литература, закономерно ведет к читательскому разочарованию, причем для Уоллеса весьма болезненному. Как устанавливается в статье, критика Уоллеса проистекает из его писательского стремления, направленного на искреннюю коммуникацию между писателем и читателем и послужившего формированию поэтики литературы «новой искренности».

Ключевые слова: Дэвид Фостер Уоллес, физическая гениальность, спортивная автобиография, Трэйси Остин, эссе

Для цитирования: Тихомиров В.А. Физическая гениальность и атрофия саморефлексии в эссе Дэвида Фостера Уоллеса «Как Трэйси Остин разбила мне сердце» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 37—44.

Original article

PHYSICAL GENIUS AND ATROPHY OF SELF-REFLECTION IN DAVID FOSTER WALLACE'S "HOW TRACY AUSTIN BROKE MY HEART"

Vladimir A. Tikhomirov

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation,
 vltikhomirovx@icloud.com

Abstract. "How Tracy Austin Broke My Heart", an essay by an American post-postmodernism writer David Foster Wallace, is formally a review of the autobiography of once a child prodigy in women's tennis Tracy Austin. However, the text quickly overcomes the initially outlined framework and develops into sharp criticism of sports autobiography as a literary genre. Austin's book illustrates the duality of this type of literature. The prose of great athletes becomes commercially successful because of the irrational charm of their physical gift. At the same time, sportsmen's inability to verbally reflect on their talents, including through literature as a focus of the essay, naturally leads to readers disappointment, and for Wallace this disappointment is quite painful. As the article establishes, reason for Wallace's criticism stems from his goal as a writer, which is meant to make a connection between a writer and a reader and historically have served to develop a poetics of New Sincerity in literature.

Keywords: David Foster Wallace, physical genius, sports autobiography, Tracy Austin, essay

For citation: Tikhomirov V.A. Physical genius and atrophy of self-reflection in David Foster Wallace's "How Tracy Austin Broke My Heart", *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 37—44.

Дэвид Фостер Уоллес (1962—2008) — американский писатель рубежа XX—XXI вв., известный прежде всего как автор тысячестраничного романа «Бесконечная шутка» (1996), интерес к которому среди читателей и исследователей из разных точек мира не угасает на протяжении вот уже трех десятилетий. Кроме того, Уоллесу принадлежат выросшая из дипломной работы «Метла системы» (1987), роман-финалист Пулитцеровской премии «Бледный король» (2011), несколько сборников малой прозы и различные публицистические тексты, печатавшиеся в ведущих периодических изданиях: «Лос-Анджелес Таймс», «Эсквайре» и «Нью-Йоркере».

Жизнь Уоллеса была тесно связана с теннисом: в детстве он всерьез намеревался стать профессиональным теннисистом и участвовал в юниорских турнирах [Lipsky: 163], а многим позже, уже будучи писателем, выражал глубокую верность этому виду спорта в своем литературном творчестве.

В «Бесконечной шутке», где одним из основных мест действия становится теннисная академия, игра в теннис не только относится к числу сюжетобразующих мотивов, но и служит метафорой, программирующей процесс чтения: вынося значительную часть текста в затекстовые примечания, автор тем самым вынуждает читателя постоянно переключаться между двумя взаимосвязанными частями романа, подобно зрителю теннисного матча, провожающему взглядом движение мяча с одной половины корта на другую [King].

Теннису Уоллес посвятил и ряд публицистических сочинений, одним из которых стало эссе «Как Трэйси Остин разбила мне сердце» (1992), впервые опубликованное в газете «Филадельфия инкуайрер», а позднее вошедшее в сборники «Посмотрите на омара и другие эссе» (2005) и «Теория струн: Дэвид Фостер Уоллес о теннисе» (2016).

Формально этот текст представляет собой рецензию на автобиографию знаменитой теннисистки Трэйси Остин, однако анализ мемуаров спортсменки служит лишь отправной точкой для критических размышлений о жанре спортивных автобиографий в целом, а в более широком плане — и о медийных ритуалах с участием спортивных звезд. Главным объектом критики Уоллеса становится присущая этому дискурсу атрофия саморефлексии, причину которой он усматривает в феномене физической гениальности.

Физическая гениальность подразумевает, по Уоллесу, сочетание нескольких основополагающих факторов: исключительных физических способностей, высоких спортивно-соревновательных результатов, умения сохранять концентрацию в максимально напряженных ситуациях и особой харизмы:

Выдающиеся спортсмены привлекают тем, что олицетворяют доступные сравнению достижения, которые мы, американцы, почитаем, — самый быстрый, самый сильный, — причем делают это в абсолютно недвусмысленной форме. Лучшего водопроводчика или лучшего главного бухгалтера определить невозможно, тогда как лучший релиф-питчер, лучший по штрафным броскам баскетболист или лучшая теннисистка — это всегда, без исключений, вопрос открытых статистических показателей. Выдающиеся спортсмены восхищают нас, взывая к нашей потребности в соревновательном превосходстве и точных данных.

К тому же они эстетичны. Джордан, застывший в воздухе, словно «Невеста» Шагала. Сампрас, посылающий мяч ударом с лета под немыслимым Евклиду углом. Есть в них, спортсменах мирового уровня, превозмогающих законы физики, взвешивая красоту, являющая Бога в человеке* [Wallace: 142—143].

Сущность физической гениальности, как полагает Уоллес, двойственна: возвышая своих обладателей над остальными людьми, приравнивая их к самим богам, она тем не менее остается свойством человека из плоти и крови. Когда обычные люди замирают перед лицом физической гениальности в гипнотическом благоговении, это свидетельствует о том, что интерес зрителя выходит далеко за пределы пассивного восприятия, что его питает желание — как выясняется, недостижимое — получить «личный, вербальный доступ к общедоступному по своей природе исполнительскому типу гениальности» [Wallace: 152—153]. По мысли Уоллеса, в душе каждого человека живет смутная тоска по абсолютному совершенству, и биографии великих спортсменов привлекают читателей тем, что эта абстракция обретает в них чувственно-конкретные очертания, персонифицируется и воплощается в зримых и узнаваемых образах. На фоне этой мысли литературная беспомощность спортивных автобиографий вызывает у Уоллеса не только разочарование, но и раздражение [Wallace: 153].

Особая чуткость восприятия Уоллесом физической гениальности проистекает из его писательской наблюдательности и собственного спортивного опыта, из горького сознания того, что сам он этой гениальностью не обладает:

* Здесь и далее перевод с английского автора статьи.

Я сводил самого себя с ума: «... но что если я допущу двойную ошибку, а затем мне сделают брейк на виду у всех этих людей?... не думай об этом... да, только если я сознательно не думаю об этом, то не значит ли это, что часть меня должна думать об этом, чтобы помнить, о чем я не должен думать?... заткнись, кончай думать об этом и подавай чертов мяч... только как я могу говорить самому себе не думать об этом, не осознавая, о чем я говорю и о чем не должен думать?» и так далее. Я терял концентрацию, оказывался словно парализован — как и большинство заурядных спортсменов. Мы застываем, задыхаемся. Теряем фокус. Становимся застенчивы. Выпадаем из момента в своих желаниях, решениях и движениях [Wallace: 153—154].

Впрочем, поначалу Уоллес демонстрировал весьма неплохие спортивные результаты. Анализируя свое теннисное прошлое в разговорах с Дэвидом Липски, он отмечал, что на корте словно преображался: спокойный и кроткий в жизни, во время матчей он часто становился самоуверенным, даже заносчивым, отпуская колкости в адрес своих оппонентов [Lipsky: 163]. Очевидно, Уоллес успел вкусить сладость спортивного превосходства, равно как и горечь поражений и стремительного снижения спортивных показателей, которые помог бы преодолеть врожденный талант — но Уоллесу его не доставало. Объектом проекции этих переживаний стала для него Трэйси Остин:

Когда в 1977 году мы все узнали о девочке из Калифорнии, выигравшей профессиональный турнир в Портленде в четырнадцать лет, то даже не столько завидовали, сколько сгорали от любопытства. Никто из нас не мог даже мечтать о том, чтобы выступать на уровне восемнадцатилетних игроков, не говоря уже о более взрослых спортсменах классом выше. Мы начали следить за ее карьерой по статьям в теннисных журналах, искать ее матчи на малоизвестных кабельных каналах <...> В ее манере игры была какая-то неуместная взрослая гениальность, сопряженная с детскими смешками и несуразной прической. Я помню, как со всей пронизательностью, которую только мог себе позволить пятнадцатилетний подросток, размышлял обо всех различиях, по причине которых мы находились по разные стороны телеэкрана. Она была гением, а я — нет. Каково это было? У меня было много серьезных вопросов, которые я хотел ей задать. Очень хотелось знать, что она может сказать на этот счет [Wallace: 143—144].

В попытке самостоятельно проанализировать это различие и описать феномен физической гениальности Уоллес приходит к следующему выводу:

Настоящий, хитро завуалированный ответ на вопрос «что происходит в голове спортсмена, окруженного шумящей, негативно настроенной толпой, во время выполнения штрафного броска, способного решить исход игры», может быть следующим: абсолютно ничего.

Как могут великие спортсмены заглушать свой внутренний голос, назойливый, словно голос Яго? Как они могут игнорировать разум и просто уверенно функционировать? Как в самый критичный момент они могут прибегать к клише типа «один мяч за раз» или «тут надо сосредоточиться», подразумевая именно это, а затем это и исполняя? Быть может, для выдающихся спортсменов клише — это не банальность, а самая настоящая истина, или, вероятно, даже не декларативные высказывания, оперирующие такими качествами, как «глубина», или «банальность», или «фальшивость», или «правдивость», а лишь императивы, либо полезные, либо нет, и если полезные, то их следует применять и им подчиниться, — и на этом все [Wallace: 154].

Устройство мышления спортсменов, каким представляет его Уоллес, рождает ассоциации с марионеткой как образцом существа, не знающего свободы воли, действующего чисто механически, бездумно. Ход мысли Уоллеса напоминает известный этюд немецкого писателя-романтика Генриха фон Клейста «О театре марионеток» (1814). Доподлинно неизвестно, был ли Уоллес знаком с творчеством Клейста, однако очевидное сходство суждений и художественных образов указывает на высокую вероятность такого «знакомства». Более того, этот мотив Уоллес позже разовьет в «Бесконечной шутке»: по наблюдению Доминика Стейнхилбера, в романе тема утраченной грации раскрывается в образе Хэла Инканденцы — одного из главных героев романа и, что характерно, ученика теннисной академии [Steinhilber]. Еще одним косвенным признаком прочтения Уоллесом этюда Клейста может служить характерная для Уоллеса симпатия к писателям с трагическими судьбами и душевными недугами: Клейст, как известно, страдал депрессией и покончил жизнь самоубийством, к тому же эстетизировал и сакрализировал это действие.

Текст Клейста построен в форме беседы между рассказчиком и господином Ц., известным оперным танцовщиком. Вспоминая о своих впечатлениях от ярмарочного театра, господин Ц. высказывает убежденность в том, что механические движения марионетки, подчиненные высшей силе в лице кукловода, бесконечно грациознее танца живого актера. Тайна их превосходства, их недостижимого для человека изящества и эстетического совершенства заключается в их безотчетной, бессознательной свободе, в отсутствии контролирующего сознания и способности к самонаблюдению. Рассказчик соглашается с услышанным и дополняет мысль господина Ц. примером, взятым якобы из жизни, но, в сущности, варьирующим миф о Нарциссе: некий грациозный юноша утратил грацию, залюбовавшись собой в зеркале и задумавшись о природе своего дара.

По мысли Клейста, человек как носитель авторефлексии противопоставлен не только марионетке, но и Богу, которые почти отождествляются:

Мы видим, что чем туманнее и слабее рассудок в органическом мире, тем блистательнее и победительнее выступает в нем грация... Но как две линии, пересекающиеся по одну сторону от какой-либо точки, пройдя через бесконечность, пересекаются вдруг по другую сторону от нее или как изображение в вогнутом зеркале, удалившись в бесконечность, оказывается вдруг снова вплотную перед нами, так возвращается и грация, когда познание словно бы пройдет через бесконечность; таким образом, в наиболее чистом виде она одновременно обнаруживается в том человеческом телосложении, которое либо вовсе не обладает, либо обладает бесконечным сознанием, то есть в марионетке или в Боге [Клейст: 518].

Мысль Клейста парадоксальна: живой, наделенный сознанием танцор предстает существом искусственным, в то время как танцующая марионетка — олицетворение искусственности — наделяется естественной грацией [Магун: 393]. Сознание, по Клейсту, ограничивает свободу и красоту движения. Идеал актера-марионетки предполагает, по Клейсту, не регресс к «райскому состоянию невинности», а прорыв к безграничному сознанию Бога [Селезнева].

Уоллес переносит размышления Клейста с фигуры актера на фигуру спортсмена. Он «способен действовать инстинктивно, руководствуясь мышечной памятью и механической волей, благодаря чему субъект и исполняемое им действие становятся одним целым» [Wallace: 154]; спортивный талант можно обозначить греческим понятием «технэ», роднящим спортсменов с богами [Wallace: 150]. Проблема персональной идентичности и драма дезинтеграции

личности, описанная Жаком Лаканом в статье «Стадия зеркала» [Лакан: 512—513], гениальному спортсмену не знакома. Физическая гениальность подразумевает у Уоллеса отсутствие свойств, выполняющих функцию зеркала.

Следуя Клейсту, Уоллес тем не менее вводит в свой текст принципиально новый, отсутствующий у немецкого писателя мотив, смещающий его идейный сюжет в область противопоставления «физической гениальности» спортсмена и нравственно-интеллектуальной чуткости способного к рефлексии зрителя:

Здесь кроется коварный парадокс, как это часто бывает при решении логических задач: вполне вероятно, что мы, обделенные божественным даром зрителя, являемся единственными, кто способен его по-настоящему видеть, артикулировать и оживлять. А они, те, кто удостоился дара спортивного гения и пользуется им, лишены способности его сознать — и не потому, что такая неспособность становится ценой за дар, но потому, что она заложена в его основание [Wallace: 155].

С особой отчетливостью превосходство зрителя выявляется, согласно Уоллесу, в тех случаях, когда спортсмен и зритель встречаются в поле литературного творчества. Тогда обнаруживается, насколько беспомощна автобиографическая проза выдающихся спортсменов, насколько физическая гениальность человека-марионетки несовместима с призванием художника. Так оппозиция «спортсмен — зритель» трансформируется в тексте эссе в оппозицию «спортсмен — художник», и самодостаточная «физическая гениальность» спортсмена подвергается критике как отрицательный полюс душевной ангажированности художника.

В западном литературоведении Уоллес считается одним из основоположников «новой искренности» — художественного направления, оппонирующего холодному и едкому постмодернистскому юмору и отвергающего тезис об эгоистической природе человека. Анализ постмодернистского «цинизма», предпринятый Уоллесом в эссе «E Unibus Pluram: Телевидение и американская литература», дал импульс развитию и распространению идей «новой искренности». Несмотря на иронический тон, эссе явилось своего рода манифестом нового художественного стиля, страстным призывом к открытому диалогу с читателем, к созданию коммуникативного пространства, в котором находится место экзистенциальным переживаниям и проблемам современного человека [Adiseshiah: 7—8].

По Уоллесу, призвание художника заключается в том, чтобы осознать трагедию человеческого одиночества и предпринять попытку его преодоления:

Мы все страдаем в одиночку в реальном мире. Искренняя эмпатия невозможна, но если художественная литература позволяет нам отождествлять нашу боль с болью литературных персонажей, то нам легче представить, что другие отождествляют свою боль с нашей. Это поддерживает, спасает. Мы становимся менее одинокими [McCaffery: 21].

В своем творчестве Уоллес пытается выстраивать взаимную коммуникацию с читателем, и искомая писателем искренность становится возможной только при условии, что литература находит отклик «на другом конце провода» [Kelly: 141]. Намерение вывести читателя из роли пассивного адресата, сделав его активным участником диалога, в итоге стало важной категорией концепции «новой искренности» — формой литературного «гостеприимства», подразумевающего искренний эмоциональный обмен между автором и читателем [Voelz: 210]. Условием обмена для Уоллеса является авторская саморефлексия, открывающая читателю возможность приобщения к душевному миру автора. Жанр

спортивной автобиографии, примером которой служит для Уоллеса книга Остин, такого общения не дает, ему препятствует атрофия саморефлексии:

О каждом эмоционально важном моменте, каждом событии или его развитии повествуется либо в механически-отрывистой манере, либо в форме заготовленной рекламной речи, главная задача которой (задумайтесь об этом) — притуплять чувства <...> Или взгляните, каким образом она описывает в книге апогей трагического конца своей карьеры. Пять лет работы ради возвращения в спорт, а в итоге буквально на пути к стадиону Флашинг Медоус в нее влетает автомобиль, в результате чего — лишь по причине жуткого невезения — нога Трэйси Остин оказывается раздробленной, карьера некогда звезды мирового класса — завершённой окончательно; много недель она была вынуждена провести на установке вытяжения, думая о том, что единственной жизни, которую она знала, пришел конец. Вдохновенно описывая эти события, Остин цитирует Лео Бускалью и рассказывает о новообретенном увлечении шоппингом, а затем приводит мучительно длинный, размером с целую главу, список всех звезд, которых она когда-либо встречала [Wallace: 151].

Читатель попадает под чары физической гениальности, и ему начинает казаться, что талантливый человек должен быть талантлив во всем, но эти ожидания не оправдываются. И дело вовсе не в том, что спортсмены, рассказывая о себе, намеренно что-то утаивают или лукавят — им просто не удастся артикулировать и вербально выразить собственную гениальность. Они лишь намечают контуры своей жизни, оказываясь совершенно неспособными заполнить их живыми образами:

Мне все еще слишком тяжело примириться с неизобретательностью Остин-рассказчицы, с одной стороны, и непревзойденностью Остин-теннисистки, с другой [Wallace: 153].

Физическая гениальность и способность ее отрефлексировать и творчески выразить — качества, с точки зрения Уоллеса, несовместимые. Увидеть глубину гения подобного рода и запечатлеть ее в слове могут лишь те, кто сами этого гения лишены, а его обладатели владеют им лишь постольку, поскольку не в силах его осознать и осмыслить.

Указывая на это противоречие, Уоллес затрагивает, по существу, проблему более широкую и фундаментальную — проблему разрыва между плотью и духом, материей и сознанием. Литература является для него средством производства смысла, она необходима потому, что снабжает и облагораживает реальность жизни тем человеческим смыслом, который жизнь сама из себя породить неспособна.

Список литературы / References

- Клейст Г. О театре марионеток / пер. А. Карельского // Клейст Г. Избранное. Драммы. Новеллы. Статьи. М.: Художественная литература, 1977. С. 512—518.
(Kleist H.G. On the Marionette Theatre, transl. by A. Karel'skii, *Kleist H.G. Selected Works. Plays. Novels. Essays*, Moscow, 1977, pp. 512—518. — In Russ.)
- Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я // Лакан Ж. Семинары. Кн. 2. М.: Логос, 1999. С. 508—516.
(Lacan J. The Mirror Stage as formative of the function of the I as revealed in psychoanalytic experience, *Lacan J. Seminars*, vol. 2, Moscow, 1999, pp. 508—516. — In Russ.)

- Магун А.В. Искус небытия: энциклопедия диалектических наук. Т. 1: Отрицательная эстетика. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 462 с.
(Magun A. Temptation of Non-Being: Encyclopedia of Dialectical Science Vol. 1: Negativity in Aesthetics, St. Petersburg, 2020, 462 p. — In Russ.)
- Селезнева Е.В. В поисках утраченной грации: Генрих фон Клейст и Томас Манн // *Litera*. 2019. № 1. С. 34—42.
(Selezneva E.V. In the Search for the Lost Gracefulness: Heinrich von Kleist and Thomas Mann, *Litera*, 2019, iss. 1, pp. 34—42. — In Russ.)
- Adiseshiah S. Spectatorship and the New (Critical) Sincerity: The Case of Forced Entertainment's Tomorrow's Parties, *Journal of Contemporary Drama in English*, Berlin: De Gruyter, 2016, vol. 4, iss. 1, pp. 1—16.
- Kelly A. David Foster Wallace and the New Sincerity in American Fiction, *Consider David Foster Wallace: Critical Essays*, Los Angeles, Austin: Sideshow Media Group Press, 2010, pp. 131—144.
- King K.R. The Spirituality of Sport and Role of the Athlete in the Tennis Essays of David Foster Wallace, *Communication & Sport*, 2018, vol. 6, iss. 2, pp. 219—238.
- Lispy D. The Lost Years and Last Days of David Foster Wallace, *Conversations with David Foster Wallace*, Jackson: University Press of Mississippi, 2012, pp. 161—182.
- McCaffery L. An Expanded Interview with David Foster Wallace, *Conversations with David Foster Wallace*, Jackson: University Press of Mississippi, 2012, pp. 21—52.
- Steinhilber D. The Perils of Self-Consciousness: Heinrich von Kleist's "Über das Marionettentheater" in David Foster Wallace's Infinite Jest, *Critique: Studies in Contemporary Fiction*, 2017, vol. 58, iss. 5, pp. 548—557.
- Voelz J. The New Sincerity as Literary Hospitality, *Security and Hospitality in Literature and Culture: Modern and Contemporary Perspectives*, New York, London: Routledge, 2015, pp. 209—226.
- Wallace D.F. How Tracy Austin Broke My Heart, *Consider the Lobster and Other Essays*, London: Abacus, 2007, pp. 141—155.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 22.04.2022.

The article was submitted 07.04.2022; approved after reviewing 12.04.2022; accepted for publication 22.04.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Тихомиров Владимир Александрович — аспирант кафедры зарубежной литературы, филологический факультет, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, vltikhomirovx@icloud.com

Tikhomirov Vladimir Aleksandrovich — Postgraduate student of the Foreign Literature Department, Faculty of Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, vltikhomirovx@icloud.com

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 45—52.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 45—52.

Научная статья

УДК 811.111'27

DOI: 10.46726/И.2022.2.6

ВИДЫ СЕКСИЗМА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (Пейорация образа женщины)

Ашот Арамович Григорян

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yerkat@yandex.ru

Аннотация. Термин «сексизм» в современной лингвистике используется в довольно широком смысле. Это своеобразный «зонтиковый» термин, т. к. под ним скрывается явление, которое в языке и культуре проявляется очень по-разному: от скрытого и даже «доброжелательного» (benevolent and covert) сексизма до открытого и явного (overt one). При всем кажущемся разнообразии все варианты этого явления объединены идеей дискриминирования людей противоположного пола. Гендерологи предложили ряд классификаций сексизма. Опираясь на одну из таких классификаций, мы в данной статье рассматриваем вариант сексизма, фокусирующийся на уничтожении всего, связанного с женщиной.

Ключевые слова: сексизм, способы уничтожения женщины, объективация женщины, «параллелизм» слов, оценочные прилагательные

Для цитирования: Григорян А.А. Виды сексизма в английском языке: (пейорация образа женщины) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 45—52.

Original article

TYPES OF SEXISM IN ENGLISH (Pejoration of women)

Ashot A. Grigoryan

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, yerkat@yandex.ru

Abstract. In present-day linguistics sexism serves as kind of an “umbrella” term covering and uniting quite a lot of seemingly heterogeneous and contradictory variants (from a covert or even benevolent sexism to overt or blatant one). Despite this multiplicity and variability, all versions of sexism share the idea of the opposite sex discrimination. Scholars have suggested a number of different approaches that may be used to research the phenomenon of sexism. This article, based on one of such approaches, is focused on the ways the English language makes use of to pejorate women.

Keywords: sexism, ways to pejorate women, objectification of women, “parallel” notions, evaluative adjectives

For citation: Grigoryan A.A. Types of sexism in English: (Pejoration of women), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 45—52.

Мысль о том, что язык не только антропоцентричен, но и андроцентричен, отнюдь не нова. Исходя именно из посыла об андроцентричности языка, его асимметричной и несбалансированной трактовки всего мужского и женского, многие ученые подчеркивали естественность появления и неизбежность функционирования в языке такого явления, как сексизм. С другой стороны, столь же естественными и неизбежными можно считать попытки и усилия, предпринимаемые гендерно-сенситивной частью общества, если не полностью элиминировать, то хотя бы снизить уровень сексизма в языке. Представляется, что это касается всех или, в любом случае, подавляющего большинства языков «цивилизованного» мира (нам нелегко судить о ситуации с так называемыми «экзотическими» языками, распространенными в джунглях Амазонии или на бескрайних просторах Тихого океана). Это тем более касается английского языка, хотя бы потому, что именно в англоязычных странах (прежде всего, в США и Великобритании), движение за равноправие женщин и мужчин в самых разных сферах жизни является одним из самых распространенных и влиятельных.

Ученые-гуманитарии подходили к изучению феномена сексизма с разных сторон. Так, например, социолингвист Сара Миллз считает необходимым выделить, наряду с явным, откровенным сексизмом (‘overt sexism’, используя ее определение), сексизм неявный, скрытый (‘covert’ sexism) [Mills]. Специалист в области социальной психологии Нэнси Хенли, в свою очередь, предложила следующий подход к классификации сексизмов языке: 1) язык, игнорирующий женщин, не замечающий их, превращающий их в своеобразных невидимок; 2) язык, сужающий общественную роль женщины, трактующий ее как своеобразное «приложение» к мужчине; 3) язык, унижающий женщин, преуменьшающий их значимость в обществе [Henley].

Мы отдаем себе отчет в том, что данная классификация едва ли может претендовать на роль очень строгой и научной, хотя бы потому, что все три выделенных направления манифестации сексизмов в языке имеют очевидные

переплетения и перекрещивания. Действительно, трудно себе представить, чтобы язык, трактующий женщину как «приложение» к мужчине, одновременно не был бы замечен в унижении женщин и преуменьшении их роли в обществе. Тем не менее, предложенная схема имеет, по-видимому, определенное право на существование и, воспользовавшись данной классификацией, я бы хотел остановиться на вопросе о языке, который используется для унижения женщины, ее положения в обществе.

Одним из аспектов английского языка, в котором заложен уничижительный для женщин потенциал, является тот факт, что маскулинные формы слов обычно воспринимаются как более положительные по сравнению с феминными. Еще в классической работе Робин Лакофф речь шла о так называемых «параллельных» парах слов типа ‘bachelor-spinster’, ‘master-mistress’, ‘lord-lady’ [Lakoff]. Профессор Лакофф в личном разговоре с автором этих строк в 2003 году утверждала, что среднестатистический американец склонен трактовать слово ‘bachelor’ как ‘a man who chose not to marry’, в то время как ‘spinster’ — это ‘a woman who failed to marry’. Понятно, что «параллелизм» и равенство этих пар слов весьма относительно. Даже слова, имеющие одну и ту же форму (e.g. professional, secretary), будучи обращенными к мужчине, обладают положительной коннотацией, а к женщине — отрицательной. В частности, слово ‘secretary’, будучи обращенным к женщине, чаще всего подразумевает человека, помогающего руководителю предприятия в административной работе (работа с письмами, телефонными звонками, организация встреч и т. д.). Это же слово, будучи обращенным к мужчине, чаще всего подразумевает человека, занятого на какой-либо руководящей должности (e.g. Secretary of Education — министр образования). Слово ‘tomboy’, используемое для описания девочек, окрашено положительно, в то время как ‘sissy’, используемое для описания мальчиков, является, по сути, оскорблением. Думается, что мы не погрешим против истины, если скажем, что в целом сравнение женщины с мужчиной, ее уподобление мужчине (e.g. she thinks like a man), воспринимается англоязычным миром положительно. Напротив, уподобление мужчины женщине (e.g. he is a real old woman) чаще всего либо является, либо граничит с оскорблением. В более широком смысле можно сказать, что эта, казалось бы, языковая ситуация является проекцией и своеобразной иллюстрацией существующего в обществе социального и морального порядка, отдающего предпочтение ценностям, связанным со всем маскулинным.

По сравнению с такими языками, как русский, немецкий или французский, у английского существенно меньше языковых форм, используемых для указания на принадлежность к тому или иному роду. Для маркирования рода английский язык часто пользуется рядом суффиксов. Два наиболее часто используемых «женских» суффикса — это -ess (waitress, actress etc.) и -ette (bachelorette, nymphette etc.). Еще одним — не столь очевидным и менее распространенным — способом маркирования женского является использование так называемых слов-приложений: a woman doctor, a female lawyer etc. В подобных случаях язык как бы говорит о том, что речь идет о не совсем, не до конца настоящем, профессиональном враче или представителе какой-то другой сферы. Это не прошло мимо внимания ученых-гендерологов, которые подвергли подобное маркирование обоснованной критике [Henley; Rounton]. По сути, заметили ученые, все в этом мире мужского рода, если не доказано обратное [Spender]. Было отмечено, что использование маркеров женского способствует появлению отрицательного семантического пространства,

отводимого женщинам. Причем так происходит вне зависимости от того, чем именно занимаются женщины. Язык выделяет их как нечто, отличающееся от нормы (a woman doctor), или как менее — по сравнению с мужским — важное (a waiter — waitress). Правда, в случае со словами-приложениями можно сказать, что речь в данном случае идет не о сексизме, а о том, что подобное маркирование направлено на констатацию фактического положения дел, принятого в том или ином обществе в той или иной профессиональной сфере. Действительно, маскулинные маркеры также могут быть использованы, чтобы подчеркнуть тот факт, что мужчина вторгается в какую-то профессиональную сферу, традиционно закрепленную за женщиной (male nurse, male prostitute etc.). При этом, правда, нет ни одной такой сферы, которая бы достаточно высоко котирировалась в том или ином обществе. Поэтому довольно сложно делать вывод об истинной «параллельности» таких явлений, как ‘woman doctor’ и ‘male nurse’.

Еще одним лексико-грамматическим способом, при помощи которого английский язык может «указать» на гендерную принадлежность маркируемого таким образом человека, являются имена прилагательные. Известно, что такие прилагательные как charming, pretty, emotional, hysterical, скорее всего, попадутся в контекстах, связанных с описанием женщин и детей. И наоборот, такие представители этого класса слов, как tough, strong, stern почти всегда используются при описании мужчин. С. Пойнтон указывает даже, что, будучи использованы для характеристики женщин, эти слова в какой-то степени преуменьшают их — женщин — феминность [Poynton]. Тем не менее, нам представляется, что использование подобных прилагательных в не самых стандартных для них контекстах (a charming man, a stern woman) может в какой-то степени способствовать переосмыслению жесткой привязанности этих оценочных слов в гендерном аспекте. Отметим, что группы людей, руководствующиеся слоганами “women can do anything” и “girl power”, включая, возможно, даже представителей неформальных групп типа “riot grrls”, используют эту стратегию и борются с сексизмом, поскольку они продвигают идею о том, что женщины — отнюдь не слабый пол, о том, что быть женщиной и быть сильной — это нормально. Вместе с тем нельзя не отметить, что подобные стратегии в определенной мере противоречивы. Парадокс заключается в том, что указанные выше слоганы можно интерпретировать как воспроизводящие существующий статус-кво, так как они, по сути, направлены на укрепление системы ценностей, в которой престижно быть сильным и обладающим властью. Иными словами, в определенном смысле они направлены на укрепление существующей андроцентричной картины мира.

Изменяющаяся с течением времени природа гендерных значений слов может служить своеобразным доказательством того, как в языке происходило/происходит принижение, обесценивание роли, которую в жизни играют женщины. Представляется, что довольно большое количество слов, обозначающих женщину, прошло путь, который можно назвать перерождением, деградацией смысла. В качестве примера можно привести слово ‘virago’. Это слово, точно так же, как и однокоренное ‘virtue’, этимологически восходит к латинскому корню ‘vir’, обозначающему мужчину и имеющему прекрасные коннотации. В частности, Concise Oxford English Dictionary (COED) свидетельствует, что когда-то так Адам называл Еву, имея в виду женщину-воительницу, героическую женщину [COED: 1600]. Более того, хотя изначально слово ‘virago’ чаще служило для обозначения женщины, оно вполне

могло быть употреблено и по отношению к мужчине, обладающем и славящемся своей недюжинной силой и храбростью. Однако с течением времени слово перестало использоваться для обозначения мужчин и приобрело несколько иные семантические коннотации. Оно стало использоваться для обозначения физически крупных, мужеподобных женщин или же женщин, славящихся своим сварливым характером. Сегодня первым значением, зафиксированным в COED, является: ‘a domineering violent or bad-tempered woman’ [Ibid]. Перед нами история своеобразной семантической поляризации, которую претерпело слово *virago*. Вместе с тем хотелось бы отметить и следующее: чуть менее пятидесяти лет назад одно из британских феминистски ориентированных издательств решило назвать себя именно так — *Virago*. Это отнюдь не случайный выбор. Издательство использует это слово в качестве примера сопротивления процессу семантического принижения слов, служащих для обозначения женщин. Они предпочитают тактику переосмысления значения слова и делают акцент на положительных оттенках в его значении. Как они пишут сами: “Since we began in 1973, our mission has been to champion women’s voices and bring them to the widest possible readership around the world” [Virago] (Курсив наш. — А.Г.) Возможно, здесь напрашиваются определенные параллели с активизировавшимся в последнее время в русском языке и культуре движением в пользу употребления различного рода феминитивов.

Этот случай семантической поляризации, которую претерпело слово *virago*, наверное, не заслуживал бы столь пристального внимания, если бы он был единичным. На самом деле довольно много аналогичных процессов и семантических изменений происходило в английском языке и культуре со словами, обозначающими женщин. Эти процессы были замечены и проанализированы рядом ученых-гендерологов. Так профессор Лакофф в своей ставшей практически классической работе “Language and woman’s place”, замечает, что семантическое обесценивание слов, обозначающих женщину, происходило еще в 70-ые годы прошлого столетия в Америке [Lakoff]. В частности, она отмечает, что ранее нейтральное слово ‘woman’ начинает обрастать отрицательными коннотациями. Робин Лакофф высказывает предположение о большей по сравнению со словом ‘woman’ частотности употребления слов ‘lady’ и ‘girl’ именно в силу их кажущейся большей вежливости [Ibid]. Из собственного опыта наблюдений могу согласиться с тем, что мужчины — особенно в сфере услуг — выбирая обращение к женщине, предпочтут варианты ‘lady’ и ‘girl’. При этом, как кажется, сами женщины — особенно феминистского толка — скорее отдадут предпочтение варианту ‘woman’. Профессор Лакофф утверждает, что слово ‘girl’ в силу самой своей ассоциированности с несовершеннолетием, незрелостью, невзрослостью, как бы убирает из общего спектра коннотаций слова значения, связанные с сексуальностью. Эти оттенки значения, как она полагает, имеются у варианта ‘woman’. Кроме того, представляется, что слово ‘girls’ может быть использовано в положительном контексте, обозначая нечто вроде женского единения, женской солидарности. Любопытно, что примерно в этом же значении — особенно в устах более молодого поколения женщин — может быть использовано и слово ‘guys’, строго говоря обозначающее лиц мужского пола. С другой стороны, слово ‘girls’ вполне может звучать покровительственно или даже уничижительно и оскорбительно, особенно если спикером является мужчина. Заметим, что и у слова ‘lady’ могут появляться отрицательные коннотации: оно также не избежало процесса пейорации слов, обозначающих женщину. В частности, спортивные комментаторы нередко

пользуются этим словом, когда речь идет о соревнованиях спортсменок. В результате появляются несколько странно и неуместно звучащие сочетания типа 'lady-runner' или 'lady-weightlifter'.

Еще одной областью современного английского языка, в которой можно найти следы предвзятого — уничижительного — отношения к женщинам, является язык метафор. В относительно недавнем исследовании два гендеролога из Новой Зеландии А. Везеролл и М. Волтон изучили взаимоотношения, существующие между метафорическим языком и доминирующими в обществе воззрениями на женщин [Weatherall, Walton]. Предметом исследования были метафоры, используемые студентами новозеландских университетов, для обозначения женщин и сексуального опыта. В результате исследования учеными было установлено, что метафоры, используемые для характеристики женщины, охватывают целый ряд предметных областей: животный мир (bird, bitch), предметы одежды (bit of skirt, blue stocking), незрелость (babe/baby), пища (tart, sweetie pie), средства транспорта (town bike), предметы мебели (mattress) [ibid]. Справедливости ради следует отметить, что представители животного мира использовались и для классифицирования мужчин. Однако в случае с женщинами речь неизменно шла либо о домашних животных (kittens, cats), либо о тех, на которых принято охотиться (fox). В случае с мужчинами в качестве представителей животного мира назывались более крупные и опасные, такие как, например, tiger и lion [Ibid]. Ученые отмечают, что многие из проанализированных в рамках данного исследования метафор кажутся обидными и уничижительными еще и потому, что они представляют женщин в качестве пассивных объектов мужской агентивности: 'Looks like he's going to take the wood to the beaver'. Иными словами, здесь и в подобных случаях можно говорить об объективации женщин.

Под объективацией женщины сегодня понимаются процессы, связанные с обесцениванием ее роли в жизни, сведением ее к чему-то дополнительному, факультативному. Это явление — объективация, опредмечивание женщин, лишение ее субъектности/агентивности — может по-разному манифестироваться в языке. Представляется, что эффект объективации в языке (и не только в английском) может быть достигнут, например, путем намеренного использования страдательного залога. Кроме того, еще одним достаточно частотным способом опредмечивания женщины является использование глагольного значения переходности. Иными словами, эффект достигается за счет опять же намеренного употребления переходных/транзитивных глаголов.

В лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией академика В.Н. Ярцевой (ЛЭС) залог определяется как «грамматическая категория глагола, выражающая ... субъектно-объектные отношения» [ЛЭС: 160]. Чтобы убедиться в том, как использование страдательного залога может привести к эффекту объективации женщины, приведем пример из современного произведения англоязычной прозы:

'But I want to be loved. I have always been loved. I want my husband to love me with a passion, like a troubadour tale, like a knight' [Gregory: 215].

Думается, что в этом примере можно говорить о своеобразном варианте объективации: о самообъективации. Женщина как бы воспринимает себя в качестве объекта, на который — по ее собственному желанию — должно быть направлено действие. Собственно, так оно всегда и было (I have always been loved). На самом деле ничего, наверное, не может быть естественней желания быть любимой (be loved). Позиция реципиента, занимаемая человеком,

здесь совершенно понятна. Несколько настораживает отсутствие желания быть субъектом, а не только реципиентом действия.

Итак, когда мы говорим об объективации женщины, мы, по сути, говорим о дифференциации между статусом субъекта и объекта действия. Кроме грамматической категории залога, эта дихотомия легко прослеживается у переходных/непереходных глаголов. Согласно ЛЭС, содержательная сторона категории транзитивности/интранзитивности сводится к передаче «субъектно-объектных отношений: переходность — направленность действия субъекта на объект, непереходность — замкнутость действия в сфере субъекта» [ЛЭС: 370]. Проиллюстрируем сказанное следующими выражениями, содержащими переходные глаголы: ‘he couldn’t have felt prouder to have her in his life’, ‘he loved her’. Еще одним примером, иллюстрирующим, кто именно выступает в роли субъекта действия, служит следующее предложение:

‘He had considered her the perfect wife: beautiful, even-keeled, undemanding, acquiescent the once or twice a month when he came to her bed’ [Marchall: 246].

В этом предложении эффект объективации женщины достигается за счет использования переходного глагола *to consider* в стандартной грамматической конструкции *to consider somebody something*. Мужчина воспринимает женщину в стереотипной роли ‘the perfect wife’. Более того, в данном предложении образ «идеальной жены» собирается посредством эпитетов: *beautiful, even-keeled, undemanding, acquiescent*. Таким образом, создается впечатление, что у женщин — в идеале — не должно быть своего мнения, личных желаний и запросов; внутренний мир женщины и её переживания не имеют никакого значения, важна только ее внешность. Особенно показательным, на наш взгляд, является употребление последнего из цепочки прилагательных — *acquiescent*, которое согласно COED означает «безропотно подчиняться»: ‘accept or consent to something without protest’ [COED: 11]. При этом женщина должна подчиняться мужчине так, словно это и есть её главное предназначение в жизни.

Приведем еще один показательный пример из современной англоязычной художественной литературы:

‘From the start, he had only wanted someone young and attractive to wear on his arm’ [Marchall: 168].

В данном примере мужчина, использующий переходный глагол ‘to want’, подчеркивает, что женщина, подразумеваемая под местоимением ‘someone’, становится не субъектом, а объектом повествования. Более того, в этом предложении используется прием метафоры, посредством которого женщина сравнивается с красивым аксессуаром, который носят на руке, например, часами или браслетом. Таким образом, метафора скрывает или, наоборот, выпукло демонстрирует овеществление и унижение женского образа как чего-то неживого и являющегося, по сути, лишь красивым и желанным «аксессуаром» мужчины.

Итак, в данной статье мы попытались обобщить способы, которые использует английский язык в целях принижения и даже унижения женщины и ее роли в обществе. Заметим, что язык есть живой, довольно динамически развивающийся — особенно в плане лексики — организм. В связи с этим какие-то механизмы пейорации набирают обороты, какие-то, наоборот, затухают. Представляется, что в целом можно говорить о намечающейся тенденции роста так называемого неявного (*covert*) и некоторого сокращения открытого, явного (*overt*) сексизма. Надеемся подробнее остановиться на этом в дальнейших исследованиях.

Список литературы / References

- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
(Linguistic Encyclopedic Dictionary, ed. by V.N. Yartseva, Moscow, 1990, 685 p. — In Russ.)
- COED — Concise Oxford English Dictionary, Oxford: Oxford University Press, 2002, 1708 p.
- Gregory Ph. *The Lady of the Rivers*, N.Y.: Simon & Schuster, 2011, 512 p.
- Henley N. This new species that seeks a new language: on sexism in language and language change, *Women and language in transition*, ed. by J. Penfield, N.Y.: State University of New York Press, 1987, pp. 3—25.
- Lakoff R. *Language and woman's place*, Oxford: Oxford University Press, 2004, 309 p.
- Marchall J. *The Other Side of the Mirror*, NY: Pinnacle Books Windsor Publishing Corp, 2007, 318 p.
- Mills S. *Language and sexism*, Cambridge: Cambridge University Press, 2008, 178 p.
- Poynton C. *Language and Gender: making the difference*, Oxford: Oxford University Press, 1989, 104 p.
- Spender D. *Man-made language*, London: Routledge, 1980, 250 p.
- Virago Publishers, available from www.virago.co.uk (accessed 16.02.2022).
- Weatherall A., Walton M. The metaphorical construction of sexual experience in a speech community of New Zealand university students, *British Journal of Social Psychology*, 1999, no. 39, pp. 479—498.

Статья поступила в редакцию 21.02.2022; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 22.03.2022.

The article was submitted 21.02.2022; approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 22.03.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Григорян Ашот Арамович — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yerkat@yandex.ru

Grigoryan Ashot Aramovich — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of English Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, yerkat@yandex.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 53—63.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 53—63.

Научная статья

УДК 372.881.111.1

DOI: 10.46726/И.2022.2.7

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ СЛОЖНОСТИ УЧЕБНОГО ТЕКСТА НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНИКОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Светлана Андреевна Маник, Виктория Леонидовна Смирнова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
maniksa@ivanovo.ac.ru, leoney1998@mail.ru

Аннотация. На сегодняшний день лингвистика активно занимается изучением текста, его особенностей, функций и свойств в междисциплинарном ракурсе, таким образом формируется особая отрасль лингвистической науки, получившая название «лингвистика текста» или «теория текста». В статье рассматриваются основные подходы в современной лингвистике к анализу учебных текстов, а также проблема оценки сложности текстов в учебниках по английскому языку, разрабатываемой на основе следующих лингвостатистических параметров: длины предложения, длины слова, индекса читабельности по Флешу-Кинкейду, нарративности и лексического многообразия. Актуальность исследования видится в перспективности развития методики преподавания и изучения понятия «учебный текст», в выработке умения проводить лингвистический анализ учебного текста на разных уровнях языка. Целью данного исследования является описание современных подходов к оценке сложности учебного текста на примере лингвистического анализа текстов двух учебников английского языка уровня А1+.

Ключевые слова: текст, учебный текст, лингвистическая сложность текста, анализ текста, лексические параметры, читабельность, нарративность

Для цитирования: Маник С.А., Смирнова В.Л. Современные подходы к анализу сложности учебного текста на материале учебников английского языка // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 53—63.

Original article

CONTEMPORARY APPROACHES TO ANALYSIS OF COMPLEXITY OF EDUCATIONAL TEXT BASED ON DATA OF ENGLISH TEXTBOOKS

Svetlana A. Manik, Victoria L. Smirnova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
maniksa@ivanovo.ac.ru, leoney1998@mail.ru

Abstract. Nowadays linguistics is actively engaged in the study of text, its features, functions and properties in an interdisciplinary perspective, thus, a special branch of linguistic science has been formed, called “Text Linguistics” or “Text Theory”. The article discusses contemporary approaches in linguistics to the analysis of educational texts, as well as the problem of assessing the complexity of texts in English textbooks, developed on the basis of the following linguistic and statistical parameters: sentence length, word length, the Flesch–Kincaid readability index, narrative and lexical diversity. The significance of the research is seen in the further prospects for the development of teaching methods and the study of the concept of “educational text”, in the development of the ability to conduct linguistic analysis of the educational text at different levels of the language. The purpose of this study is to describe contemporary approaches to assessing the complexity of an educational text based on the example of linguistic analysis of the texts of two A1+ level English textbooks.

Keywords: text, educational text, linguistic complexity of the text, text analysis, lexical parameters, readability, narrative

For citation: Manik S.A., Smirnova V.L. Contemporary approaches to analysis of complexity of educational text based on data of English textbooks, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 53—63.

Как для учителя, так и для ученика важным аспектом получения знаний является учебник. Для педагога учебник — это спутник, который помогает наметить маршрут изучения предмета, для ученика же он представляет собой важную книгу, позволяющую закрепить знания, а также сборник заданий и упражнений для закрепления материала. Особое место в учебниках занимает учебный текст, с помощью которого учащиеся получают информацию. Целесообразно подчеркнуть важность текстов учебников по иностранному языку, так как в них используется неродной для учеников язык. Более того, текст представляет собой еще один способ получения не только данных, но также навыков и умений, которые важны при изучении языков. Вместе с тем можно с уверенностью сказать, что текст на иностранном языке является для обучаемого образцом того, как должен выглядеть грамматически правильный текст с подобранной лексикой. Безусловно, для эффективного обучения тексты должны быть изложены четко и понятно.

Таким образом, изучение вопроса сложности учебного текста представляется актуальным: исследование видится необходимым и востребованным в свете перспективности развития методики преподавания английского языка и изучения понятия «текст», в выработке умения проводить лингвистический анализ учебного текста на разных уровнях владения иностранным языком. Целью данной работы является описание современных подходов

к оценке сложности учебного текста на примере лингвостатистического анализа текста двух учебников английского языка уровня А1.

Представляется необходимым начать с определения терминологического аппарата исследования.

По мнению З.Я. Тураевой, определение текста, которое можно было бы считать универсальным и которое носило бы терминологический характер, еще не выработано [Тураева: 11]. Изучая понятие текста, нельзя не согласиться с Л.Г. Бабенко и ее соавторами, которые в исследовании, посвященном лингвистическому анализу художественного текста, утверждают, что общепризнанного определения текста до сих пор не существует. Л.Г. Бабенко рассуждает на тему того, а есть ли вообще идеальное определение для текста. Она и ее соавторы считают, что сами определения могут быть поделены на лаконичные, лапидарные, порой образные формулировки — во-первых, и, во-вторых, наоборот, развернутые определения [Бабенко: 26].

Текст, являясь центральным объектом филологической науки, допускает множественность интерпретаций. Это связано с различными подходами к его изучению, а также сложностью самого понятия. Н.С. Болотнова предлагает различать узкую и широкую трактовку текста. В широком смысле текст трактуется как последовательность любых знаков [Болотнова: 100]. Текстом в таком случае является не только словесное произведение, но и произведение музыки, живописи, архитектуры и т. д. В узком смысле текст определяется как «речевое произведение, высказывание, воспроизведенное на письме или в печати» [Розенталь, Теленкова: 483].

В свою очередь М. Хэллiday и Р. Хасан полагают, что термин «текст» используется для обозначения любого произнесенного или написанного отрывка любой длины, который образует единое целое [Halliday, Hasan]. Текст может быть в устной или письменной формах, прозой или стихотворением, диалогом или монологом. Текст — это используемая единица языка. Текст лучше всего рассматривать как семантическую единицу, единицу не формы, а смысла.

По утверждениям многих лингвистов, определение, данное И.Г. Гальпериным, является наиболее точным и полным: «Текст — это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин: 18]. Именно данное представление лежит в основе дальнейших подходов к изучению учебного текста и оценке его сложности.

Как отмечает С.В. Дмитриева, учебный текст является важной универсальной единицей любого школьного предмета, использующейся на протяжении длительного времени. Но на данный момент в науке и практике преподавания это понятие не приобрело четкой формулировки. Несмотря на частое употребление данного термина, точного определения понятия «учебный текст» нет. Сложность толкования понятия «учебный текст» связана с рядом причин. Во-первых, существуют понятия, которые часто воспринимаются синонимами рассматриваемого термина, но на самом деле таковыми не являются: текст учебника, учебная литература, учебная книга, учебный материал. Во-вторых, выдвигаются новые понятия, например, такие как «педагогика текста», «дидактический текст», которые также вызывают сложности при формулировании термина «учебный текст». В-третьих, исследователи

дают определение термину «учебный текст», исходя из различных оснований [Дмитриева: 68].

Так, Т.М. Дридзе дает толкование учебному тексту через его понимание учащимися [Дридзе], Я.А. Микк определяет текст через принципы, обеспечивающие доступность учебных текстов [Микк 1981]. Таким образом, можно говорить о сложности определения термина для «учебного текста», которая связана с тем, что подходы к толкованию данного термина не систематизированы.

Инструментальная составляющая деятельностного подхода связана с пониманием учебного текста как текста, являющегося средством достижения целей школьного обучения. Эту точку зрения представляет Б.И. Федоров, который считает, что если информация текста как содержание прошлых знаний используется, прежде всего, для достижения главной цели школьного обучения, т. е. для формирования и развития интеллектуальных способностей учащихся, для развития соответствующих интеллектуальных компетентностей работы с информацией, то его следует считать учебным текстом в широком смысле слова. А если указанная информация текста еще и предварительно оптимизирована, то мы имеем дело с учебным текстом в узком смысле слова [Федоров].

В 90-е годы XX века в интерпретации исследуемого понятия появляются метапредметные характеристики. Так, В.П. Максаковский выделяет следующие функции, присущие учебным текстам: отражение широкой научной картины мира (в том числе в виде нисходящей иерархии: законы — закономерности — научные теории — научные гипотезы — научные понятия — факты); ориентация на фундаментальные знания; организующая роль теории (обобщений по отношению к фактам); стимулирование учащихся к самостоятельному добыванию знаний; дифференцированный подход (выделение в учебном тексте 2—3 планов); проблемный подход; баланс научности и доступности [Максаковский: 70]. Следует отметить, что в перечисленных характеристиках учебного текста, предложенных исследователем, присутствуют элементы метапредметности, прежде всего, связанные с формированием научной картины мира, самостоятельностью.

В.Н. Семерджиди в своей работе отмечает, что в отличие от научно-учебного текста (термин Е.С. Троянской), учебный текст на иностранном языке (русском и английском) предназначен не для хранения и передачи научных знаний, а для получения и передачи информации в типичных естественных условиях коммуникации и обучения общению на иностранном языке. Владение языком, умение адекватно пользоваться им в конкретных ситуациях общения, то есть интерактивный принцип, составляет сущность коммуникативной компетенции, которая выдвинута в число центральных категорий лингвистики и лингводидактики [Семерджиди: 120].

Также важно понимать, что учебный текст представляет собой некий вид вторичного текста, поскольку он является продуктом письменной речевой деятельности автора учебника, созданным на базе первичного текста для передачи знаний учащимся.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод, что учебный текст — важная составляющая учебного дискурса, представляющая собой обучающий текст, основной целью которого является передача знаний учащимся. Важнейшей характеристикой учебного текста является наличие в нем образовательного, культурологического, воспитывающего и развивающего потенциала.

Исследования относительно анализа сложности текста осуществляются в большей степени независимо друг от друга в различных отраслях науки с применением научных аппаратов и терминологии, а объект исследования также рассматривается по-разному.

Например, проблема соответствия текста читателю традиционно решается в рамках лингводидактики, в педагогике — как вопрос способностей обучающегося, а в образовании — как проблема качества учебных изданий, в психологии — восприятия информации, в психолингвистике — рассматриваются аспекты моделирования взаимодействия читателя и текста, в герменевтике в центре внимания находятся соотношения внешнего и внутреннего содержания в человеческом познании.

Результатом процесса осмысления текста является понимание. Под «понятным» подразумевается то, что может быть иначе выражено. Иными словами, если текст был понят, его смысл может быть передан в любой другой форме: парафразе, пересказе, переводе на другой язык, реферате и т. д. Восприятие и понимание иноязычного текста может быть осложнено явлением интерференции. В этом случае новые языковые явления воспринимаются сквозь способы работы с родным языком, что ведёт к ошибкам восприятия и понимания. Следовательно, тексты на иностранном языке должны быть понятными, чтобы соответствовать знаниям учащихся определенного уровня.

Наиболее важными и употребительными характеристиками текста являются: читабельность (*readability*), сложность, трудность и понятность, которые можно посчитать при помощи соответствующих математических формул и компьютерных программ. Согласно М.И. Солнышкиной и А.С. Кисельникову индекс читабельности текста, определяемый формулами читабельности на основе количественных параметров текста (количество слов в тексте, количество предложений, средняя длина предложения, средняя длина слова по количеству букв или слогов и ряд других), отражает степень понимания текста читателем, а также сложность самого текста. В индекс читабельности также входит возраст потенциального читателя. В данном случае важно отметить, что подразумевается не биологический возраст, время (годы) обучения [Солнышкина, Кисельников: 87].

Индекс Флеша-Кинкейда — это одна из наиболее валидных формул для определения читабельности. Данный индекс показывает количество лет обучения, необходимое для понимания анализируемого текста, и рассчитывается по формуле:

$$FKG \text{ mod } SIS = 0.36 \times ASL + 5.76 \times ASW - 11.97,$$

где *ASL* — среднее количество слов в предложении; *ASW* — среднее количество слогов в слове. Читабельность по Флешу оценивает тексты на основе их соответствия читателям определенного года обучения: тексты в диапазоне 1—10 соответствуют читателям средней школы, тексты в диапазоне 11—15 предназначены для студентов высшего образования, а 16—20 соответствуют сложным научным текстам, читателями которых являются научные сотрудники. Данный подсчет можно провести на платформе *TextInspector*.

Общепризнанными параметрами, характеризующими сложность текстов, являются длина предложений и длина слов в тексте. Также под сложностью понимают параметры текста: буквы, слоги, грамматические морфемы, слова, словосочетания, синтаксические построения. Ю.А. Тулдава предложил дополнительный параметр — количество многозначных слов в тексте [Тулдава].

А.Е. Ермаков и В.В. Плешко также добавили еще один параметр — наличие в тексте омонимов [Ермаков, Плешко]. По мнению Е.С. Пушкиной, наличие в тексте терминов также создаёт дополнительную сложность, так как термины относятся к словам с наивысшей степенью абстрактности [Пушкина].

Как отмечает М.И. Солнышкина, сложность текста определяется морфологическими (длина и количество морфем), лексическими (частотность, абстрактность, уникальность, этноспецифичность, неоднозначность, референциальная специфичность и др.), синтаксическими (комплексность модели, порядок слов, длина предложения и др.) характеристиками текста, а также его информационной (когнитивной) сложностью [Мартынова, Солнышкина и др.: 73].

В качестве критериев сложности текста А.А. Гречихин рассматривает следующие: информативность текста, сложность предложений, абстрактность изложения и ясность структуры текста. Интересен его подход к анализу информативности и «знакомости» слов текста, который представлен выявлением «житейских» и научных понятий, определением разнообразия словаря текста, поиску длинных слов. Сложность предложения зависит в том числе и от связи его смыслов и значений [Гречихин].

Понятность текста — объект исследований Я.А. Микка, под которым он понимает «свойство текста содействовать пониманию» [Микк 1970]. Трудность учёный интерпретирует как «свойство текста препятствовать пониманию». Понятность текста Я.А. Микк считает более широким понятием, чем читабельность, отмечая, что «в формулах удается учесть не все факторы понятности текста». В качестве основных параметров «понятности» Я.А. Микк выделяет: 1) количество слов в предложении; 2) «знакомость»; 3) абстрактность слов, соотношение абстрактных и конкретных слов в тексте. «Знакомость» слов определяется эмпирически путём оценивания слова испытуемыми по шестибальной шкале (5 — очень хорошо знакомое слово, 0 — незнакомое слово) [Микк 1970].

При оценке лингвистической сложности осуществляется расчет следующих параметров: 1) дескриптивные (длина текста в слогах, словах, предложениях, средняя длина предложения, средняя длина слова и др.); 2) морфологические (количество существительных, глаголов, прилагательных, местоимений, союзов); 3) лексические (лексическое многообразие текста, количество абстрактных слов, частотность лексики и др.); 4) синтаксические (количество простых, сложносочиненных, сложноподчиненных, придаточных предложений, количество слов до сказуемого, и др.).

Информационная сложность текста оценивается на основе расчета информационных характеристик текста, т. е. объема передаваемой текстом информации.

Таким образом, представляется возможным вывести следующие генерализованные параметры для анализа учебного текста: длина предложения, длина слов в тексте, индекс Флеша-Кинкейда, лексические параметры, нарративность, индекс конкретности/абстрактности, а также знакомость. Именно они взяты в основу анализа учебных текстов.

Для анализа были выбраны тексты из учебника по английскому языку для 6 класса, автором которого является В.П. Кузовлев, а также из учебника Gateway A1+, автором которого является Дэвид Спенсер. Оценка и измерение параметров текстов осуществлялись при помощи онлайн-сервисов TextInspector, а также Text Analyzer.

Рассмотрим текст из учебника по английскому языку для 6 класса:

I don't think I enjoy shopping, but I can choose things. My mum may advise, but she never says "No!". But there are a few things I don't buy without my parents: jackets, shoes and other expensive things. Last Sunday while we were shopping with mum at Camden Market she bought me a pair of very nice shoes. I can only buy food. I go to the baker's or grocer's and I sometimes go to our local supermarket and buy vegetables and fruit there [Кузовлев и др.: 73].

Анализ текста был осуществлен поэтапно в трех группах изучаемых параметров: дескриптивные характеристики, индексы читабельности и лексические параметры.

Дескриптивные параметры, средняя длина предложения и средняя длина слова оценивались с помощью TI.

Средняя длина предложения	14,67
Средняя длина слова	1,30

Как отмечает Мартин Каттс в своей книге «Oxford Guide to Plain English» [Cutts: 16], среднестатистическая длина английского предложения составляет 15—20 слов. В нашем же анализе средняя длина составляет 14,67 слов, что приближено к принятому минимуму и отражает учебную направленность текста. TextInspector показал, что средняя длина слова 1,30 слога, которая ниже установленной в 1,66 слога. Данные результаты подтверждают, что с точки зрения дескриптивных параметров сложность текста ниже среднего в современном английском языке.

Средний уровень читабельности данного текста по Флешу-Кинкейду составил 5,42, что соответствует диапазону осведомленности ученика 5—6 года обучения в американской средней школе.

Лексические параметры. Онлайн сервисы Text Analyzer и EVP (English Vocabulary Profile) регистрируют разные результаты. Большинство слов относятся к уровню A1 и A2 соответственно. Согласно EVP, слов, которые принадлежат к уровню A1, насчитывается 71, A2 — 6 и B1 — 4. При таком показателе можно смело заявлять, что текст является довольно простым и его можно отнести к уровню Beginner-Elementary.

Стоит также выделить еще один лексический параметр — **нарративность**. Нарративность текста, в соответствии с формулой Д. Байбера, С. Конрада и Р. Репшена [Biber, Conrad et al.], вычисляется как отношение общего количества существительных к общему количеству глаголов. Согласно И.В. Алещановой, нарративность может сводиться к форме повествовательных предложений и изъявительного наклонения прошедшего времени, таким образом передавая пересказ событий, соотносимых с некой историей или фабулой [Алещанова: 44]. Текстам повествовательных жанров характерно высокое соотношение глаголов к существительным. В данном исследовании количество глаголов и существительных оценивалось при помощи онлайн ресурса TextInspector, отношение глаголов к существительным проводилось по формуле:

$$VNR = V/N \times 100,$$

где V — количество глаголов в тексте, N — количество существительных.

Применив данную формулу, мы получили, что отношение глаголов к существительным составляет 93. Тексты с высокой степенью нарративности не вызывают сложности при чтении для читателей.

Исходя из проводимых исследований, ни одно слово в данном тексте не вызвало сложности при прочтении у учащихся 6—7 классов, следовательно,

знакомость текста достаточно высока, поэтому проблем с полным пониманием текста у учеников не выявлено.

Индекс конкретности/абстрактности слов в тексте в значительной степени влияет на трудность его восприятия. Абстрактность текста определяется на основе соотношения количества конкретных и абстрактных имён существительных. Индекс конкретности/абстрактности довольно высок, так как все имена существительные в данном тексте являются конкретными, из чего следует вывод, что текст довольно легок для его восприятия читателями.

Рассмотрим пример из учебника Gateway A1+:

A good team player listens carefully to what other team members say. Sometimes when people talk to us we don't really listen. Maybe we don't pay attention because we are thinking of other thing. Maybe we interrupt the other person again and again. Maybe we listen, but we only hear what we want to hear. We don't really try to understand the other person's opinion. To work in a team, you need to be a good listener. Listen first and speak second. Only interrupt if you want to check that you understand. And show that you are interested [Spencer: 92].

Анализ текста был осуществлен также поэтапно в трех группах изучаемых параметров: дескриптивные характеристики, индексы читабельности и лексические параметры.

Дескриптивные параметры, средняя длина предложения и средняя длина слова оценивались с помощью TI.

Средняя длина предложения	10,20
Средняя длина слова	1,43

Как уже упоминалось выше, среднестатистическая длина английского предложения составляет 15—20 слов. В нашем же анализе средняя длина составляет 10—20 слов, что значительно ниже принятой нормы. Возможно, уровень A1+ предполагает короткие предложения, чтобы чтение текста было доступно студентам с низким навыком чтения. TextInspector зафиксировал, что средняя длина слова 1,43 слога, которая немного ниже установленной в 1,66 слога. Данные результаты подтверждают, что с точки зрения дескриптивных параметров сложность текста ниже среднего в современном английском языке.

Средний уровень читабельности данного текста по Флешу-Кинкейду составил 5,28, что также соответствует диапазону осведомленности ученика 5—6 года обучения в американской средней школе.

Лексические параметры. Онлайн сервисы Text Analyzer и EVP (English Vocabulary Profile) также регистрируют разные результаты. Большинство слов относятся к уровню A1 и A2 соответственно, сам TA относит текст к уровню A2. Согласно EVP, слов, которые принадлежат к уровню A1, насчитывается 56, A2 — 16, B1 — 4, B2 — 1. Согласно данным показателям можно смело заявлять, что текст является довольно простым для понимания и его можно отнести к уровню Elementary, соответственно к уровню A1+.

При расчете **нарративности** мы, применив формулу $VNR = V/N \times 100$, где V — количество глаголов в тексте, N — количество существительных, получили, что отношение глаголов к существительным составляет 200. Тексты с высокой степенью нарративности не вызывают сложности при чтении для читателей.

Так же, как и первый текст, второй текст не вызвал сложности при прочтении, следовательно, **знакомость** текста достаточно высока, поэтому проблем с полным пониманием текста у учеников 6—7 классов не выявлено.

Индекс конкретности/абстрактности также довольно высок, так как среди всех имен существительных (12) только 2 являются абстрактными, из чего можно утверждать, что текст довольно легок для его восприятия читателями.

Таким образом, можно провести сравнительный анализ двух текстов.

	Английский язык для 6 класса	Gateway A1+
Средняя длина предложения	14,67	10,20
Средняя длина слов в тексте	1,30	1,43
Индекс Флеша-Кинкейда	5,42	5,28
Лексические параметры (уровень слов)	Beginner-Elementary	Elementary
Нарративность	93	200
Знакомость	высокая	высокая
Индекс конкретности/абстрактности	высокий	высокий

Таким образом, анализ данных учебных текстов показал, что они не вызывают трудности у учеников целевой группы при чтении. Читабельность по Флешу-Кинкейду находится в диапазоне от 5 до 6. Показатели нарративности, знакомости, а также индекса конкретности/абстрактности текстов достаточно высоки. Более того большинство слов принадлежат к уровню A1-A2, что соответствует уровням Beginner-Elementary, поэтому, можно сделать вывод, что тексты не должны вызывать трудностей у школьников 6-го класса при прочтении. Проводимый такого рода анализ текста позволяет детерминировать более точный читательский адрес, а также понять, соответствует ли текст учебнику заявленного класса. Представляется необходимым продолжить анализ данных учебников для выделения закономерностей организации учебных текстов.

Список литературы / References

- Алещанова И.В. Нарративность: определение понятия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 3 (16). С. 43—47.
(Aleshchanova I.V. Narrative: definition of the concept, *Izvestia Volgograd State Pedagogical University*, 2006, iss. 3 (16), pp. 43—47. — In Russ.)
- Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Филология». Екатеринбург, 2000. 532 с.
(Babenko L.G., Vasil'ev I.E., Kazarin Y.V. Linguistic analysis of a literary text: Textbook, Yekaterinburg, 2000, 532 p. — In Russ.)
- Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учебное пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.
(Bolotnova N.S. Philological analysis of the text: textbook, 4th ed., Moscow, 2009, 520 p. — In Russ.)
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
(Gal'perin I.R. Text as an object of linguistic research, Moscow, 1981. 138 p. — In Russ.)
- Гречихин А.А. Социология и психология чтения: учебное пособие для вузов. М.: МГУП, 2007. 383 с.

- (Grechihin A.A. Sociology and psychology of reading: textbook for universities, Moscow, 2007, 383 p. — In Russ.)
- Дмитриева С.В. Метапредметный компонент содержания учебного текста // Педагогическое образование в России. СПб, 2018. Вып. 10. С. 67—75.
(Dmitrieva S.V. Meta-subject component of the content of learning text, *Pedagogical Education in Russia*, Saint Petersburg, 2018, iss. 10, pp. 67—75. — In Russ.)
- Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М.: Наука, Академия наук СССР, Институт социологических исследований, 1984. 268 с.
(Dridze T.M. Textual activity in the structure of social communication. Issues of semiosociopsychology, Moscow, 1984, 268 p. — In Russ.)
- Ермаков А.Е., Плешко В.В. Синтаксический разбор в системах статистического анализа текста // Информационные технологии. 2002. Вып. 7. С. 30—34.
(Ermakov A.E., Pleshko V.V. Syntactic analysis in statistical text analysis systems, *Information technology*, 2002, iss. 7, pp. 30—34. — In Russ.)
- Кузовлев В.П., Лапа Н.М., Перегудова Э.Ш. Английский язык. 6 класс. М.: Просвещение, 2013. 191 с.
(Kuzovlev V.P., Lapa N.M., Peregudova E.Sh. English. 6th grade, Moscow, 2013, 191 p. — In Russ.)
- Максаковский В.П. Учебник нового поколения // Проблемы школьного учебника. М.: Просвещение, 1991. Вып. 20. С. 69—71.
(Maksakovskij V.P. A new generation textbook, *Problems of a school textbook*, Moscow, 1991, iss. 20, pp. 69—71. — In Russ.)
- Мартынова Е.В., Солнышкина М.И., Мерзлякова А.Ф., Гизатулина Д.Ю. Лексические параметры учебного текста (на материале текстов учебного корпуса русского языка) // Филология и культура. Philology and culture. 2020. Вып. 3 (61). С. 72—80.
(Martynova E.V., Solnyshkina M.I., Merzlyakova A.F., Gizatulina D.Y. Lexical parameters of the educational text (based on the texts of the educational corpus of the Russian language), *Philology and culture*, 2020, iss. 3 (61), pp. 72—80. — In Russ.)
- Микк Я.А. Оптимизация сложности учебного текста. М.: Просвещение, 1981. 119 с.
(Mikk Y.A. Optimization of the complexity of the educational text, Moscow, 1981, 119 p. — In Russ.)
- Микк Я.А. О факторах понятности учебного текста: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тарту, 1970. 22 с.
(Mikk Y.A. About the factors of clarity of the educational text: abstract of the PhD's dissertation, Tartu, 1970, 22 p. — In Russ.)
- Пушкина Е.С. Теоретико-экспериментальное исследование структурно-семантических параметров текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 155 с.
(Pushkina E.S. Theoretical and experimental study of the structural and semantic parameters of the text: abstract of the PhD's dissertation, Kemerovo, 2004, 155 p. — In Russ.)
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
(Rozenal' D.E., Telenkova M.A. Dictionary reference of linguistic terms: A manual for teachers, 2nd ed., Moscow, 1976, 543 p. — In Russ.)
- Семерджи В.Н. Лингвистические и дидактические особенности учебного текста на иностранном языке (русском и английском) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Вып. 2. ч. 1. С. 117—122.

- (Semerdzhidi V.N. Linguistic and didactic features of the educational text in a foreign language (Russian and English), *Bulletin of the Voronezh State University: Linguistics and intercultural communication*, 2007, iss. 2, pt. 1, pp. 117—122. — In Russ.)
- Солнышкина М.И., Кисельников А.С. Параметры сложности экзаменационных текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. Вып. 1 (25). С. 99—107.
- (Solnyshkina M.I., Kisel'nikov A.S. Parameters of the complexity of exam texts, *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 2015, iss. 1 (25), pp. 99—107. — In Russ.)
- Тулдава Ю.А. Об измерении трудности текстов // Ученые записки Тартуского университета: Труды по методике преподавания иностранных языков. 1975. Вып. 345. С. 102—120.
- (Tuldava Y.A. About measuring the difficulty of texts, *Academic Notes of the University of Tartu: Works on the methodology of teaching foreign languages*, 1975, iss. 345, pp. 102—120. — In Russ.)
- Тураева З.Я. Лингвистика текста. М.: Просвещение, 1986. 127 с.
- (Turaeva Z.Y. Text linguistics, Moscow, 1986, 127 p. — In Russ.)
- Федоров Б.И. Учебная информация как средство обучения и развития интеллекта // Философские науки. 2009. № 10. С. 81—96.
- (Fedorov B.I. Educational information as a means of teaching and developing intelligence, *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2009, iss. 10, pp. 81—96. — In Russ.)
- Biber D., Conrad S., Reppen R. *Corpus linguistics: investigating language structure and use*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998, 300 p.
- Cutts M. *Oxford Guide to Plain English*. Oxford: Oxford University Press, 2020, 342 p.
- Halliday M. & Hasan R. *Cohesion in English*. London: Longman, 1985.
- Spencer D. *Gateway A1+*, London: MacMillan education, 2016, 158 p.

Статья поступила в редакцию 20.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 22.04.2022.

The article was submitted 20.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 22.04.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Маник Светлана Андреевна — доктор филологических наук, доцент, директор Института гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, maniksa@ivanovo.ac.ru

Manik Svetlana Andreevna — Doctor of Science (Philology), Associate Professor, Director of Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, maniksa@ivanovo.ac.ru

Смирнова Виктория Леонидовна — студентка 1 курса магистратуры, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, leoney1998@mail.ru

Smirnova Victoria Leonidovna — 1st year Master's student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, leoney1998@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 64—72.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 64—72.

Научная статья

УДК 811.111'374.3

DOI: 10.46726/И.2022.2.8

УЧАСТИЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В ПРОЦЕССЕ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЕЙ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Марина Николаевна Панютина

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
marinapanjutina@mail.ru

Аннотация. В статье поднимается ряд вопросов, связанных с профессиональной деятельностью лексикографов в настоящее время, ставящих перед собой задачу наиболее полного удовлетворения нужд и запросов пользователей справочных изданий. Рассматриваются понятия *антропоцентризма* и *функционального подхода* в лексикографии. Освещаются наиболее актуальные методы участия пользователей в лексикографическом процессе, такие как анкетирование, а также различные типы вкладов пользователей в составление словарей и энциклопедий. Знание, выбор и реализация методов участия пользователей необходимы для правильного планирования новых и пересмотра существующих лексикографических изданий. Анализируются как уже зарекомендовавшие себя и широко практикующиеся методы, так и новые, ставшие возможными посредством технологий социальных сетей и сделавшие участие пользователей массовым явлением. Обсуждаются проблемы нового лексикографического тренда — *совместной лексикографии*, позволяющей пользователям напрямую вносить изменения в справочники. Подчеркивается важность исследований в новой области, а именно в изучении вклада пользователей в процесс создания справочников. Проводится анализ вкладов пользователей и их мотивации с целью доказательства того факта, что процесс вовлечения потребителя справочной продукции на стадии разработки проекта приносит несомненный положительный эффект.

Ключевые слова: антропоцентризм, профиль пользователя, анкетирование, методы участия пользователей

Благодарности: работа выполнена при поддержке доктора филологических наук, профессора О.М. Карповой.

Для цитирования: Панютина М.Н. Участие пользователей в процессе составления словарей нового поколения // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 64—72.

Original article

USERS' PARTICIPATION IN DICTIONARY MAKING PROCESS WITH SPECIAL REFERENCE TO DICTIONARIES OF NEW GENERATION

Marina N. Paniutina

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, marinapanyutina@mail.ru

Abstract. The article raises a number of issues related to the professional activities of lexicographers at the present time, who set themselves the task of the most complete satisfaction of the needs and requests of users of reference publications. The concepts of *anthropocentrism* and the *functional approach* in lexicography are considered. The most relevant methods of user participation in the lexicographic process, such as questionnaires, are highlighted, as well as various types of user contributions to the compilation of dictionaries and encyclopedias. Knowledge, selection and implementation of methods of user participation are necessary for the correct planning of new and revision of existing lexicographic publications. Analyzed are already proven and widely practiced methods, as well as new ones that have become possible through social networking technologies and have made user participation a mass phenomenon. The problems of a new lexicographic trend — *joint lexicography* — are discussed, which allows users to directly make changes to reference books. The importance of research in a new area, namely in the study of the contribution of users to the process of creating reference books, is emphasized. The analysis of the contributions of users and their motivation is carried out in order to prove the fact that the process of involving the consumer of reference products at the stage of project development brings an undoubtably positive effect.

Keywords: anthropocentrism, user profile, survey, methods of user participation

Acknowledgments: the work was supported by Doctor of Philology, Professor O.M. Karpova.

For citation: Paniutina M.N. Users' participation in dictionary making process with special reference to dictionaries of new generation, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 64—72.

В отечественной учебной лексикографии наиболее актуальна разработка профессионально-ориентированных словарей, предназначенных для обучения студентов иностранному языку. В отличие от англоязычной учебной лексикографии, лидерством в которой обладают одноязычные словари, русскоязычная лексикография ориентирована на составление двуязычных словарей [Карпова: 179].

Во второй половине XX века отечественная лексикография оформляется в самостоятельное направление в теории и практике лексикографии. Вырабатываются основные принципы её развития. Наиболее полно этот процесс отражён в трудах В.В. Морковкина и П.Н. Денисова. Именно тогда был сформулирован один из наиболее важных принципов — принцип антропоцентрического описания лексической единицы, основанный на удовлетворении конкретных информационных запросов пользователей. Следование этому принципу обеспечивается фиксированием всех особенностей семантики и употребления каждой языковой единицы в доступной для пользователя словаря форме.

Центральным объектом учебной лексикографии является учебный словарь, отличительная черта которого — обучающая направленность. Поэтому

лексикографы, составляющие подобные словари, ставят перед собой задачу чёткого выделения адресатов словаря и их мотивации в изучении языка, а также динамики развития их языковых навыков и коммуникативных потребностей.

Главный принцип учебного словаря — его *антропоцентричность*, означающая важность учёта характеристик пользователя: лингвистических потребностей, мотива и условий изучения языка. В учебном терминологическом словаре описываются основные (базовые) термины определенной науки или профессиональной сферы в той степени, которая обеспечивает возможность пользователю понимать и самому создавать научные тексты.

При планировании любого типа справочника следует в первую очередь учитывать перспективу пользователя (*user's perspective*) [Varantola 1997: 99]. Комплекс верно подобранных информационных категорий, расположенных на микро и на макроуровне, способствуют созданию дружелюбно ориентированного (*user-friendly*) культурологического словаря, который может помочь пользователю в формировании межкультурной компетенции [Varantola 2002: 34].

Определение специфических характеристик пользователя словаря — главный тренд современной лексикографии, позволяющий наиболее точно сформулировать требования, предъявляемые к конструируемому словарю. Такой подход, получивший название *функционального*, предполагает составление *профиля пользователя* — описание в соответствии с его основными характеристиками, а также предметными, лингвистическими и лексикографическими потребностями.

Принимая во внимание ориентацию словаря на пользовательский запрос, считаем применение данного подхода наиболее эффективным при проектировании принципов построения учебного англо-русского терминологического словаря.

Наиболее информативным методом выявления необходимых параметров является *анкетирование*. Этот способ опроса одновременно охватывает значительную группу пользователей, даёт возможность эффективно обрабатывать статистические данные и наглядно представлять результаты. Анализ результатов, в свою очередь, должен выявить причины обращения к терминологическому словарю.

С учётом современных тенденций, ориентированных на создание виртуального информационного пространства и глобальную цифровизацию, становится вполне очевидным, что электронные и, прежде всего, онлайн словари обладают целым рядом преимуществ перед печатными аналогами. Это, в первую очередь, неограниченный объём включаемой лексики, а также возможность не только прочитать транскрипцию, но и прослушать правильное произношение слова или словосочетания.

С развитием *High Technology* не только участием в опросах ограничивается вклад читателей в создание словарей. Роль веб-пользователя значительно изменилась: от пассивного потребителя тщательно отредактированного контента до активного *просьюмера* — человека, участвующего в развитии веб-сайта и заинтересованного в потреблении информации, предоставленной другими.

Академические и коммерческие лексикографические издательства сталкиваются с вопросом о методах участия пользователей: какие из них отвечают потребностям конкретного проекта и как влияют на его план, реализацию и сопровождение. Появление *Всемирной паутины* изменило не только то, как люди работают с информацией и, следовательно, то, как создаются словари и энциклопедии, но также роли и бизнес-модели крупных издательств и организаций.

Прецедент с совместно созданной *Википедией* подчеркивает важность этого вопроса: *Википедия* на сегодняшний день является крупнейшей энциклопедией в мире с версиями почти на 300 языках. Это один из наиболее часто посещаемых веб-сайтов и, вероятно, самый популярный социальный веб-сервис.

Ниже предпринята попытка прокомментировать участие пользователей в качестве новой области *металексикографических* исследований. Разработана единая структура, охватывающая три основных метода вовлечения: от создания словарных статей, обратной связи и исправления ошибок до обсуждения языковых или предметных вопросов, выходящих за рамки фактических лексикографических описаний. Исследуется каждый метод, и приводятся практические примеры. Обсуждаются вопросы качества и то, как предложенная классификация помогает при планировании и разработке справочников. Изучение участия пользователей касается в первую очередь словарей, но также относится и к энциклопедическим изданиям.

Исследование участия пользователей в создании онлайн-словарей и энциклопедий — сравнительно молодая тематическая область. Выборочно оно рассматривалось в различных изысканиях, посвященных конкретному типу участия пользователей. Хотя эти исследования становились все более подробными, в настоящее время в данной области отсутствует общепризнанная и последовательная терминология.

Исследование применения словарей тесно связано с анализом участия пользователей, так как на его основе и на основе взаимодействия с пользовательским интерфейсом издатели могут получить ценную информацию о разработке и структурировании продукта. Поднимаются вопросы, касающиеся анализа и развития участия пользователей; осмысленного выбора и применения подходящих методов при планировании продукта; оценки мотивационных факторов, качества, юридических ограничений и эффективности методов участия. Решение этих вопросов влияет на планирование, реализацию и публикацию проекта. Помимо лексикографии в качестве важных смежных областей рассматриваются социальные и когнитивные науки, а также веб-инженерия и взаимодействие человека с компьютером.

Непосредственное участие пользователя

Непосредственное участие пользователя относится ко всем вкладам пользователей, которые напрямую влияют на содержание лексикографического продукта. Оно варьируется от исправления ошибок до написания целых статей. Различаются вклады в продукты открытого сотрудничества, совместные институциональные и частично совместные продукты, которые разнятся ролью издателя и масштабом действий пользователя.

Лексикографические *продукты открытого сотрудничества* полностью состоят из пользовательского контента. Наиболее яркими примерами являются *Википедия*, открытая совместная энциклопедия, и *Викисловарь*, её словарный аналог. В этих продуктах нет профессиональных редакторов, отслеживающих вклад пользователей. Любое изменение становится напрямую видимым для других пользователей, которые могут отредактировать статью еще раз. Следовательно, вклад не ограничивается написанием статей целиком, но также позволяет корректировать ещё не завершённые статьи, вносить незначительные или существенные изменения, исправлять ошибки и удалять контент, который не соответствует требованиям качества или нарушает авторские права.

Совместно-институциональные продукты предлагаются авторитетными издателями, например, *Открытый словарь Merriam-Webster* и *Открытый словарь Macmillan*. Пользовательские материалы для них обычно представляют собой полные лексикографические статьи, которые перед публикацией проверяются издателями на предмет вандализма и оскорблений. Однако содержание опубликованных статей остается в основном неотредактированным, что дает разнородную коллекцию лексикографических описаний. Другие пользователи могут просматривать опубликованные статьи, но не редактировать или удалять их, как в продуктах открытого сотрудничества.

Участие пользователей в *продуктах совместной деятельности* — это третий тип непосредственного вовлечения пользователей в лексикографическую работу. Эти вклады собираются в больших масштабах и тщательно проверяются экспертами перед интеграцией. *TechDictionary*, например, основан на вкладе пользователей в терминологию, связанную с компьютерами и технологиями. В процессе редактирования результатов совместной деятельности вклад пользователей оценивается критически. Редакторы, как правило, не корректируют его полностью. Существует несколько словарей перевода, таких как *LEO* и *dict.cc*, состоящих в основном из вариантов перечней терминов и слов, предложенных пользователями.

Во всех трёх типах прямого участия пользователя его вклад — если он есть — напрямую влияет на содержание словаря, не подвергаясь серьёзному редактированию профессиональными лексикографами. Мейер и Гуревич [Meuer, Gurevich: 287] предлагают термин *совместная лексикография* для описания этой новой парадигмы составления словарей и энциклопедий.

Согласно исследованиям в качестве основных движущих сил в процессе внесения своего вклада в совместные продукты выделяются *деньги* (немедленная или отсроченная финансовая выгода), *любовь* (удовольствие, альтруизм, социализация) и *слава* (признание).

Актуальным вопросом является первоначальное право собственности на предоставленный контент. Выявление и устранение нарушений авторских прав — серьёзная проблема для издателей совместных продуктов. Так, например, внушительные сообщества *Wikipedia* и *Wictionary* разработали подробные инструкции по решению проблем авторского права. Важнейшая цель этих двух проектов — предоставить ссылки для большинства лексикографических описаний, чтобы можно было обсудить и, при необходимости, удалить элементы сомнительного происхождения.

Качество лексикографических описаний в целом и описаний, представленных непрофессиональными пользователями, в частности, остаётся предметом изучения. Необходимо отличать низкокачественные материалы, содержащие спам и вандализм, от некорректных, недостоверных, устаревших или чрезмерно сложных. Спам и вандализм представляют собой отдельную проблему в продуктах открытого сотрудничества (поскольку любые изменения публикуются напрямую) и, следовательно, должны быть устранены в кратчайшие сроки. В *Wikipedia* и *Wictionary* есть специальные подразделения по борьбе с вандализмом, направленные на выявление и удаление спама. Издатели совместных институциональных и частично совместных продуктов сталкиваются с аналогичными проблемами, но соответствующие статьи не публикуются напрямую. Поэтому спам просто игнорируется или используется автоматическая предварительная фильтрация.

Обеспечение правильности и полезности лексикографических описаний является еще более сложной задачей, потому что недостаточно практических критериев качества даже для профессиональных справочников [The Routledge Handbook...: 740]. В открытых совместных проектах качество должно быть улучшено путем итеративного редактирования статьи. Поскольку пользователь не всегда может исправить каждую обнаруженную проблему, некоторые проекты позволяют добавлять теги обслуживания, указывающие на необходимость проверки, изменения, расширения или удаления определенного описания.

Косвенное участие пользователей

Под *косвенным участием* понимается обратная связь, осуществляемая пользователями на предмет лексикографического содержания и справочной работы в целом. Оно может включать предложения, исправления, дополнительные материалы, внешний пользовательский контент и данные об эксплуатации. В отличие от метода непосредственного участия, пользователи не могут напрямую изменять содержание словаря или энциклопедии, а лишь косвенно инициируют изменения. Различается явная и неявная обратная связь в зависимости от того, сознательно ли пользователи отправляют собственные материалы.

Под *явной обратной связью* понимается намеренное участие пользователя, включая предложение и исправление ошибок нового и уже существующего контента (например, иллюстрация употребления, указание на нечеткие и ошибочные определения или комментирование лексикографических статей). Она широко используется такими авторитетными издательствами, как *Оксфордский словарь английского языка* или онлайн-словарь *Duden*, а также в отношении различных типов совместных справочников, например, словарей *LEO*.

Неявная обратная связь устанавливается без каких-либо усилий со стороны пользователя и зачастую без его ведома. Она основана на *внешнем пользовательском контенте*. То есть издатели включают текст, изображения, видео, звуковые файлы и т. д., созданные пользователями внешнего веб-сайта или службы, в онлайн-справочник. *Wordnik*, например, содержит множество изображений, добавленных пользователями с *Flickr*, и короткие текстовые сообщения из *Twitter* для описания значений и употребления слов [The Routledge Handbook...: 743].

Отзывы — также важный аспект для издателей словарей или энциклопедий, так как способствуют пониманию того, в какой степени представленный материал требует доработки. Многие справочные издания, такие как *Oxford English Dictionary* или *онлайн-версия Duden*, реагируют на явные отзывы (например, электронные письма, содержащие предложения в веб-формах). Отзывы пользователей о *Duden online*, в частности, воспринимаются редакторами как ценный ресурс для улучшения содержания словаря.

Дополнительное пользовательское участие

Дополнительное участие пользователей выходит за рамки прямого и косвенного вклада в лексикографические описания и материалы, но касается общего взаимодействия между издателями и пользователями, а также между самими пользователями. Поскольку технологии социальных сетей все больше проникают в онлайн-общение, у издателей также появляются новые способы информирования пользователей о своих продуктах, включая блоги и микроблоги, подкасты, видеоканалы и социальные сети.

Как правило, передаваемый контент выходит далеко за рамки презентации и направлен на получение интересной, полезной или юмористической информации о составлении и употреблении лексикографических продуктов, адекватном использовании языка, происхождении слов, примечательных фактах, мелочах и т. д. *Macmillan*, к примеру, существует также в формате блог-словаря, в котором есть такие разделы, как *Истории, скрывающиеся за словами* и *Языковой совет недели*. Для заинтересованных пользователей эти блоги могут стать причиной вернуться на веб-сайт повторно. Статьи блогов и другой вспомогательный контент часто содержат гиперссылки на энциклопедические или словарные статьи. Для издателей это основная стратегия, побуждающая пользователей искать информацию в продуктах и активно участвовать в их разработке. В блогах и социальных сетях обычно есть возможность комментировать публикацию и, таким образом, инициировать обмен между издателями и пользователями (например, предлагая новые темы блога).

Особым видом двустороннего общения являются языковые консультации. Немецкое издательство *Duden* предлагает горячую линию для разъяснения языковых вопросов с 1960-х годов. Пользователи могут задавать вопросы, на которые не находят ответ ни в одном из словарей издателя. Языковой блог *canoonet Fragen Sie Dr. Bopp* (англ.: *Спросите доктора Бонна*) предоставляет аналогичную услугу. Интересные и уточняющие вопросы публикуются дополнительно в виде статьи в блоге. Каждое сообщение обычно содержит ссылки на несколько лексикографических статей и естественным образом объединяет блог службы языковых консультаций с реальным справочником.

Дополнительное участие не ограничивается общением издателя и пользователя и также касается общения между самими пользователями. Функция комментариев на нескольких веб-сайтах — это один из вариантов ответа пользователя на комментарий другого пользователя. *Wordnik*, например, даёт возможность пользователям напрямую комментировать словарные статьи. Вместо специальной функции комментирования проекты на основе *вики* обычно предоставляют отдельную страницу обсуждения, которую могут свободно редактировать все пользователи. В совместных открытых *Wikipedia* и *Wictionary* страницы обсуждения служат дополнительной цели, поскольку используются для критики и распространения лексикографического издания.

Другой альтернативой является использование онлайн-форума, который позволяет группировать обсуждаемые вопросы по отдельным темам. Портал словарей *LEO*, например, предоставляет большой и часто используемый онлайн-форум для обсуждения переводов. Поскольку пользовательские материалы, созданные одной из этих дополнительных служб, нередко сразу же публикуются в интернете, издатели должны отфильтровывать клевету, оскорбления и спам. Учитывая потенциально огромное количество вкладов, применяются методы автоматической фильтрации либо краудсорсинг. В *Wordnik*, например, пользователи могут щелкнуть кнопку с изображением большого пальца вниз, чтобы привлечь внимание издателя к некорректному комментарию.

В будущем участие пользователей может сыграть еще большую роль в составлении словарей и энциклопедий, что послужит стимулом для многих направлений дальнейших исследований. Особый интерес представляет то, как конкретный проект может получить наибольшую выгоду от вклада пользователей. В настоящее время существует множество методов вовлечения пользователей в разработку словаря или энциклопедии. Как правило, в одной работе параллельно используются несколько средств участия пользователей. Портал словарей *LEO*

является наглядным примером: как частично совместный словарь, *LEO* в значительной степени основан на переводах, представленных его пользователями (т. е. при их непосредственном участии), в то время как пользователей также просят дать отзывы о качестве существующих переводов и словаре в целом (т. е. косвенное участие). В дополнение к этому, в *LEO* существует большой онлайн-форум, способствующий обмену между пользователями и издателями, а также между самими пользователями (то есть с дополнительным участием). Таким образом, главный вопрос при проектировании онлайн-справочника заключается не в самом факте участия, а в его формате.

С другой стороны, при внедрении определенных методов участия возникает множество проблем. Прежде всего, сомнителен эффект экономии средств и времени. Если вклад пользователей проверяется редакторами, необходимо запланировать редакционные усилия, требующие дополнительного времени или бюджета. Степень полезности вкладов пользователей выше, чем время, необходимое для их контроля качества, и может варьироваться от проекта к проекту.

Основной проблемой прямого участия пользователей является борьба с плагиатом и нарушением авторских прав. Идентификация высококачественных материалов как копий из вторичных источников — сложная задача, которая может потребовать даже больших усилий, чем разработка нового лексикографического описания на основе первичных источников.

Качество пользовательского вклада в отличие от профессионально редактируемого контента требует критического переосмысления. Наличие бесполезных или несоответствующих описаний в поддерживаемых пользователями справочных проектах несет в себе риск того, что невозможно будет дать достоверный ответ по языковым или предметным вопросам, и это сделает весь продукт бесполезным. Результаты исследований применения словарей показывают, что надежность — одна из самых важных характеристик для пользователей [The Routledge Handbook...: 347]. В какой степени пользовательский вклад действительно приносит дополнительную пользу, пока не изучено. В целом, словари, поддерживаемые пользователями, имеют значительные пробелы и недостатки в качестве, что может снизить их полезность. Однако, поскольку большая их часть находится в стадии разработки, еще предстоит увидеть, как они будут развиваться в будущем. Интересно, что качество энциклопедий лучше по сравнению со словарями, что указывает на то, что составление энциклопедий больше подходит для непосредственного участия пользователя, чем составление словарей.

Особенно актуален вопрос, напоминают ли совместные подходы реальный лексикографический процесс в принципе. Мейер и Гуревич [Meyer, Gurevych: 212] анализируют источники, на которые есть ссылки в статьях *Wictionary*, и находят преимущественно вторичные источники (т. е. другие редакционные словари). Вместо оригинальной лексикографической работы, приводящей к недавно разработанным описаниям (например, основанным на современном языковом корпусе), этот совместный словарь, по-видимому, сосредоточен на сопоставлении и воссоздании существующих данных. Таким образом, использование экспертных знаний профессиональных лексикографов по-прежнему важно для разработки высококачественных лексикографических продуктов.

В заключение отметим, что знание, выбор и реализация методов участия пользователей необходимы для правильного планирования новых и пересмотра существующих лексикографических изданий. Участие пользователей, особенно явная обратная связь, широко практиковалось в прошлом, например,

в случае с *Oxford University Press*. Новым является широкомасштабное взаимодействие посредством технологий социальных сетей, которые сделали участие пользователей массовым явлением. Другим трендом стала совместная лексикография, позволяющая пользователям напрямую изменять справочники. Анализ типов пользователей и их мотивации, а также эффективности и качества их вкладов становится важной задачей с целью получения максимального эффекта от участия пользователей.

В будущем представляется важным объединить пока что в значительной степени разрозненную деятельность в рамках развивающейся области исследования участия пользователей, работу по эффективному извлечению выгоды из их вклада и исследования новых способов составления справочных продуктов с участием пользователя в цикле.

Список литературы / References

- Карпова О. Современные тенденции в английской лексикографии // Современная германистика и западноевропейская литература: монография. М.: Флинта, 2019. С. 178—193.
- (Karпова O. Modern trends in English lexicography, *Modern German studies and Western European literature: monograph*, Moscow, 2019, pp. 178—193. — In Russ.)
- Meyer C., Gurevych I. Wiktionary: A New Rival for Expert-Built Lexicons? Exploring the Possibilities of Collaborative Lexicography, in S. Granger and M. Paquot (eds.), *Electronic Lexicography*, Oxford: Oxford University Press, 2012, pp. 259—291.
- The Routledge Handbook of Lexicography, ed. by P.A. Fuertes-Olivera, Routledge: London and New York, 2018, 809 p.
- Varantola K. On the information Needs of Dictionary Users // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лексикографии: межвузовский сборник научных трудов. Иваново: ИвГУ, 1997. С. 98—110.
- (Varantola K. On the information Needs of Dictionary Users, *Actual problems of theoretical and applied lexicography: interuniversity collection of scientific papers*, Ivanovo, 1997, pp. 98—110. — In Russ.)
- Varantola K. Use and Usability of Dictionaries: Common Sense and Context Sensibility, *Lexicography and Natural Language Processing: A Festschrift in Honour of B.T.S. Atkins*, ed. by M.-H. Correard, Tampere, 2002, pp. 30—44.

Статья поступила в редакцию 16.11.2021; одобрена после рецензирования 1.12.2021; принята к публикации 21.01.2022.

The article was submitted 16.11.2021; approved after reviewing 1.12.2021; accepted for publication 21.01.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Паниютина Марина Николаевна — аспирантка кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, marinapanyutina@mail.ru

Paniutina Marina Nikolaevna — Postgraduate student of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, marinapanyutina@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 73—81.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 73—81.

Научная статья

УДК 81'373.2

DOI: 10.46726/И.2022.2.9

РУССКИЕ И ПОЛЬСКИЕ ИМЕНОВАНИЯ ХРИСТИАНСКОГО ПРАЗДНИКА БЛАГОВЕЩЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ (Лингвокультурологический аспект)

Наталья Владимировна Суворова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, suvorova-n@mail.ru

Аннотация. В статье поднимается ряд актуальных в современной лингвистике вопросов, связанных с сопоставительным изучением близкородственных языков. В лексической системе каждого языка важное место занимают именованные праздничных дат (геортонимы). Составляя неотъемлемую часть языковой картины мира, они позволяют обнаружить как сходства, так и различия лингвокультур народов. Данная статья посвящена сравнительному анализу русских и польских номинаций религиозного праздника *Благовещение Пресвятой Богородицы*. Новизна работы состоит в том, что в ней впервые выявляются универсальные и специфические черты в именовании указанной памятной даты на материале двух родственных языков: восточнославянского (русского языка) и западнославянского (польского языка). В результате сравнительного анализа особенностей семантики и структуры русских и польских названий *Благовещения Пресвятой Богородицы* были установлены сходства в компонентном составе официальных геортонимов в обоих языках, а также различия в семантике народных названий этого религиозного праздника. Выявлены экстралингвистические факторы, определившие специфику механизма номинации указанной памятной даты в русском и польском языках. Несходства наименований *Благовещения Пресвятой Богородицы* обусловлены, с одной стороны, принадлежностью русской церкви к православной ветви христианской религии, а польской — к католической, с другой стороны, различием в менталитете народов.

Ключевые слова: геортоним, семантика, структура, славянские языки, сходства и различия, языковая картина мира

Для цитирования: Суворова Н.В. Русские и польские именованные христианского праздника *Благовещение Пресвятой Богородицы*: (лингвокультурологический аспект) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 73—81.

Original article

RUSSIAN AND POLISH NAMES OF THE CHRISTIAN HOLIDAY OF THE ANNUNCIATION OF THE BLESSED VIRGIN MARY (Linguoculturological aspect)

Natalia V. Suvorova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, suvorova-n@mail.ru

Abstract. The article raises a number of topical issues in modern linguistics related to the comparative study of closely related languages. In the lexical system of each language, the naming of festive dates (georonyms) occupies an important place. Forming an integral part of the linguistic picture of the world, they make it possible to detect both similarities and differences of linguistic cultures of peoples. This article is devoted to a comparative analysis of the Russian and Polish nominations of the religious holiday of *the Annunciation of the Blessed Virgin Mary*. The novelty of the work consists in the fact that for the first time universal and specific features in the naming of the specified memorable date are revealed on the material of two related languages: East Slavic (Russian) and West Slavic (Polish). As a result of a comparative analysis of the features of the semantics and structure of the Russian and Polish names of the holiday of *the Annunciation of the Blessed Virgin Mary*, similarities in the component composition of official georonyms in both languages, as well as differences in the semantics of the folk names of this religious holiday were established. Extralinguistic factors that determined the specifics of the mechanism of the nomination of the specified memorable date in the Russian and Polish languages are revealed. The dissimilarities of the names of the holiday of *the Annunciation of the Blessed Virgin Mary* are due, on the one hand, to the belonging of the Russian Church to the Orthodox branch of the Christian religion, and the Polish to the Catholic, on the other hand, to the difference in the mentality of the peoples.

Keywords: georonym, semantics, structure, Slavic languages, similarities and differences, linguistic picture of the world

For citation: Suvorova N.V. Russian and Polish Names of the Christian holiday of *the Annunciation of the Blessed Virgin Mary*: (Linguoculturological aspect), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 73—81.

Наименования религиозных памятных дат представляют особое явление в культуре каждого народа в связи с тем, что, функционируя в течение нескольких столетий в языке, они эксплицируют не только догматы церкви, но и все многообразие национальных традиций. Именно поэтому георонимы, представляющие собой «вид идеонима, собственное имя любого праздника, памятной даты, торжества, фестиваля» [Подольская: 48], составляют важнейший пласт в лексике любого языка. При наличии общих структурных и семантических особенностей они закономерно характеризуются и своей спецификой, обусловленной в родственных языках прежде всего экстралингвистическими факторами.

Русский и польский народы проповедуют одну религию — христианство, в связи с этим многие религиозные праздники у них являются общими. Например, *Благовещение Пресвятой Богородицы*. Его полное название — *Благовещение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии* — является калькой с греческого языка (Εὐαγγελισμὸς τῆς Ὑπεραγίας

Δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ Ἀειπαρθένου Μαρίας). Этот праздник входит в число важнейших двенадцатых великих праздников после Пасхи — торжества торжеств. В христианской традиции это «один из весенних христианских праздников, связанный с евангельским рассказом об извещении матери Христа о предстоящем его рождении» [Словарь современного... 1: 473]. Центральный компонент названия данного праздника *Благовещение* как в полном, так и сокращенном варианте, согласно нормам русского языка, требует после себя дательного падежа (*Благовещение Пресвятой Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии*), однако, следуя греческим традициям, церковнославянский язык, а вслед за ним и переводы с него на русский дают формы управления с родительным падежом.

Полный вариант названия праздника содержит восемь компонентов. Слобносuffixальное образование *Благовещение* составляет ядро геортонима, конкретизируя определенное событие. Однако не менее значимы компоненты, называющие мать Христа: *Богородица* и *Мария*. Обращает на себя внимание, что одно и то же лицо называется по-разному. Причем подаются эти лексемы в определенном порядке: по статусу, а не по хронологии. На первом месте в номинации стоит Богородица, так как, согласно христианскому вероучению, Богородица — эта та, которая родила Бога, поэтому она и *Пресвятая Владычица наша*. В сочетании *Приснодева Мария* важно не имя собственное (неслучайно оно стоит в конце многокомпонентного геортонима), акцент падает на сложное существительное *Приснодева*, которое говорит об особом (непорочном) зачатии Бога (его мать — *дева*), а также о постоянстве статуса непорочности его матери (*присно* «всегда, непрестанно, непрерывно»). Полный вариант рассматриваемого геортонима выстроен в стиле «плетения словес». Намеренное усложнение образа за счет использования разных названий одного и того же лица, фонетические (*Пресвятая Владычица*) и лексические (*Богородица*, *Приснодева*) славянизмы воссоздают библейскую картинку, в центре которой находится женщина, получившая благую весть о зачатии Христа.

Сокращенный вариант *Благовещение Пресвятой Богородицы* вторичен. Можно предположить, что он появился не раньше конца XVI века, когда роль церковнославянского языка в связи с социально-экономическими и политическими изменениями в жизни России заметно снизилась. Официальное название праздника сохранило многокомпонентность, но в сокращенном варианте осталось название события *Благовещение* и название связанного с ним лица — *Пресвятая Богородица*. В данном случае сохраняется компонент, содержащий указание на центральную фигуру христианского вероучения, в сочетании с прилагательным *Пресвятая*, подчеркивающим высокий ранг Богоматери.

В отличие от православия в католицизме рассматриваемая праздничная дата не всегда имела статус торжества. Это прослеживается даже по его полному латинскому названию — *Annuntiatio beatae Mariae Virginis* — *Благовещение блаженной Девы Марии*. Изначально в католицизме это был литургический праздник, не входящий в число важнейших двенадцатых праздников церкви. В польском языке у этой памятной даты три официальных названия: *Zwiastowanie Pańskie* (*Благовещение Господне*), *Zwiastowanie Bogurodzicy* (*Благовещение Богородицы*), *Zwiastowanie Najświętszej Marii Panny* (*Благовещение Пресвятой Девы Марии*). Русское именование *Благовещение Пресвятой Богородицы* и польское именование *Zwiastowanie Bogurodzicy* (*Благовещение Богородицы*) можно назвать сходными, без учета компонентного состава (польский геортоним не включает компонент *Пресвятая*). В польском геортониме *Zwiastowanie Najświętszej Marii Panny* происходит замена

другого компонента: в соответствии с католической традицией используется сочетание *Maria Panna* (*Дева Мария*) вместо сложносuffixального существительного *Богородица*. Из трех приведенных выше наименований праздничной даты современные словари польского языка фиксируют только *Zwiastowanie Najświętszej Marii Panny*: «przekazanie Marii przez archaniola Gabriela wiadomości od Boga, że pocznie ona i urodzi Jezusa Christusa (получила Мария через архангела Гавриила известие от Бога, что она зачала и родит Иисуса Христа)» [Uniwersalny słownik... 4: 1090]. Данное польское наименование является практически дословным переводом сокращенного русского официального варианта *Благовещение Пресвятой Богородицы*.

Официальные польские геортонимы строятся по одной номинативной модели: «сущ. в Им.п. + (прилаг.) + сущ. в Р.п.». Однотипную структуру с ними имеет и название *Zwiastowanie Pańskie* (*Благовещение Господне*). Интересно, что геортоним *Zwiastowanie Pańskie* появился раньше, чем *Zwiastowanie Bogurodzicy*. Последний был установлен католической церковью в Средние века, а затем Второй Ватиканский собор вернул празднику название *Благовещение Господне*. Вероятно, именно поэтому в польских источниках дается такое толкование этой праздничной даты: в христианских вероисповеданиях явление Марии Архангела Гавриила и его предсказание о рождении Иисуса Христа, Сына Божия. Данное описание частично объясняет, почему в польской традиции праздник является Господним, тогда как в русской традиции он относится к числу Богородичных.

Кроме официальных названий рассматриваемая памятная дата в русском и польском языках имеет и однотипные однословные сложносuffixальные варианты: *Благовещение* — *Zwiastowanie*, представляющие собой полуофициальные названия праздника и функционирующие в разговорной речи. Указанные варианты употребляются значительно регулярнее, чем официальные в обоих языках. По всей видимости, это связано с лаконичностью и информативностью данных лексем, предельно точно выражающих смысл праздничной даты.

Как и многие памятные даты, установленные христианской церковью, праздник *Благовещение Пресвятой Богородицы* имеет не только официальные, но и народные названия. Так, в России у него пять вариантов наименований: *Зимобор*, *Закливание Весны*, *Третья встреча весны*, *Весна*, *Праздник большого дня*, а в Польше — три: *Matka Boska Roztworna, która roztwiera ziemię* (Богородица Открывающая, которая раскрывает землю), *Matka Boska Zagrzewna* (Богородица Согревающая), *Matka Boska Stomna* (Богородица Ручьиная).

Каждое из русских названий имеет свою историю. Так, геортоним *Зимобор* является полисемантом, обозначающим два разных праздника в восточнославянской традиции. Так в народе называли и *Сретенье Господне* (15 февраля по новому стилю или 2 февраля по старому стилю). Эта праздничная дата, по церковному и народному календарям, предшествовала *Благовещению Пресвятой Богородицы* (7 апреля по новому стилю или 25 марта по старому стилю). Происхождение геортонима *Зимобор* связано со следующими поверьями наших предков: «В народном календаре день считался сезонной границей: у восточных и западных славян обычно отмечалась середина зимы или первая встреча весны, у южных славян — граница зимы и весны» [Славянские древности 5: 53]. Можно предположить, что развитие полисемии у данной лексики обусловлено экстралингвистическими факторами. Семантический сдвиг связан с различным географическим положением места пребывания славянских народов. У южных славян весна наступала раньше, чем

у восточных. Поэтому данное название и характеризует разные праздники. *Зимобор* — это знак, «сигнализирующий» о начале подготовки к сельскохозяйственным работам, которые составляли основу жизни всех славянских народов.

Три геортонима — *Закливание Весны*, *Третья встреча весны*, *Весна* — включают общий компонент *Весна*, свидетельствующий о глубоких языческих традициях русского народа. Богиня Жива (*Весна*) должна сойти на землю, чтобы вновь после долгой и суровой зимы, ассоциирующейся у восточнославянских народов со смертью, пришли тепло, свет и радость. Чтобы *Весна* пришла, ее *закликали* (или *заклинали*). Геортоним *Закливание Весны* является сочетанием, построенным по продуктивной модели «сущ. в И.п. + сущ. в Р.п.». Один из компонентов обозначает процессуальное действие (*Закливание/Закливание*), которое необходимо осуществить, а другой компонент (*Весна*) представляет собой имя собственное, по отношению к которому это действие совершается. Между церковным геортонимом *Благовещение Пресвятой Богородицы* и народным названием этой праздничной даты на первый взгляд не прослеживается особой связи. Однако в обоих именовании есть коррелирующие компоненты: в христианской вере — *Богородица*, а в языческих традициях — *Весна* — это существа, к которым обращаются с просьбами о помощи в рождении (или возрождении). Если Богородица — это та, которая родила Бога (а значит, может помочь тем, кто по каким-то причинам не может родить), то *Весна* возрождает к новой жизни все живое на Земле. Согласно языческим обычаям, чтобы богиня Жива (*Весна*) сошла с небес и согрела землю своим теплом, необходимо было её закликать. Неизменным атрибутом этого обряда были птицы. В день праздника выпускали из клеток на волю птиц, пекли печенье в форме жаворонков, водили хороводы и пели песни, чтобы приманить «гонцов весны».

Геортоним *Третья встреча весны*, содержащий компонент *весна*, представлен моделью, включающей, кроме отглагольного существительного, которое обозначает событие, и существительного, называющего объект действия, порядковое числительное, отсылающее к двум предшествующим этой дате праздникам. *Первая встреча весны* — это одно из народных названий *Сретенья Господня* (см. выше *Зимобор*), а *Вторая встреча весны* (22 марта по новому стилю или 9 марта по старому стилю) — *Праздник сорока мучеников (Сороки)*, который не входит в число важнейших двенадцатых праздников православной церкви. Именование *Третья встреча весны* отражает идею окончательного прихода весны: *На Благовещение весна зиму поборолла*. В данном геортониме заслуживает внимания написание лексемы «весна». В отличие от других народных названий, здесь это слово пишется со строчной, а не с прописной буквы. По всей видимости, в данном именовании не собственное имя, а нарицательное, имеющее значение «сезон года, сменяющий зиму», которое у рассматриваемой лексемы появилось позднее.

Благовещение занимает в годовом цикле как религиозных, так и народных праздников особое место. По сути, оно является одной из четырёх ключевых точек года: *Рождество (Коляда)* — *Благовещение* — *Рождество Иоанна Крестителя (Иван Купала)* — *Усекновение главы Иоанна Предтечи/Крестителя (Воздвиженье)*, знаменуя собой начало летнего полугодия. В этот день, согласно верованиям славян, открывалось небо и у Бога можно «выпросить» для себя славу, которая обязательно сделает тебя богатым и счастливым. Считалось, что если вечером в *Благовещение* увидишь на небе большую звезду и крикнешь: «Боже, дай мне великую славу!», то благополучие тебе обеспечено на весь календарный

год. Компоненты, входящие в состав геортонима *Праздник большого дня*, на первый взгляд опосредованно связаны с рассматриваемой памятной датой. Однако, если принять во внимание важность события о грядущем появлении Христа, становится понятно почему это особый день. Об этом говорит и народная поговорка: «*Благовещение — самый большой у Бога праздник, даже грешников в аду не мучат*». В этот день запрещалось выполнять любую работу: «*Девушка косы не плетет, а птица гнезда не вьет*». Люди свято верили, что того, кто нарушит запрет, ждет наказание. В народе ходила легенда о девице, которую Бог превратил в кукушку и запретил ей вить гнездо за то, что она в Благовещение села прясть [Шангина: 87].

Польские народные названия *Благовещения Пресвятой Богородицы* во многом схожи с русскими народными названиями этого христианского праздника. Все они связаны с основным видом деятельности славян — земледелием, поэтому даже содержат компонент «земля»: *Matka Boska Roztworna, ktora roztwiera ziemię* (*Богородица Открывающая, которая раскрывает землю*). Деву Марию (Мать Божию) называли *Богородицей Открывающей*, так как она будила (открывала) землю. Именно поэтому народные живописцы представляли ее на своих полотнах с ключами. Крестьяне в Польше верили, что Мария, сама будучи матерью, поможет земле и природе рожать. В день *Богородицы Открывающей* в некоторых местах Польши люди в сараях развязывали снопы, чтобы обеспечить себе богатый урожай хлеба. Считалось, что в этот день Бог благословляет землю «на сеяние», а природа пробуждается от зимнего сна. Существовали даже обряды, помогающие земле пробудиться: польские девушки выходили за околицу и разжигали костры, для того чтобы земля быстрее согрелась. В горящий костер было принято бросать старые вещи, чтобы снять порчу; дымом окуривали жилище и имущество, чтобы хозяева дома были богаты и здоровы.

Польский геортоним *Matka Boska Zagrzewna* (*Богородица Согревающая*) тоже связан с образом земли. Такое название праздник получил, потому что считалось, что в этот день Богородица Согревающая приказывала солнцу светить ясней, чтобы растопить лед и согреть своими жаркими лучами холодную землю, открыть ее всему живому. С этим представлением связано и народное название *Matka Boska Stromna* (*Богородица Ручьи́стая*). Согласно народным поверьям, в этот день «из согретой земли выходят все укрывшиеся на зиму обитатели, все гады земные — змеи, лягушки, насекомые и т. п., а “щука хвостом лёд разбивает”» [Голстая: 504]. Именно в *Благовещение* на реках и в ручьях начинал активно таять лед.

При совпадении русских и польских народных геортонимов в плане содержания следует обратить внимание на их различия в плане выражения. В первую очередь это касается общей модели, по которой построены польские сочетания. Она включает название лица (*Matka Boska*) и определение, находящееся в постпозиции к определяемому слову и содержащее глагольный признак (*Zagrzewna* «Согревающая», *Stromna* «Ручьи́стая», *Roztworna* «Открывающая»). Кроме того, в отличие от русских народных названий *Благовещения*, которые не содержат компонентов, связанных по своей семантике с христианскими религиозными образами, польские геортонимы обязательно включают наименование матери Христа — *Matka Boska* (*Богородица*).

По всей вероятности, это связано с большим влиянием, который оказал немецкий католицизм на сознание польского народа. Этот факт косвенно подтверждается и тем, что среди полуофициальных названий рассматриваемой

праздничной даты есть усеченные формы, где отсутствует компонент *Богородица* (выше было указано, что он обязательный в православной традиции), но есть сочетание *Дева Мария*. Замена компонента *Богородица* на компонент *Дева Мария* характерна для традиции католической церкви при наименовании богородичных праздников. Например, в польском языке есть поговорка: «*Kiedy dzień Zwiastowania Panny Maryi piękny i jasny, pospolicie znaczy i dobry rok*» (*Если день Благовещения Девы Марии хороший и ясный, то это обычно означает и хороший год*).

Еще одна параллель между русскими и польскими традициями празднования рассматриваемой памятной даты прослеживается в ее атрибутах. Как было уже сказано, в России *Благовещение* испокон веков связывалось с прилетом первых птиц. В Польше знаком приближающейся весны были аисты, которые должны были вернуться из теплых краев. Если птицы до этого дня не возвращались в свои гнезда, то это предвещало неурожайный год. Несчастье предвещало и пустое гнездо, в котором не поселился аист. Кто первым видел прилетающую птицу, тот мог ожидать гарантированное счастье. Поэтому, как и русские, поляки зазывали птиц: «*Na Zwiastowanie, przybujaj bocianie!*» (*На Благовещенье, аист, прилети!*). В Польше аист символизировал не только материальный достаток, но и ассоциировался с самыми лучшими качествами человека: благочестием, здравым рассудком, невинностью, верностью, чистотой и добродетельностью, поэтому птица и окружалась глубоким уважением и нежной заботой. Убить аиста в народе считалось большим грехом.

Как и в России, согласно славянской традиции, в Польше хозяйки на Благовещение (*Zwiastowanie*) пекли особое печенье в форме птиц. Называлось оно *busłowy*, что в переводе на русский язык означает «лапы аистов». Это печенье крестьяне обычно раскладывали по гнездам птиц вместе со сделанными в миниатюре сельскохозяйственными орудиями: боронами, плугами, серпами и косами. Так польские пахари просили небо об урожайности в наступающем году.

Таким образом, лингвокультурологический анализ русских и польских вариантов геортонима *Благовещение Пресвятой Богородицы* (*Zwiastowanie Bogurodzicy*), обнаружил сходства и различия в механизме номинации выявленных образований. Официальные и народные именованья этой праздничной даты в большинстве случаев в обоих славянских языках имеют сходную внутреннюю форму и построены по одной модели. Говоря о числе официальных вариантов, следует отметить, что в польском языке их больше, чем в русском. По всей вероятности, данный факт связан с тем, что в католичестве рассматриваемая памятная дата относилась то к Господним, то Богородичным праздникам, что и нашло отражение в соответствующих геортонимах (*Zwiastowanie Pańskie* (*Благовещение Господне*), *Zwiastowanie Bogurodzicy*). В православной традиции этот праздник всегда был посвящен только Богородице, поэтому в русском языке существует только одно официальное название *Благовещение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии*, которое чаще всего выступает в сокращенном варианте (*Благовещение Пресвятой Богородицы*). Несмотря на эту разницу, в основе всех русских и польских официальных вариантов лежит общий мотивационный признак — событие, традиционное для христианского вероучения (*Благовещение — Zwiastowanie*).

В русских и польских народных названиях *Благовещения* больше различий, чем сходств. Прежде всего это касается структурных особенностей.

Среди русских неофициальных геортонимов есть однословные образования (*Зимобор, Весна*), все польские названия представляют собой словосочетания, построенные на основе согласования. Между компонентами русских геортонимов, представляющих собой сочетание слов, связь управление. В плане содержания русских и польских народных названий праздника общим является их связь с миром природы, который был, безусловно, важен для древних славян, так как составлял основу их жизни и деятельности. Однако связь эта в русском и польском языках эксплицируется по-разному. Русские народные геортонимы отражают языческие верования, что проявляется в упоминании соответствующих образов (богиня *Весна*), обрядов (*Заклинание*). Во всех польских неофициальных названиях содержится христианский образ-символ, представляющий собой славянское именование Богородицы (*Matka Boska*).

Лингвокультурологические особенности русских и польских номинаций праздника *Благовещение Пресвятой Богородицы* (*Zwiastowanie Najświętszej Marii Panny*), как и других религиозных праздников, судя по всему, обусловлены экстралингвистическими факторами [Суворова: 340]. Важнейший из них связан с тем, что русские — православные христиане, а поляки — католики. Влияние латинских традиций на польский язык проявилось, например, в том, что Богородица в официальных и неофициальных геортонимах преимущественно называется Девой Марией (*Maria Panna*). В официальных русских названиях, под влиянием византийских традиций, — Богородицей. Кроме того, в России и Польше различается ранг праздника *Благовещение*, то есть его место среди других религиозных торжеств. Русская православная церковь считает его одним из важнейших двенадцатых праздников после Пасхи, в Польше он долгое время был литургическим, то есть не входящим в число торжеств.

Подводя итоги, следует отметить, что русские и польские варианты геортонима *Благовещение Пресвятой Богородицы* (*Zwiastowanie Najświętszej Marii Panny*) при структурном сходстве, проявляющемся прежде всего в официальных наименованиях данной праздничной даты, обнаруживают определенную специфику в семантике народных именовании, свидетельствующую об особенностях культурных традиций двух славянских народов.

Таким образом, геортонимы как неотъемлемая часть языковой картины мира каждой нации не только позволяют выявить сходное и различное в лингвокультурах народов, но и помогают проследить историю развития языков.

Список литературы / References

- Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 200 с.
(Podolskaya N.V. Dictionary of Russian Onomastic terminology, Moscow, 1988, 200 p. — In Russ.)
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Межд. отношения, 2009—2012.
(Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols, Moscow, 2009—2012. — In Russ.)
- Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948—1965.

(Dictionary of Modern Russian literary language: in 17 vols., Moscow, Leningrad, 1948—1965. — In Russ.)

Суворова Н.В. Названия праздников в русском и польском языках (особенности номинации церковных праздников) // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: материалы Международного научно-практического фестиваля. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. С. 338—340.

(Suvorova N.V. Names of holidays in Russian and Polish (features of the nomination of church holidays), *Research activity at the Classical University: materials of the International Scientific and Practical Festival*, Ivanovo, 2020, pp. 338—340. — In Russ.)

Толстая С.М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005. 600 с.
(Tolstaya S.M. Polesky folk calendar, Moscow, 2005, 600 p. — In Russ.)

Шангина И.И. Русские традиционные праздники. СПб.: Азбука-классика, 2008. 336 с.
(Shangina I.I. Russian traditional holidays, St. Petersburg, 2008, 336 p. — In Russ.)

Uniwersalny słownik języka polskiego PWN: w 4 t., red. S. Dubisz. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003—2004.

Статья поступила в редакцию 28.04.2022; одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 16.05.2022.

The article was submitted 28.04.2022; approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 16.05.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Суворова Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, suvorova-n@mail.ru

Suvorova Natalia Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, suvorova-n@mail.ru

ИСТОРИЯ

HISTORY

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 82—93.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 82—93.

Научная статья

УДК 94(430).08

DOI: 10.46726/И.2022.2.10

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПЕРВОГО РЕЙХСПРЕЗИДЕНТА ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ФРИДРИХ ЭБЕРТ И ЕГО ДЕТИ

Татьяна Васильевна Евдокимова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Россия, genhist@vspsu.ru

Аннотация. В статье рассматривается малоизученная сторона жизни известного германского политика и государственного деятеля Фридриха Эберта, его семейная жизнь и взаимоотношения с детьми. Используя преимущественно впервые опубликованные личные письма членов семьи Эберта, охарактеризованы главные ценности и добродетели, которые традиционно существовали в немецкой семье и формировались в семье социал-демократа. Наряду с чувством сопричастности и любви к своей семье, трудолюбием, приверженностью к порядку, прилежанием, скромностью, бережливостью в центре внимания воспитания находились преданность долгу и гражданская ответственность. Сопоставление личных писем и политических речей Фридриха Эберта позволяет сделать вывод о тесной взаимосвязи общественного и личного в его жизни и несомненном приоритете первого. При сохранившейся неоднозначной оценке Эберта как главы государства можно и следует говорить о его внутренней порядочности как человека и семьянина.

Ключевые слова: Фридрих Эберт, социал-демократ, личная жизнь, дети, семейные ценности и приоритеты

Для цитирования: Евдокимова Т.В. Новый взгляд на первого рейхспрезидента Веймарской республики: Фридрих Эберт и его дети // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 82—93.

Original article

A NEW LOOK AT THE FIRST REICH PRESIDENT OF THE WEIMAR REPUBLIC: FRIEDRICH EBERT AND HIS CHILDREN

Tatiana V. Evdokimova

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation,
genhist@vspu.ru

Abstract. The article examines the little-studied side of the life of the famous German politician and statesman Friedrich Ebert, his family life and relationships with children. Using mainly published for the first time personal letters of members of the Ebert family, the author describes the main values and virtues that traditionally existed in the German family and those that were formed in the family of a Social Democrat. Along with forming the sense of belonging and love for their family, hard working, keeping order, diligence, modesty, frugality, the focus of education was placed on devotion to duty and civic responsibility. Comparison of personal letters and political speeches of Friedrich Ebert allows us to conclude that there was a close relationship between the public and the personal in his life and the undoubted priority of the former. With the remaining ambiguous assessment of Ebert as head of the state, one can and should talk about his inner decency as a person and a family man.

Keywords: Friedrich Ebert, Social Democrat, personal life, children, family values and priorities

For citation: Evdokimova T.V. A new look at the first Reich President of the Weimar Republic: Friedrich Ebert and his children, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 82—93.

Фридрих Эберт является довольно проблематичной фигурой в истории Веймарской республики. До сих пор в отечественной историографии ему посвящена единственная монография [Артемов, Кардашова]. Споры о нем в германской историографии не прекращаются до сих пор. Они сводятся, главным образом, к оценке его деятельности как социал-демократа, как рейхспрезидента, находившегося у власти в ответственный для Германии период [Friedrich Ebert und seine Zeit...]. Однако довольно мало известно о Фридрихе Эберте как о человеке. В ранних публикациях товарищи и некоторые соратники по партии изображали его идеализированно, находясь под впечатлением ранней смерти главы государства, ставшего жертвой беспримерной кампании ненависти. Тем легче было девальвировать его облик так, как это сделал известный публицист Курт Тухольский, охарактеризовавший первого рейхспрезидента Германии как «Papiermensch» («бумажный человек»), которого можно отнести к бесцветным бюрократам без плоти и крови. Такие мнения имели место в научных дискуссиях, так как было мало известно о характере Ф. Эберта, его образе жизни, ценностных ориентирах, семье и детях.

В определенной мере это объяснялось тем, что личный архив Ф. Эберта с частными документами, находившийся после его смерти в руках семьи, в годы Второй мировой войны был уничтожен в результате бомбежек. Часть личной корреспонденции, оставшейся в бюро рейхспрезидента, считалась потерянной. Благодаря деятельности фонда Ф. Эберта удалось собрать у разных

лиц ранее неопубликованные письма [Ebert 1926], которые наряду с ранее опубликованными источниками [Ebert 1992] дают возможность показать морально-этические основы представлений Ф. Эберта о человеческих ценностях и семейных отношениях.

Ф. Эберт родился в Гейдельберге в 1871 г. и, согласно исследованиям германского ученого Вальтера Мюльхаузена, был седьмым ребенком в семье портного, имевшей девять детей [Ebert 1992: 18]. Традиционно немецкие семьи были многодетными. Уделом немецкой женщины считались три «К»: «Kinder, Kirche und Küche» («дети, церковь и кухня»). Впоследствии у сестры Фридриха Эберта Матильды было 5 детей; у брата Альбин — 8 детей; у брата Оскара — 8 детей.

Хотя Фридрих Эберт заявлял о своем пролетарском происхождении, но историк Р. Мюнх доказал, что он провел свое детство в достаточно обеспеченной мелкобуржуазной семье [Münch: 26], в которой уделялось большое внимание духовному и культурному воспитанию, а трудовая дисциплина и чувство долга являлись главными добродетелями. О детстве Ф. Эберта известно немного. Например, он со своими братьями относился к числу «гейдельбергских шалунишек», которые любили проказничать [Münch: 26—27]; в народной школе учился без выдающихся успехов (в выпускном классе он в первом полугодии занимал 32-е место из 44 человек, во втором — 16-е из 44); любил лошадей [Ebert 1992: 115]. В годы формирования характера и мировоззрения большое влияние на него оказали отец и дядя, благодаря которым он и познакомился с социалистическими идеями.

Свою семью Фридрих Эберт создал, когда ему исполнилось 23 года. Его жена Луиза Рамп [Louise Dorothea Amalie Ebert] родилась в бедной семье подсобного рабочего в городе Бремене, где они и познакомились: она работала в профсоюзах, он — главным редактором социал-демократического издания «Бремер Бюргерцайтунг». Заработок Эберта, 25 марок в неделю, не позволял ему приобрести материальную независимость и создать семью. И тогда «... по настоянию своей будущей жены <...> Эберт стал владельцем трактира» [Мёллер: 8—9]. Публицист Пауль Кампфмейер так охарактеризовал этот брачный союз: «В мае 1894 года в Бремене Фриц Эберт женился на своей невесте Луизе Рамп, активистке бременского профсоюзного движения. В этом браке нашли друг друга два человека, вся жизнь которых была сосредоточена на работе и опять на работе. На оживленной торговой улице Браутштрассе 16, недалеко от Кляйне Везер, они арендовали просторную гостиницу. Постоялый двор и жилые помещения занимали весь дом. Внизу, на первом этаже, хозяйничала неугомонная мисс Луиза, а наверху находились конференц-залы и семейная квартира. Истинной душой гостиницы старалась быть женщина, от чистоты, трудолюбия и бережливости которой неизменно зависело процветание всего бизнеса. ...Фрау Эберт была преданной женой своему мужу, товарищем, который стремился к одной и той же цели, отличной домработницей и помощницей, а также любящей и преданной матерью — за шесть лет у них родилось пятеро детей... этот брак всегда был трудом и еще раз трудом» [Friedrich Ebert. Ein Lebensbild...]. После женитьбы и рождения детей супруга лидера СДПГ, а потом и первого рейхспрезидента Веймарской республики до конца жизни всегда оставалась прежде всего женой, помощницей мужа, матерью [Ebert 1992: 116—117].

Свои представления о семье и семейном счастье Фридрих Эберт изложил в речи на свадьбе дочери Амалии, которая состоялась летом 1923 г.,

в тяжелое для Германии время оккупации Рура французскими и бельгийскими войсками, в условиях роста инфляции и социальной напряженности: «В наше прагматичное время, — сказал Эберт, — когда мир трещит по швам, одними молитвами ничего не сделаешь. Для многих людей сегодня единственным богом является валюта, она управляет временем» Молодые, по мнению Фридриха Эберта, отступили от старого принципа, которого традиционно придерживалось старшее поколение: «Медленно обручиться, осторожно жениться», и «...быстро влюбились, потом быстро обручились и еще быстрее поженились». Эберт напомнил молодым старую поговорку на его Родине: «Идешь на войну, помолись один раз, идешь в море — два раза, вступаешь в брак — три раза». Для принятия такого важного решения в обычное время требуется смелость, а в сложившихся в стране условиях она необходима многократно. Поздравляя молодых, Ф. Эберт назвал те принципы, на которых строилась его собственная семейная жизнь: «Для женитьбы требуется — не хочу сказать героическое мужество — но неистребимое жизненное мужество, которое проявляется в усердии, в деловых качествах и во многом в самоотречении. Этого мужества я вам и желаю». По мнению Ф. Эберта, если семейная пара навсегда сделает своими жизненными принципами то, чему их учили в родительском доме — преданность долгу и гражданственность — они выдержат натиск жизни. В заключение 53-летний Эберт привел строчки любимого Шиллера: «То, что остается вечнозеленым, так это прекрасное время любви» [Ebert 1992: 147—148].

Луиза Эберт «подарила» Фридриху пятерых детей: 4-х сыновей — Фридриха-младшего, Георга, Генриха, Карла и дочь Амалию. Воспитание детей в семье Ф. Эберта опиралось на те ценностные ориентиры, которые сформировались под влиянием ремесленной среды: чувство семьи, любовь к порядку, прилежность, скромность, безотказность, бережливость. По воспоминаниям Карла, в родительском доме было важно соблюдать дисциплину, несмотря на предоставляемую свободу, что означало своевременно являться к столу, вести размеренный образ жизни, всегда соблюдать заведенные в доме правила [Ebert 1992: 32].

Всем своим детям Ф. Эберт дал образование, считая, что «обязательное школьное образование существует не ради развития личности, а исходит из общего интереса. Начальная школа — это фундамент государства». С точки зрения Ф. Эберта, бесплатная школа — это милостыня, которую нужно просить у властей, что унижает человека. Но рабочий, у которого много детей, вынужден отдавать своих детей в бесплатную школу, так как не имеет стабильного заработка. Эберт считал, что государство должно обеспечивать учеников учебными материалами, а не их родители. «Просто представьте, — говорил он, выступая перед горожанами Бремена, — что у отца четверо детей, которые ходят в школу, и подсчитайте. Понятно, что тогда ему будет очень сложно приобрести необходимые учебные материалы». Эберт настаивал на индивидуальном подходе к каждому ученику: «Учитель не может проводить уроки по шаблону, он обязан воспитывать каждого ребенка по-своему. Но если в его классе 50 и более учеников, то для него невозможно посвятить себя каждому из них» [Ebert 1901].

У Фридриха Эберта был и свой идеал учителя — Генрих Цойнер, которому он, уже будучи рейхспрезидентом Германии, написал трогательное письмо: «Как живо вспоминаю я моего старого учителя. Я очень хорошо помню, как энергично и успешно Вы учили нас на завершающем этапе обучения.

Если мне не изменяет память, извините меня, если я ошибаюсь, в то время не все гейдельбергские плутишки были от вас в восторге. Но последующая жизнь показала всем нам, и мне в том числе, что для жизненного пути в наивысшей мере имеет большое значение то, что давала школа, и то, что, прежде всего, исходило от Вас...» И далее, «благодарный ученик» Фридрих Эберт подчеркнул: «Будьте уверены, многоуважаемый господин Цойнер, я всегда благодарен народной школе в Гейдельберге» [Ebert 1992: 113—114].

Все сыновья Ф. Эберта, бывшего шорника, сына портного, получили рабочие профессии: Фриц и Георг — печатника, Генрих — инструментальщика, Карл — оптика. Время изменилось, изменились и потребности общества в профессиях. Он как-то заметил: «Тот, кто до сих пор верит в старую поговорку “у ремесла золотое дно”, сильно ошибается. Человечество вступило в новую эру — эру науки. ... Великие открытия и изобретения науки и техники служат промышленности» [Ebert 1902].

Воспитанные в духе преданности гражданскому долгу сыновья Фридриха Эберта с началом Первой мировой войны пошли в армию. Это был самый трагический период в жизни его семьи. Фридрих Эберт, как один из лидеров СДПГ, поддержавшей в рейхстаге предоставление правительству военных кредитов, заявил, что «непреложный долг всего немецкого народа — твердо держать оборону и обеспечивать средства, необходимые для защиты. Они служат для защиты дома и домашнего очага и позволяют нашим братьям и сыновьям нести бдительность на передовой» [Ebert 1915].

Дневник 16-тилетней Амалии дает ясные представления об атмосфере, царившей в семье в годы войны. Девушка довольно точно передала те противоречивые чувства, которые были характерны для многих немцев в начале войны: «Наконец напряженная атмосфера разрядилась. Беспокойство растворилось в тихой боли мужчин и в слезах женщин. Призыв был опубликован. Кайзер Вильгельм II призвал свой народ приложить все усилия для того, чтобы защитить Отечество от многочисленных врагов и с именем Бога вступить в борьбу, как это делали наши отцы. В сердце смешались боль и восхищение» [Ebert 1992: 90]. Но уже через два года появилась тревога: «Как долго может продолжаться война? — спрашивала Амалия в сентябре 1916 г. Когда она началась, думали, что через несколько месяцев заключат мир. Уже больше двух лет длится война, а до ее конца далеко».

Амалия гордилась своими братьями: «Это прекрасно иметь четырех взрослых братьев». В период написания дневника (осень — зима 1916 года — начало 1917 года) в армию были призваны три сына Ф. Эберта — Фридрих, Генрих и Георг.

Старший сын Фридрих ушел на службу в 1-й запасной батальон 14-го Баварского пехотного полка 21 декабря 1915 года. В апреле 1916 года он отправился на фронт в составе 13-го баварского резервного пехотного полка. Георг Эберт был призван в 205 резервный пехотный полк в качестве рядового (мушкетера). Генрих был рядовым в 11-м резервном егерском (горнострелковом) батальоне.

В течение 1916 года братья периодически имели возможность посещать родительский дом, находясь в кратковременных отпусках. Это был настоящий праздник для семьи. Амалия, слушая рассказы братьев о военной службе, постоянно их жалела. Иначе к этому относился Ф. Эберт. Амалия записала в своем дневнике 20 октября 1916 года: «Вчера Георг и Генрих были здесь. Это был прекрасный день... Георг, к сожалению, получает плохое довольствие

и несет тяжелую службу. Когда он рассказал об этом отцу, то получил от него нагоняй: “Солдат, молодой человек, не жалуется. От этого не станет лучше”. Мне стало жаль бедного парня. И к тому же я так его люблю» [Ebert 1992: 93]. Конечно же, Ф. Эберту также было жаль своего сына, слабого от рождения (из писем известно, что до войны родители возили его на Балтийское море. — *Т.Е.*), но в октябре 1916 года Ф. Эберт говорил не столько с сыном, сколько с солдатом [Ebert 1992: 72].

Первым погиб Генрих... Дома любили семейные праздники, особенно Рождество. Но впервые на Рождество 1916 года родители не захотели ставить елку. Амалия записала в своем дневнике 3 января 1917 года: «На рождество никто не приехал в отпуск. Под Новый год мы одни... Мама плачет, отец пытается ее успокоить» [Ebert 1992: 96].

Генрих в письме к тете 21 декабря 1916 года: «Первая рождественская ночь без моих любимых родителей, без братьев и сестры... Надеюсь, что это последнее военная рождественская ночь, и мирное предложение кайзера будет иметь успех (30 декабря Антанта отклонила это предложение. — *Т.Е.*)» [Ebert 1992: 98]. В новом письме тете от 10 января 1917 г., где наряду с изложением служебных тягот немецкого солдата, находившегося вдали от Родины (колоссальный аппетит, так как приходится мало спать; продукты доставляют только ночью на гужевом транспорте; кормят в 10 часов вечера холодной пищей; иногда дают 1 ложку мармелада или кусочек колбасы; о куреве не могло быть и речи), опять надежда «вернуться здоровым домой после заключения мира» [Ebert 1992: 101—102].

Генриха ранили 26 января 1917 года. Когда Амалия из письма брата об этом узнала, она «буквально заболела» и несколько дней не ходила в школу. 15 февраля 1917 года в дневнике Амалии появилась запись: «Сегодня утром мы получили телеграмму. Ее взяла мама... Вдруг я услышала ее крик: “Наш хороший Генрих умер”. Я не могу в это поверить. Почему он должен умереть. Он, который ни одному человеку не сделал ничего плохого, который буквально разбрызгивал свою жизненную юношескую энергию на окружающих... Я не могу плакать...» [Ebert 1992: 96—97].

А потом Генриха уже не было в живых, а письма шли. 21 февраля Амалия сообщила в дневнике, что из пришедшего письма стало известно о восьмой операции Генриха, он больше не чувствовал боли [Ebert 1992: 97]. 25 февраля — новое письмо, новая операция... Генрих скончался 14 февраля в 14:30 в полевом госпитале в Прилепе, северная Македония. Амалия утверждала в дневнике, что за 2 часа до смерти Генрих читал письмо отца: «Быть может, он его успокаивал, давал силы преодолеть боль». 17 февраля 1917 года Ф. Эберт сообщил в письме невестке Филиппин: «В нашей семье траур. Наш любимый Генрих пал жертвой на войне... Мы должны скорбеть со всеми другими, кто потерял своих любимых. Надеемся, что наши Фридрих и Георг счастливо возвратятся домой» [Ebert 1992: 103].

А 23 февраля 1917 г., выступая в рейхстаге, Ф. Эберт заявил: «С той же решимостью, с которой мы заявляем, что защищаем нашу страну, мы сегодня вновь выражаем нашу готовность к миру, <...> мы даем согласие на выдачу необходимых кредитов. Мои политические друзья никогда не рассматривали предоставление военных кредитов как вопрос доверия или недоверия к правительству Рейха; мы одобрили военные кредиты, потому что считаем это долгом перед нашей страной и нашим народом. Я отказываюсь сейчас

обсуждать цели войны» [Ebert 1917]. Лидер германской социал-демократии по-прежнему оставался на патриотической позиции.

Георг умер 5 мая 1917 года в возрасте 20 лет. Ф. Эберт в письме к семье Фольман сообщил об этом своим знакомым: «Страшная война нанесла нам следующий тяжелый удар судьбы. Наш любимый сын Георг также пал». Находясь в социал-демократическом руководстве Германии, Ф. Эберт не сумел остановить войну, хотя и пытался. В начале мая 1917 года, незадолго до гибели Генриха, Эберт в письме давал надежду сыну: «... русская армия все больше и больше дезорганизована, русский народ хочет мира. Мы делаем все для того, чтобы найти понимание у русских социалистов. Надеюсь, что скоро это удастся» [Ebert 1992: 104—105].

Георг погиб на севере Франции, в начале позиционной войны на Chemin des Dames («женская тропа») недалеко от Лаона. Но после его гибели так и не удалось найти ни его тело, ни могилу. Позже, в ответ на запрос из канцелярии рейхспрезидента, Центральная справочная служба 23 марта 1921 г. объявила, что французское и английское правительства предпримут обширное перезахоронение военных могил, и поэтому весьма вероятно, что во время этой работы найдут тело сына рейхспрезидента. Но ни одного серьезного отчета о Георге Эберте так и не было найдено. Есть предположение, что он, скорее всего, был погребен в братской могиле недалеко от Лаона.

О точном захоронении Генриха Ф. Эберту сообщил некий Брандес, который прислал семье изображение надгробия Генриха Эберта. Ф. Эберт в письме к этому человеку благодарил его и сообщал, что посылает ему 10 марок, чтобы Брандес и его товарищи выпили пива «за скорейший мир и счастливое возвращение на родину». «Особо благодарю Вас, — подчеркивал Ф. Эберт, — что Вы украсили могилу цветами. Это особенно благотворно подействовало на измученное сердце моей жены» [Ebert 1992: 108—109].

Фридрих Эберт-младший после Западного фронта воевал на Восточном, где был тяжело ранен и отправлен в госпиталь. По мнению германского исследователя К. Ринтелена, соратник по партии Густав Адольф Бауэр помог сыну Эберта остаться дома, когда тот после тяжелого ранения должен был вернуться на фронт. На просьбу освободить третьего сына Эберта от дальнейшего несения военной службы, аргументируя тем, что уже два сына погибли на фронте, командование потребовало личного заявления Эберта, на что Бауэр ответил, что тот никогда этого не сделает. Командование удовлетворило просьбу Бауэра [Rintelen: 159].

Когда 9 ноября 1918 года Макс Баденский передаст пост канцлера Фридриху Эберту со словами «Господин Эберт, я прошу принять германский Рейх», тот ему ответит: «Я за этот Рейх отдал жизнь двоих сыновей» [Prinz Max von Baden: 608]. Фридриху Эберту война стоила страшных жертв: «...два его сына погибли на поле боя. И все же он не позволял себе оказаться из-за личной боли в плену непримиримой ненависти к тем, кто несомненно нес общую ответственность за войну. Он был человеком, для которого патриотическая лояльность не была пустой фразой, человеком, который вообще не любил пустых фраз» [Мёллер: 12].

Среди детей Ф. Эберта любимицей, несомненно, была его единственная дочь Амалия, имевшая сокращенное ласкательное имя Мали. Как следовало из дневника, она «одна среди братьев имела счастье учиться в средней школе». Уделом немецких женщин было рожать и воспитывать детей — такова традиция. Именно поэтому Амалия не могла найти общего языка со своею

бабушкой по материнской линии, когда та приезжала к дочери в гости. Амалия так написала о своей бабушке в дневнике: «Больше всего она любила, когда я занималась уборкой с половой тряпкой и веником, но, когда я начинала читать или разговаривать по-английски или по-французски, ее расположение ко мне заканчивалось» [Ebert 1992: 94]. Сначала Амалия училась в лицее Трептова в Берлине, в районе Баумшюленвег [Amalie Ebert...], первоначально не зная, какую выбрать профессию. 9 октября 1916 года она записала в дневнике: «Если бы я знала, какую профессию выбрать. Мой отец хотел об этом позаботиться, но у него нет времени». В конце концов после ряда попыток дочери найти себе занятие, после окончания средней школы и некоторой стабилизации в стране к 1920 г. Фридрих Эберт счел профессию библиотекаря наиболее приемлемой для дочери. Он помог ей устроиться и пройти стажировку в библиотеке Гейдельберга и постоянно был в курсе дела. Эберт надеялся, что пребывание Амалии в Гейдельберге «освободит ее этических и эстетических причуд и приблизит к пониманию серьезности нашей сегодняшней жизни» [Ebert 1992: 129]. Из переписки между Ф. Эбертом и невесткой Филиппин, у которой жила Амалия, следует, что отец ежемесячно посылал деньги Филиппин на содержание дочери [Ebert 1992: 121], особенно призывая последнюю к бережливости. Например, он отказывался оплачивать «экстраколбасу, концерты, пользование электрическим светом». На эти нужды она могла тратить лишь карманные деньги 40 марок, если ей их хватало. Ф. Эберт требовал ежемесячного отчета расходования тех денег, которые он посылал. Таким образом, он напоминал дочери о добродетели бережливости, которой напутствовали его самого в родительском доме и которую он хотел передать своим детям. Ф. Эберт писал Филиппин: «Если бы она (то есть, Амалия. — *T. E.*) захотела бы уменьшить свои возрастающие расходы, то она была бы благоразумна».

Но речь шла не только об экономности. Когда Эберт писал: «Я должен быть по-хозяйски бережливым, у меня очень много обязанностей», он имел в виду ту материальную помощь, которую оказывал постоянно своим родным и близким: посылал ежемесячно своему дяде 50 марок [Ebert 1992: 116]; сестре Элизабет — 150 марок и т. д. На большие праздники мог послать большие суммы, например, невестке Филиппин к Рождеству 3000 марок и ее внучке 2000 марок [Ebert 1992: 143].

Финансовую поддержку близких Ф. Эберт порой сопровождал хорошей долей юмора. Доказательством этому является его письмо, посланное дочери и ее мужу, когда те путешествовали по Италии и через некоторое время остались без денег. На просьбу зятя прислать денег, Ф. Эберт ответил, что посылает им 200 марок, аргументируя это следующим образом: «Дорогие дети! Вы — настоящие цыгане. Я всерьез подумываю, не разумнее ли вам остаться там, среди славян... Все ваши наклонности говорят о том, что вы там скоро акклиматизируетесь. Торговля шерстью мышей и кошек является там, должно быть, почетной профессией. Лишь обращение к моему дедушкиному долгу заставили меня смягчиться, так как, в конце концов, дети не должны расплачиваться за грехи своих родителей» [Ebert 1992: 150]*.

* Амалия ждала первенца, но он родился семимесячным и вскоре умер, что и побудило Эберта написать с сожалением и грустью о том, что «сложно стать дедушкой» [Ebert 1992: 152]. Внук Ф. Эберта — Фридрих Эберт-младший родился только в 1927 году, то есть уже после смерти Фридриха Эберта-старшего.

У Ф. Эберта семья и работа всегда шли параллельно с приоритетом последней: «...он был человеком, готовым ради своих убеждений пожертвовать в личной жизни всем; человеком, обладавшим мужеством и ответственностью» [Мёллер: 9]. Примечателен тот факт, что после рождения своего старшего сына Фридриха, он, в то время будучи главным редактором газеты «Бремер Бюргерцайтунг», написал: «Маленький „ниспровергатель“ (Umstürzler) появился на свет» [Münch: 76]. Даже появление своего первенца он рассматривал в контексте своей политической деятельности. Но, несомненно, он ценил тех людей, которые поддерживали его в повседневной борьбе своей любовью и заботой. В конце жизни он признался, что «единственную радость дня мы находим в кругу наших детей, которые все были бы здоровы и счастливы с нами вечером» [Ebert 1992: 128]. Из писем видно, что именно семья, дети стали опорой и поддержкой для Ф. Эберта в тяжелое послевоенное время.

Как следует из дневника Амалии, он скрывал от своих детей спастические боли в животе и легкие приступы желчекаменных коликов [Ebert 1992: 91—92]. Его болезнь обострилась, когда он оказался на высшем государственном посту, из-за оскорблений и обвинений в «предательстве родины», постоянных судебных процессов, в ходе которых пытался отстоять свои честь и достоинство рейхспрезидента [Винклер: 335—337]. После его смерти Амалия так описывает личность своего отца: «Его природа заключалась в том, чтобы скрывать всякого рода боль от внешнего мира и семьи. Так как я понимала своего отца и любила, от меня не могло ускользнуть, какие огорчения доставлял ему диссонанс в его политической работе. Однако было бы несправедливо утверждать, что работа доставляла моему отцу только огорчения. Но для меня, дочери, последние месяцы его президентства, время его болезни и нарастающая психическая депрессия в результате его систематической травли так близко стоят перед моими глазами, что мне трудно сохранить в памяти радостные дни его президентства. Мне всегда хотелось, чтобы он был менее внимательным, менее мягким, менее уступчивым и заботился больше о своем здоровье, чем обращал внимание на подлости личных врагов» [Ebert 1992: 33].

Фридрих Эберт почувствовал недомогание после рождества 1924 года. 9 февраля 1925 года домашний врач прописал ему постельный режим, продиагностировав колики в желчном пузыре, но на самом деле это был приступ аппендицита. Боль сначала несколько отступила, и Ф. Эберт смог даже заниматься делами, однако 23 февраля его состояние ухудшилось. Эберта оперировали, но было уже поздно. Он умер 28 февраля 1925 года. 5 марта похоронен в родном Гейдельберге на кладбище Бергфридхоф.

Дочь Ф. Эберта Амалия как-то спросила сама себя в своем дневнике: «Для чего живут люди? Наполеон, Бисмарк, Бебель?» И воспитанная в семье социал-демократа она ответила: «... социалист живет для народа» [Ebert 1992: 93]. Сыновья Фридриха Эберта Фридрих-младший и Карл продолжили дело отца и его партии. Их политические карьеры подвели черту под давним спором между революционной фразой и реформистской деятельностью внутри германской социал-демократии накануне Первой мировой войны. Эберт принадлежал к реформистскому крылу СДПГ и ненавидел «революцию, как смертный грех», в результате чего и возникло противоречие между правящим руководством и низовыми организациями партии. Но была и другая оппозиционная часть социал-демократов, которая, продолжая марксистские революционные традиции, создала в 1919 г. Коммунистическую партию Германии.

После окончания Второй мировой войны социал-демократы в восточной оккупационной зоне Германии объединились с коммунистами для образования марксистско-ленинской Социалистической единой партии Германии. Фридрих Эберт-младший, до этого являвшийся депутатом рейхстага от СДПГ в 1928—1933 гг., стал членом СЕПГ и в 1948—1967 гг. занимал пост обер-бургомистра Восточного Берлина и входил в Народную палату ГДР.

Германская социал-демократия в западной оккупационной зоне восстановила СДПГ в Ганновере, и другой сын Эберта, Карл Эберт [Karl Ebert] представлял интересы народа ФРГ от СДПГ в ландтаге Баден-Вюртемберг (по округу Гейдельберг) с 1946 по 1969 гг.

Израиль Яковлевич Биск был, несомненно, прав, когда утверждал: «Без быта и нравов нет полной картины прошлого. Сухой политико-экономический остов оживает при наполнении его мышцами, живым телом человеческих быта и нравов» [Биск: 35]. Анализ семейного быта и домашних нравов в семье Эберта, отношений между отцом и детьми, в определенной мере, насколько позволили источники, позволяют дополнить облик этого политического деятеля, который, хотя и «не может быть причислен к выдающимся государственным деятелям немецкой истории», но, который, несомненно, «был убежденным демократом, патриотом Германии и сторонником мирного урегулирования международных конфликтов» [Винклер: 337—338], еще одной важной характеристикой: строго, заботливого отца и настоящего семьянина. Фридрих Эберт строил свою семью на таких важных принципах и прививал такие важные ценности, как преданность долгу, гражданственность, любовь к своим родным, трудолюбие, приверженность порядку, прилежание, скромность, бережливость. И самое главное: он сумел воспитать своих сыновей в духе осознания принадлежности собственной жизни людям, необходимости служить им, что он сам и делал.

Список источников

- Ebert F. Friedrich Ebert und seine Familie. Private Briefe 1909—1924. München: R. Oldenbourg Verlag, 1992. 180 S.
- Ebert F. Schriften, Aufzeichnungen, Reden. Erster Band. Mit unveröffentlichten Erinnerungen aus dem Nachlaß. Dresden. 1926. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/ebertfr/schrift1/titlepage.html> (accessed: 25.12.2021).
- Ebert F. Autobiographische Skizze 1892. Auszug aus der 1892 erschienenen Schrift: Die Lage der Arbeiter im Bremer Bäckergewerbe und die notwendigsten Aufgaben der Bäckerbewegung. Ergebnis einer statistischen Erhebung des Gewerksvereins der Bäckergesellen Bremens und Umgebung. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/ebertfr/schrift1/chap019.html> (accessed: 25.12.2021).
- Ebert F. Probleme der Volksschule. Aus einer Rede in der Bremer Bürgerschaft. 27.3.1901. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/ebertfr/schrift1/chap037.html> (accessed: 25.12.2021).
- Ebert F. Bewilligung der Kriegskredite. Aus einer Reichstagsrede. 21.12.1915. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/ebertfr/schrift1/chap065.html> (accessed: 25.12.2021).

- Ebert F. Bewilligung des Kriegskredits. Aus einer Reichstagsrede. 23.2.1917. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/ebertfr/schrift1/chap070.html> (accessed: 25.12.2021).
- Friedrich Ebert. Ein Lebensbild von Paul Kampffmeyer. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/ebertfr/schrift1/chap009.html> (accessed: 25.12.2021).
- Prinz Max von Baden: Erinnerungen und Dokumente. Neu hg. von Golo Mann und Andreas Burckhardt. Mit einer Einleitung von Golo Mann. Stuttgart: Klett Verlag, 1968. 692 S.

Список литературы / References

- Артемов В.А., Кардашова Е.В. Фридрих Эберт — первый президент Германии. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. 342 с.
(Artemov V.A., Kardashova E.V. Friedrich Ebert is the first president of Germany. Voronezh, 2001, 342 p. — In Russ.)
- Биск И.Я. Введение в писательское мастерство историка. Иваново: Ивановский государственный университет, 1996. 144 с.
(Bisk I.Ya. An introduction to the literary skill of the historian. Ivanovo, 1996, 144 p. — In Russ.)
- Винклер Г.А. Веймар. 1918—1933. История первой немецкой демократии. М.: РОССПЭН, 2013. 878 с.
(Winkler G.A. Weimar. 1918—1933. History of the first German democracy. Moscow, 2013, 878 p. — In Russ.)
- Мёллер Х. Веймарская республика. Опыт одной незавершенной демократии / пер. с нем. А.В. Доронина. М.: РОССПЭН, 2010. 311 с.
(Möller H. Weimar Republic. Experience of one unfinished democracy / per. with him. A.V. Doronin. Moscow, 2010, 311 p. — In Russ.)
- Amalie Ebert. Schulzeit 1911—1917 in Berlin-Treptow: Ein Beitrag zur Geschichte der Höheren Mädchenschulen im Kaiserreich Taschenbuch. 7. November 2011 von Rosel Ebert (Autor), Georg Ebert (Autor). URL: <https://www.amazon.de/Amalie-Ebert-Schulzeit-1911-1917-Berlin-Treptow/dp/3896269801> (accessed: 25.12.2021).
(Amalie Ebert. Schulzeit 1911—1917 in Berlin-Treptow: Ein Beitrag zur Geschichte der — Höheren Mädchenschulen im Kaiserreich Taschenbuch. 7. November 2011 von Rosel Ebert (Autor), Georg Ebert (Autor). — In Deutsch)
- Friedrich Ebert und seine Zeit: Bilanzen und Perspektiven der Forschung / hrsg. von R. König. München: R. Oldenbourg, 1991. 182 s.
(Friedrich Ebert und seine Zeit: Bilanzen und Perspektiven der Forschung / hrsg. von R. König. München, 1991, 182 p. — In Deutsch)
- Karl Ebert. URL: https://www.landtagbw.de/contents/gedenkbuch/abgeordnete/VA_Ebert%2C%20Karl~55.html (accessed: 25.12.2021).
(Karl Ebert. — In Deutsch)
- Louise Dorothea Amalie Ebert, geb. Rump. URL: http://www.bremerfrauengeschichte.de/2_Biografien/ebert.html (accessed: 25.12.2021).
(Louise Dorothea Amalie Ebert, geb. Rump. — In Deutsch)
- Mühlhausen W. Der Typus Ebert — Anmerkungen zur Biografie des Parteiführers im Staatsamt der Weimarer Republik // Mitteilungsblatt des Instituts für soziale Bewegungen. 2011. Heft 45. S. 99—118.

(Mühlhausen W. Der Typus Ebert — Anmerkungen zur Biografie des Parteiführers im Staatsamt der Weimarer Republik // Mitteilungsblatt des Instituts für soziale Bewegungen. 2011. Heft 45. 99—118 pp. — In Deutsch)

Münch R.A. Von Heidelberg nach Berlin: Friedrich Ebert 1871—1905. München: R. Oldenbourg, 1991. 144 S.

(Münch R.A. Von Heidelberg nach Berlin: Friedrich Ebert 1871—1905, München, 1991, 144 p. — In Deutsch)

Rintelen K. Ein undemokratischer Demokrat: Gustav Bauer. Gewerkschaftsführer — Freund Friedrich Eberts — Reichskanzler. Eine politische Biographie. Frankfurt am Main u.a.: Verlag Peter Lang, 1993. 292 S.

(Rintelen K. Ein undemokratischer Demokrat: Gustav Bauer. Gewerkschaftsführer — Freund Friedrich Eberts — Reichskanzler. Eine politische Biographie, Frankfurt am Main u.a., 1993, 292 p. — In Deutsch)

Статья поступила в редакцию 13.01.2022; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 22.04.2022.

The article was submitted 13.01.2022; approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 22.04.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Евдокимова Татьяна Васильевна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществоведения, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия, eva_tan@mail.ru

Evdokimova Tatiana Vasilievna — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General History and Methods of Teaching History and Social Science, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation, eva_tan@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 94—101.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 94—101.

Научная статья

УДК 94(560)

DOI: 10.46726/И.2022.2.11

МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ В СУДЬБЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ XVI ВЕКА

Екатерина Алексеевна Козуб

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, kattya-kozub@yandex.ru

Ильяс Анварович Манахов

Московский государственный гуманитарно-экономический университет,
г. Москва, Россия, inderkali@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается роль морских сражений в судьбе Османской империи XVI века. Автор обращает внимание на тот факт, что вклад известного османского мореплавателя и картографа Пири Рейса в развитие морского дела не оценим, так как его карты не раз помогали морякам в кампаниях. Особое внимание уделяется ключевым личностям, благодаря которым османский флот почти всегда одерживал победу в морских битвах. Среди этих личностей особое место занимали Хайреддин-паша Барбаросса и Тургут рейс, бывшие пираты, перешедшие под власть османских султанов. Отмечается, что благодаря их мудрости и отваге удалось расширить территории империи до её максимальных размеров и превратить Османскую империю в самое могущественное морское государство XVI в. Кроме того, в работе рассматриваются морские кампании, в которых принимала участие Османская империя, её успехи и неудачи в этих сражениях. Отмечается, что ключевым сражением в судьбе Османской империи стала битва при Превезе со Священной лигой. Победив в данном сражении, Османская империя не только приобрела новый статус, но и получила возможность беспрепятственно проводить морские военные кампании, в связи с этим территории империи достигли своего максимального размера к середине XVI века именно благодаря регулярным победам в морских сражениях. А со смертью бывших пиратов закончилась эпоха великих морских побед Османской империи, статус империи изменился.

Ключевые слова: Османская империя, османский флот, Хайреддин Барбаросса, Тургут Рейс, расширение территорий, морские сражения

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 20-18-00374, выполняемый на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Для цитирования: Козуб Е.А., Манахов И.А. Морские сражения в судьбе Османской империи XVI века // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 94—101.

Original article

NAVAL BATTLES IN THE FATE OF THE OTTOMAN EMPIRE IN THE XVI CENTURY

Ekaterina A. Kozub

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod,
Russian Federation, katya-kozub@yandex.ru

I'jas A. Manahov

Moscow State University of Humanities and Economics,
Moscow, Russian Federation, inderkali@gmail.com

Abstract. The article examines the role of naval battles in the fate of the Ottoman Empire in the XVI century. Special attention is paid to key personalities, thanks to whom the Ottoman fleet almost always won naval battles. Among them, a special place was occupied by Hayreddin Pasha Barbarossa and Turgut Reis, former pirates who came under the rule of the Ottoman sultans. It is noted that thanks to their wisdom and courage, it was possible to expand the territory of the empire to its maximum size and turn the Ottoman Empire into the most powerful maritime state of the XVI century. In addition, the work examines the naval campaigns in which the Ottoman Empire took part, as well as its successes and failures in these battles. The author notes that the key battle in the fate of the Ottoman Empire was the Battle of Preveza with the Holy League. The author comes to the conclusion that the territories of the empire reached their maximum size by the middle of the XVI century precisely thanks to regular victories in naval battles.

Keywords: Ottoman Empire, Ottoman Navy, Hayreddin Barbarossa, Dragut Reis, expansion of territories, sea campaigns

Acknowledgements: the research was completed under the RSCF grant no. № 20-18-00374 performed on the basis of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

For citation: Kozub E.A., Manahov I.A. Naval battles in the fate of the Ottoman Empire in the XVI century, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 94—101.

К середине XVI в. Османская империя достигла своего наивысшего расцвета и получила признание в качестве самой могущественной военной и морской державы того времени. Размеры империи составляли восемь миллионов квадратных километров, а население было двадцать пять миллионов человек. Территории от Ирана почти до Атлантики и от Йемена до Центральной Европы подчинялись этому государству [Крачковский: 571]. Начало грандиозных завоеваний османским флотом было положено ещё в период правления султана Баязида II (1447—1512 гг.), установившего над Чёрным морем полный контроль. Сын Баязида II, Селим I, прикладывал немалые усилия к развитию флота. Ему удалось увеличить территории империи в два раза. Однако стоит отметить, что в период правления Селима I, флот Османской империи не был сильным, а завоевания совершались, в основном, благодаря армии. По этой причине Сулейман I Великолепный, придя к власти, поставил перед собой цель обновить флот и подготовить сильных моряков, готовых сражаться за империю. Султан Сулейман I, как известно, был мудрым

и предприимчивым правителем, поэтому он сумел найти людей, благодаря которым территория государства была расширена, а сама империя была превращена в самую могущественную морскую державу XVI в.

Неоценим вклад в развитие морского дела известного османского мореплавателя и картографа Хаджи Мухьяддина Пири ибн Хаджи Мехмеда — Пири Рейса. Благодаря его колоссальной работе были созданы две карты и первый морской путеводитель — «Китаб-и Бахрийе» («Книга морей»). Первая карта была представлена в 1513 году. На ней были изображения западного побережья Европы и Африки, а также восточного побережья Южной Америки. Вторая карта, которая была более детальной, вышла в 1528 году и включала в себя территории от Гренландии на севере до Кубы на Юге [Yurdaydin: 145]. «Китаб-и Бахрийе», которая создавалась в 1521—1525 годах, и была оценена по достоинству Сулейманом I, не раз в дальнейшем помогала османским морякам, так как там, кроме 132 карт-портуланов, на которых были изображены Средиземное и Чёрное моря, а также известные на тот момент территории на атлантическом побережье Африки и Европы, приводились полезные сведения: объяснение по использованию компаса, навигация по звёздам и виды штормов, встречающихся в различных частях света [Рейс: 15]. Морские операции османского флота во многом были успешны благодаря «Книге морей», так как там содержалось детальное описание Средиземноморья и Эгейского побережья, переправ, заливов и мест, где возможно укрыться в шторм, а также детальные маршруты между портами и точные указания, касающиеся опасных отмелей и рифов.

Самые известные страницы морской истории Османской империи были связаны с пиратами, прежде всего с Хайреддином Барбароссой и Тургуттом Рейсом, находившимися на службе у султанов. Хызыр Барбаросса со своим братом Аруджем занимались морским разбоем и были в этом деле очень успешны, что позволило им найти покровителя в лице султана Селима I, даровавшего Хайреддину в 1519 году звание бейлербея Алжира. Так, Хайреддин паша продолжил участвовать в морских завоеваниях. Ему удалось захватить такие алжирские города, как Колло в 1521 г., Аннабу и Константину в 1522 г., а также Шершел в 1525 г. [Губарев: 48]. Слава о его победах распространилась во все концы Османской империи, и к его флоту хотели присоединиться многие корсары и арматоры. В результате к 1530 году его личный флот включал в себя тридцать шесть галиотов, а в рабстве у него было около семи тысяч христиан. Как было замечено ранее, султан Сулейман I всегда стремился найти людей, готовых сражаться за империю, поэтому Хайреддин-паша привлёк его внимание. Так, в 1533 году османский султан даровал Барбароссе звание командующего османским флотом (Kapitan-ı Derya) [Danışmend: 64]. Правой рукой Хайреддина Барбароссы во всех морских кампаниях был не менее известный пират Тургут Рейс, который также сыграл ключевое значение в морских победах Османской империи.

Команда Хайреддина Барбароссы, в которую также входил Тургут Рейс, уже в 1533 году начала активные завоевания. Им удалось захватить некоторые территории Неаполитанского королевства и Сицилии, являвшиеся владениями Габсбургов, а также завладеть их военными галерами. В 1534 году в результате морских сражений под властью Османской империи оказался Тунис. Этим был очень доволен османский султан, так как данная территория открывала возможность контроля торговли между восточным и западным средиземноморьем [Жилина: 256]. Османский султан понимал, что бывшие

пираты принесут ещё множество завоеваний для империи. Правители же других государств также осознавали мощь нового капудан-паши и желали сразиться с его флотом. Так, император Священной Римской империи Карл V, опасаясь дальнейших действий опытных османских моряков, решил первым вступить в борьбу и отправил 2 июня 1535 года свой флот в направлении к Тунису. Османский флот в этот раз потерпел поражение, так как он оказался меньше и состоял из местных тунисских солдат. Однако Хайреддин Барбаросса и Тургут Рейс не отчаивались и, прибыв в Стамбул, начали готовиться к ответной кампании [Gazavat-ı Hayreddin Paşa: 107], которая была совершена в 1536 году и оказалась удачной для Османской империи. Османский флот не только нанёс ущерб побережью Венеции и Испании, но также захватил остров Минорку с её сокровищами и примерно шестью тысячами пленных. Султан Сулейман I оценил по достоинству кампании бывших пиратов и приказал продолжить расширение территорий империи.

Ключевым морским сражением в судьбе Османской империи стала битва при Превезе в 1538 году, являвшаяся частью венецианско-турецкой войны 1537—1540 гг. Как известно, ещё в мае 1537 года в Апулии командой Хайредина Барбароссы было взято в плен около десяти тысяч человек, а затем были захвачены территории на Ионических и Эгейских островах, что стало одной из причин начала войны [Zinkeisen: 561]. Также поводом для морской кампании стал вызов, брошенный венецианцами Османской империи, когда первые совершили покушение на корабль, в котором находился османский посол.

Уже всерьёз опасаясь дальнейших действий главнокомандующего османским флотом, Папой Римским Павлом III в 1537 году было объявлено о создании военного союза — Священной лиги, участниками которой стали Венеция, Генуя, Испания, Мальтийский орден и другие папские владения.

В это же время завоевания Османской империи продолжались, и Сулейман I дал указ об обновлении флота, но этого сделать не удалось по причине начала морской кампании со стороны Священной лиги, имевшей цель покончить с усилением Османской империи [O'Shea: 232].

25 сентября 1538 года недалеко от греческой крепости Превеза в Артском заливе произошла встреча флотов Священной лиги, состоящей из 157 галер под командованием адмирала Андреа Дориа, и Османской империи, включавшей 122 галиота [Hammer: 128]. Десант Священной лиги долгое время не удавалось высадить по причине того, что Синан Рейс, один из помощников Хайредина Барбароссы, заранее занялся укреплением крепости, а также защитой флота с суши, что в свою очередь предоставило возможность османскому флоту ожидать предстоящую битву необходимое количество времени. Из-за осенней непогоды флоту Священной лиги пришлось отплыть к находящемуся южнее острову Сакка-Сессола, где венецианский адмирал мог продумать план дальнейшего нападения [Büyüktuğrul: 78]. Османский капудан-паша был настроен решительно. Так, флот Священной лиги был атакован 28 сентября 1538 года. Несмотря на приказы венецианского адмирала к наступлению, из-за штиля этого сделать не удалось. И даже когда погода изменилась, Андреа Дориа не торопился начинать бой, понимая, что противник сильнее. Однако не все его подчинённые осознавали положение, поэтому несколько групп галер вышли в бой и, как предполагал адмирал, были захвачены (тридцать шесть галер, около трёх тысяч человек), потоплены (десять галер) и сожжены (три галеры) [Bostan: 344]. Потери Османской империи были

не так велики: были убиты около четырёхсот человек, однако ни один корабль не пострадал.

В этом сражении ключевую роль сыграл Тургут Рейс, который занимался управлением задним крылом правого фланга, захватившим несколько папских галер, в числе которых была галера под командованием Джованни Баттиста Довизи — священника из Биббьены (Италия), вся команда которого была взята в плен. Эти события напугали Андреа Дориа, поэтому, признав поражение, флот Священной лиги покинул бой.

Победа в этом морском сражении стала решающей в судьбе Османской империи. Теперь она не только получила статус самого могущественного морского государства, но также приобрела возможность беспрепятственно проводить морские военные кампании. Так, уже в 1539 году Хайреддин Барбаросса, желая расширить территории империи, отправился в сторону венецианских владений на албанском побережье. Сначала атаки не были удачны для османов, но когда подкрепление примерно из 200 галер, пришло на помощь, то крепость Кастельнуово 10 августа 1539 года оказалась захвачена [Рагунштейн: 39]. Стоит отметить, что несмотря на победу, потери Османской империи были велики: более половины янычар и примерно пятнадцать тысяч солдат из других родов войск погибли в этой битве.

Это было последнее сражение Османской империи со Священной лигой. Османская империя согласилась на заключение мирного соглашения с Венецией в 1540 году с очень выгодными для себя условиями: получение контрибуций в размере трёхсот тысяч дукат золотом, а также официальное признание османского верховного права над такими территориями, как Далмация, Морея, острова Ионического и Эгейского морей [Синицын: 209].

После смерти Хайреддина Барбароссы в 1546 году новым кагудан-пашой был назначен Мехмед-паша Соколлу, который занимался в дальнейшем обновлением флота, но сам в морских сражениях почти не участвовал. Фактически же почти всеми морскими кампаниями в тот период стал руководить Тургут Рейс, целью которого было продолжить расширять границы империи и добывать драгоценности.

Так, начиная с 1547 года и на протяжении следующих четырёх лет, Тургуту Рейсу удалось разграбить и захватить Мальту, владения Италии и некоторые территории Туниса: Махдию, Монастир и Сус. С целью вернуть захваченные османским флотом владения, венецианский адмирал Андреа Дориа совместно с представителем Мальтийского ордена Клодом де ла Санглем, летом 1550 года совершили нападение на Тунис. Не ожидая подобных действий, Османская империя проиграла в этом бою. Андреа Дориа, воодушевлённый победой над давним врагом, решил так же неожиданно напасть на османов на Джербе в октябре 1550 года. Однако Тургут Рейс быстро отреагировал на действия венецианского адмирала, заблокировавшего выход из бухты острова и, перетаскив со своей командой весь флот по каналу на другую сторону острова, отправился в Константинополь [Hamilton: 273].

Получив от султана Сулеймана I обновлённый флот (примерно 120 галер), а также более 12000 янычар, Тургут Рейс в 1551 году отправился с адмиралом Синаном-пашой в очередную морскую кампанию в сторону Сицилии с целью отомстить за события в Тунисе. Так, его команде удалось нанести значительный урон венецианским военным укреплениям. Но на этом данная кампания не завершилась, и османский флот отправился на Мальту, где ему удалось захватить и разграбить несколько небольших городов, в числе

которых были Бирга, Сенглеа и Мдина, а также остров Гоцо, население которого (около 5000 человек) было взято в плен, а богатства острова были отправлены султану Сулейману I.

В этом же году Тургуту Рейсу удалось ещё больше расширить территории Османской империи. Разрушив крепость Триполи 15 августа 1551 года, которая была одной из ключевых стратегических точек для Мальтийского ордена, османский флот в очередной раз доказал своё могущество, а также Триполитания получила статус вилайета Османской империи [Hamilton: 275].

Однако на этом завоевания не остановились. В 1553 году османский флот бросил вызов христианскому миру, совершив морские походы и разорив территории, находящиеся во владении Папской области и Неаполитанского королевства [Reşevî: 112]. Адмирал Андреа Дориа не мог не ответить на действия османов и отправился со своим флотом в Неаполитанский залив, чтобы сразиться с флотом Тургута Рейса, но в очередной раз удача была не на стороне генуэзцев, и османские моряки, победив, отправились дальше участвовать в расширении территорий.

Император Священной Римской империи был обеспокоен потерей своих территорий и ростом границ Османской империи. Было решено сразиться с флотом Тургута Рейса и вернуть захваченные земли. Так, в 1559 году испанским флотом была совершена попытка вернуть Алжир, но она оказалась безуспешной. Объединив флот Генуи, Испании и Священной Римской империи, Джанеттино Дориа — родственник Андреа Дориа, отправился в морскую кампанию в сторону Триполи 10 февраля 1560 года, но вскоре по причине болезни большая часть моряков и солдат умерли, а кампания оказалась обречена на провал. Не желая сдаваться, было решено отправиться на Джербу и построить там укрепления, пока османский флот не появится. Флот под командованием Пияле Мехмеда-паши прибыл на остров значительно быстрее, чем этого ожидали представители объединённого флота, а ещё через несколько дней на помощь прибыл Тургут Рейс со своим флотом. За первый день морского сражения османы утопили почти весь объединённый флот и в очередной раз вышли победителями.

Теперь единственными, кто мог препятствовать расширению османских территорий, были госпитальеры, находящиеся на Мальте. Поэтому новой целью османского флота была победа над ними. 18 мая 1565 года Тургут Рейс отправился в последнюю в своей жизни морскую кампанию. Стоит отметить, что госпитальеры были опытными и храбрыми воинами, кроме того, они понимали, что когда-нибудь османы захотят сразиться с ними, поэтому укрепляли свои крепости, используя новые технологии [Bradford: 112]. Таким образом, у османских военных не получилось захватить форт Святого Эльма, а во время попытки осадить форт Сант-Анджело 17 июня 1565 года в Тургута Рейса попало пушечное ядро, спустя несколько дней он погиб. Его смерть стала огромной потерей для османского флота, который без своего адмирала не смог дальше воевать и проиграл великую осаду Мальты.

Представители государств-членов Священной лиги понимали, что со смертью Тургута Рейса морские сражения не будут удачными для Османской империи. Так, в 1570 году начинается турецко-венецианская война за господство в Восточном Средиземноморье. Соколлу Мехмед-паша, являвшийся на тот момент Великим визирем Османской империи, осознавал, что османский флот теперь не такой могущественный, каким был прежде и поэтому выступал против захвата Кипра. Селим II настоял на морской кампании. 7 октября 1571 года

состоялось крупнейшее морское сражение XVI века — битва при Лепанто. Предсказания Соколовича оказались верны, и османский флот был разбит.

Морские сражения сыграли значимую роль в судьбе Османской империи. Ожидания султана Сулеймана I насчёт бывших пиратов оправдались. Хайреддин Барбаросса и Тургут Рейс делали всё возможное для изменения статуса империи и расширения её границ. Им удалось превратить Османскую империю в самое могущественное морское государство, а также расширить границы империи и добыть драгоценности и золото в государственную казну. Со смертью бывших пиратов закончилась эпоха великих морских побед Османской империи.

Список источников

Пири Рейс. Книга о мореплавании (Китаб-и Бахрийе) / перевод со староосманского языка, составление и предисловие Алиевой Таиры Октай кызы — научного сотрудника Института Рукописей имени М. Фузули НАН Азербайджанской Республики. Баку: Ecoprint, 2019. 704 с.

Gazavat-ı Hayreddin Paşa Barbarosa. Hayreddin Paşa'nın hatıraları. Çev.: Düzdağ M. Ertuğrul. с. 1. İstanbul: 1001 temel eser, Kervan Kitapçılık, 1974. 298 p.

Список литературы / References

Губарев В.К. Сто великих пиратов. М.: Вече, 2011. 430с.

(Gubarev V.K. One hundred most famous pirates. Moscow, 2011, 430p. — In Russ.).

Жилина А.И. Внешняя политика султаната в правление падишаха Сулеймана I Кануни // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. 2016. № 1. С. 251—258.

(Zhilina A.I. The foreign policy of the Sultanate in the reign of padishah Suleiman I Kanuni, *Journal of the A.P. Chekhov Taganrog Institute*, 2016, № 1, pp. 251—258. — In Russ.).

Крачковский И.Ю. Морская география в XV—XVI вв. у Арабов и Турок. М.: Академия Наук СССР, 1954. С. 547—588.

(Krachkovsky I. Marine geography of the Arabs and Turks in the XV—XVI centuries, Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union, 1954, pp. 547—588. — In Russ.).

Рагунштейн А. Пираты под знаменем ислама. Морской разбой на Средиземном море в XVI — начале XIX века. М.: Вече, 2012. 288 с.

(Ragunshhteyn A.G. Pirates under the banner of Islam. Sea robbery in the Mediterranean in the XVI — early XIX century, Moscow, 2012, 288 p. — In Russ.).

Синицын С.В. Роль «Капитуляций» во внешней политике Османской империи XVI—XVIII вв. // *Метаморфозы истории*. 2017. № 10. С. 206—2017.

(Sinitsyn S.V. The Role of "Capitulations" in the Foreign Policy of the Ottoman Empire in XVI—XVIII centuries, *Metamorphoses of history*, 2017, iss. 10, pp. 206—2017. — In Russ.).

Bostan I. Preveze Deniz Muharebesi. Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi, vol. 34. İstanbul, 2007. P. 343—345.

Büyüktuğrul A. Preveze Deniz Muharebesine İlişkin Gerçekler. Ankara, 1973, 145 p.

Bradford E. Turgut Reis (Son Sefer). İstanbul, 1973, 279 p.

Danişmend İ.H. İzahlı Osmanlı Tarihi Kronolojisi, с. 2. İstanbul: Türkiye Yayınları, 1971. 280 p.

- Hamilton Currey E. Akdeniz'in Büyük Korsanları, (çev. Kerem Özdural). İstanbul, 2007. 270 p.
- Hammer Baron Joseph Von. Büyük Osmanlı Tarihi (çev. Mümin Çevik, Erol Kılıç), c. 5. İstanbul, 1990, 290 p.
- O'Shea S. Sea of Faith: Islam and Christianity in the Medieval Mediterranean World. New York, 2006. 432 p.
- Reçevî İ. Reçevî Tarihi (çev. Murat Uraz). İstanbul, 1968. 544 p.
- Yurdaydın Hüseyin Gazi Kitâb-ı Bahriyye'nin Telifi Meselesi // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. Ankara, 1952. № 2. P. 143—146.
- Zinkeisen J.W. Osmanlı İmparatorluğu Tarihi, (çev. Nilüfer Erçeli). İstanbul: Yeditepe Yayınları, 2011. 794 p.

Статья поступила в редакцию 11.01.2022; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 22.04.2022.

The article was submitted 11.01.2022; approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 22.04.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Козуб Екатерина Алексеевна — аспирант Института международных отношений и мировой истории, преподаватель кафедры восточных языков и лингвокультурологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, katya-kozub@yandex.ru

Kozub Ekaterina Alekseevna — Post-graduate student at the Institute of International Relations and World History; lecturer at the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, katya-kozub@yandex.ru

Манахов Ильяс Анвярович — старший преподаватель кафедры восточных языков, Московский государственный гуманитарно-экономический университет, г. Москва, Россия, inderkali@gmail.com.

I'jas Anvjarovich Manahov — Assistant at the Department of Oriental Languages, Federal State Budget Educational Institution of Inclusive Higher Education Moscow State University of Humanities and Economics, Moscow, Russian Federation, inderkali@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 102—112.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 102—112.

Научная статья

УДК 069.4

DOI: 10.46726/И.2022.2.12

ДОКУМЕНТЫ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА В МУЗЕЙНО-АРХИВНЫХ ФОНДАХ ИВАНОВСКОГО ГОСУ- ДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

*Елена Леонидовна Костылёва, Сергей Валерьевич Точёнов,
Александр Ипполитович Червяков*

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
elkos-ty-le-va@mail.ru, stochenov@ Rambler.ru, aicherv@mail.ru

Аннотация. Письма человека, в которых нашла отражение его эпоха, представляют не меньший интерес, чем письма великих деятелей литературы, искусства, науки или политики. К таким представителям применительно к XX веку можно отнести Регину Михайловну Гринберг, руководителя Ивановского Молодёжного народного театра в 1950—1990-е годы, и Дмитрия Александровича Крайнова, доктора исторических наук, начальника Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР (1959—1994 гг.), архивы которых хранятся в Ивановском государственном университете. В фонде Гринберг находится несколько тысяч писем, адресатами и адресантами которых являются выдающиеся поэты и драматурги, актёры и режиссёры, театроведы и театральные деятели, искусствоведы и критики, общественные и политические деятели, родные, знакомые, обычные зрители. В фонде Крайнова хранится более 800 документов эпистолярного жанра. Среди них — послания к учёному корифею археологической науки (в том числе академика Б.А. Рыбакова), сотрудников Верхневолжской экспедиции, музеев и краеведов. Большими блоками представлены письма от родственников, от бывших заключённых ГУЛАГа, с которыми Крайнов вместе работал в лагерном театре. Информация о письмах этих ярких представителей культуры и науки впервые вводится в научный оборот. Результаты обзора содержания писем позволяют говорить о том, что они являются важным источником для воссоздания жизни творческой и научной интеллигенции второй половины XX столетия.

Ключевые слова: Р. Гринберг, Д. Крайнов, Ивановский молодёжный театр, столичная творческая интеллигенция, театр в ГУЛАГе, Верхневолжская экспедиция, археологи XX века

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения проекта по внутреннему гранту ИвГУ № 14-21-Д по теме «Музейно-архивные фонды ИвГУ: условия хранения, использования и введения в научный оборот».

Для цитирования: Костылёва Е.Л., Точёнов С.В., Червяков А.И. Документы эпистолярного жанра в музейно-архивных фондах Ивановского государственного университета // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 102—112.

Original article

DOCUMENTS OF THE EPISTOLARY GENRE IN THE MUSEUM AND ARCHIVAL FOUNDATIONS OF IVANOVO STATE UNIVERSITY

Elena L. Kostyleva, Sergej V. Tochenov, Aleksandr I. Chervyakov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
elkos-ty-le-va@mail.ru, stochenov@rambler.ru, aicherv@mail.ru

Abstract. The letters of a person, in which his era is reflected, are no less interesting than the letters of great figures in literature, art, science or politics. In relation to the 20th century, such representatives include Regina Mikhailovna Grinberg, head of the Ivanovo Youth Folk Theater in the 1950s—1990s, and Dmitry Aleksandrovich Krainov, Doctor of Historical Sciences, head of the Upper Volga expedition of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences (1959—1994), whose archives are kept at Ivanovo State University. The Grinberg Foundation contains several thousand letters addressed to outstanding poets and playwrights, actors and directors, theater critics and theatrical figures, art critics, public and political figures, relatives, acquaintances, and ordinary viewers. More than 800 documents of the epistolary genre are stored in the Krainov fund. Among them are messages to scientists from archeological luminaries (including academician B.A. Rybakov), employees of the Upper Volga expedition, museums and local historians. Large blocks are letters from relatives, from former prisoners of the Gulag, with whom Krainov worked together in the camp theater. Information about the letters of these prominent representatives of culture and science is introduced into scientific circulation for the first time. The results of the review of the content of the letters allow us to say that they are an important source for recreating the way the creative and scientific intelligentsia lived in the second half of the 20th century.

Keywords: R. Grinberg, D. Krainov, Youth theater, theater in the Gulag, Upper Volga expedition, poets and archaeologists of the 20th century

Acknowledgments: the article was prepared within the framework of the project under the internal grant of IvSU no. 14-21-D on the topic “Museum and archival funds of IvSU: conditions of storage, use and introduction into scientific circulation”.

For citation: Kostyleva E.L., Tochenov S.V., Chervyakov A.I. Documents of the epistolary genre in the museum and archival foundations of Ivanovo State University, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 102—112.

Неотъемлемой составляющей жизни человека является его общение с другими людьми, как личное, в устном изложении и восприятии, так и в письменной форме, прежде всего, в письмах. Письма великих людей, например, классиков литературы, выдающихся представителей науки и культуры, крупных политических деятелей, обычно хранятся в государственных архивах, изучаются, публикуются. Однако, кроме писем великих, большой интерес для воссоздания колорита конкретного исторического периода, изучения

жизни народа через призму взглядов обычного человека, процессов, происходящих в обществе, представляют письма людей, оставивших свой, может быть, и не слишком заметный след в истории. К таким представителям эпохи XX века относятся Регина Гринберг и Дмитрий Крайнов, архивы которых хранятся в Ивановском государственном университете.

Архив Р. Гринберг

Архив оставившей яркий след в культурной жизни г. Иваново и нашей страны в целом во второй половине XX века Регины Михайловны (Моисеевны) Гринберг (1927—2005), видного театрального деятеля, теоретика и выдающегося мастера театра поэтического представления, создателя и руководителя культового Ивановского молодёжного народного театра, занимает в музейно-архивном комплексе Ивановского государственного университета особое место. И вследствие масштаба личности фондообразователя, и благодаря богатству содержания хранящихся здесь документов, в составе архива, переданного в 2005 году в ИвГУ, отложилось несколько десятков тысяч документов, связанных с различными аспектами деятельности Р.М. Гринберг. Материалы архива подверглись «первичному разбору» и послужили источником серьезных публикаций [Афанасьев 2007]. Но следует признать, что на сегодняшний день процесс научного описания и освоения архива все еще находится на начальной стадии, имеющиеся материалы мало изучены историками, театроведами и культурологами.

Одним из самых значимых источников для исследования обширных личных, творческих и общественных взаимодействий Р.М. Гринберг являются материалы эпистолярного характера, хранящиеся в архиве. Необходимо отметить, что тексты писем и телеграмм Гринберг сохранились преимущественно в виде черновиков или копий-«отпусков», а адресованная ей корреспонденция — в виде подлинников или копий. Весь этот огромный материал, до сих пор не описанный в полном объеме и не введенный в научный оборот, можно условно разделить на следующие блоки: личная и служебная переписка (между ними зачастую очень сложно провести точную границу), а также переписка различных лиц и инстанций, связанная с Р.М. Гринберг и Ивановским молодёжным народным театром.

Следует также отметить, архив Р.М. Гринберг был организован так, что материалы переписки не были собраны воедино, а оказались рассредоточены по разным отделам и рубрикам в связи с «сезонным» принципом его построения. При этом зачастую конверты были отделены от текстов писем, что затрудняет атрибуцию последних и их хронологическую локализацию. Не всегда просто определить и адресатов писем, и время их написания, особенно когда автор ограничился обращением к адресату по имени. Эти обстоятельства заставляют нас на данном этапе документирования ограничиться обзором авторов и адресатов обнаруженных и атрибутированных документов личной переписки Р.М. Гринберг.

Переписка с родными (о ближнем круге родственников Р.М. Гринберг см.: [Кертман Лина: 201]) бережно хранится и занимает большое место в архиве: письма отца, М.Л. Гринберга; письма матери, А.С. Дейч (более 340 док.); письма родной сестры, Д.М. Гринберг (более 50 док.); письма дяди, А.С. Дайча, и его дочери, Н.А. Дайч (около 40 док.); письма членов семьи ленинградской тёти, Н.С. Дейч и М.Т., В.Л. и Л.М. Паняхи, (более 30 док.);

письма членов семьи пермской тети, М.С. Кертман, Л.Е. Кертман, С.Я. Фрадкина, Л.Л. Кертман, (более 40 док.). Среди них наиболее информативным и значимым источником сведений об интеллектуальной жизни и творческой деятельности Р.М. Гринберг являются письма А.С. Дейч, содержащие немало отсылок к суждениям и оценкам дочери. Большой интерес представляет и переписка Р.М. Гринберг с известными учеными-гуманитариями, двоюродным братом Л.Е. Кертманом и его женой, С.Я. Фрадкиной.

Переписка Р.М. Гринберг с актёрами различных поколений Молодёжного театра и другими членами театрального коллектива даёт значительный материал для изучения истории развития театра, исследования творческих взаимодействий внутри коллектива. Среди наиболее активных корреспондентов Р.М. Гринберг — В. Авдеева, А. Афанасьев, К. Афанасьева, С. Берегов, О. Болонин, Е. Вихрев, М. Голубничая (Шабалина), В. Глазунов, Е. Грибов, В. Дубынин, Р. Жирмунская, Т. Ким, В. Корягин, С. Малинкин, А. Мишуров, Г. Мокрова, Ю. Морыганов, Г. Неронова, П. Овчинников, Н. Парова, И. Полунова, Ю. Разин, В. Сарапулова, Э. Серпкова, З. Сибянова, А. Синицын, А. Скворцов, С. Трохина, М. Уварова, В. Фирсанов, А. Шульпин. Сохранилось в архиве и немало отпусков писем Р.М. Гринберг, адресованных актёрам Молодёжного театра, в частности, А. Афанасьеву, Е. Вихреву, М. Голубничей, В. Глазунову, Ю. Разину, М. Уваровой, В. Фирсанову, А. Шульпину.

Особое место в эпистолярной, сохранившемся в архиве, занимает переписка Р.М. Гринберг с «авторами» — поэтами, драматургами, писателями — «властителями дум эпохи», чьи произведения служили материалом для постановок и сценических композиций: А. Вознесенским, А. Володиным, А. Галичем, Е. Евтушенко, А. Кроном, Б. Окуджавой, Р. Рождественским, К. Симоновым и др. Нужно отметить, что переписка с некоторыми из них продолжалась десятилетиями (хронологические рамки обнаруженной на сегодняшний день переписки с А. Вознесенским — 1965—1998 гг.).

На протяжении всей своей творческой деятельности Р.М. Гринберг вела активную переписку с широким кругом театралов, среди которых особо нужно отметить работников Кабинета народных театров Всероссийского театрального общества и его руководителя И.К. Сидорину. В числе корреспондентов Р.М. Гринберг — актеры Г. Биневская, А. Галко, М. Скоромникова, А. Хочинский, режиссёры народных театров Р. Визнер, С. Депсамес, А. Морозов, В. Пирогов, С. Савчук, В. Свердлин, В. Тихонов, И. Фельдман, Ю. Шушковский, театральные деятели А. Буров, О. Ефремов, З. Фельдман (Владимирова), театроведы и театральные критики О. Дзюбинская, Б. Поюровский, А. Силин, Е. Уварова, И. Ужова и др. Значимую эпистолярную и иную поддержку получала Р.М. Гринберг от таких заметных литературоведов, искусствоведов, критиков и журналистов, как В. Барлас, П. Куприяновский, О. Кучкина, С. Лесневский, А. Михайлов, Л. Мнухин, Н. Павлова, В. Сагалова, Г. Цыбизов, В. Чернов и др.

Переписка с комсомольскими, профсоюзными, государственными деятелями Ивановской области и руководителями областного комитета КПСС (от И.В. Капитонова до М.А. Князюка) не в полной мере может быть отнесена к личной переписке Р.М. Гринберг, но по доверительности тона и характеру общения ее эпистолярный с Н.П. Балобановой и В.Г. Клюевым, очевидно, выходит за рамки сугубо официальных контактов.

Нужно оговорить также статус «писем коллектива» с просьбами «помочь и вмешаться», адресованных в трудно учитываемое пока число адресов и зачастую написанных рукой Р.М. Гринберг или изредка инспирированных ею и подвергавшихся ее правке и редактированию. Письма подобного рода могли направляться и по другим поводам. Тем не менее, их авторство было очевидным для многих адресатов, и именно поэтому зачастую отвечали они не худсовету, от имени которого было направлено поздравление, а непосредственно их автору, как, например, Б. Окуджава в 1997 г.:

«Дорогая Регина!

Очень сожалею, но обстоятельства не позволили мне ознакомиться с письмом, присланным Вашими друзьями.

С опозданием, но сердечно поздравляю Вас с юбилеем и театр.

Очень надеюсь, что сложные обстоятельства не разрушат созданного Вами.

Желаю всего самого лучшего.

Театру низкий поклон.

Вас обнимаю.

Б. Окуджава».

Заметную часть писем (более 100 документов), сохранившихся в архиве Р.М. Гринберг, пока атрибутировать не удалось, число писем знакомых и близких Р.М. Гринберг и зрителей ее спектаклей исчисляется сотнями.

Архив Д. Крайнова

Дмитрий Александрович Крайнов (1904—1998) — один из корифеев советской археологической науки — прожил долгую жизнь, насыщенную как знаменательными, так и трагическими событиями XX века. Его жизненный путь нашёл отражение в серии публикаций в археологических научных журналах и сборниках [Крупнов; Уткин, Костылева 1994а; 1994b; Уткин, Костылева 1999; Кольцов, Максимов 2000; Костылева и др. 2005; Костылёва, Уткин 2006; 2006а], в научно-популярных и других изданиях [Головицын и др.; Костылёва 2004; Костылёва, Уткин 2003; 2006b; Пентюхов].

Архив Д.А. Крайнова, сохранившийся в фондах археологического музея ИВГУ, в научной литературе представлялся неоднократно. В публикациях давался общий обзор фондов [Костылёва, Уткин 2011; 2013], а также привлекались отдельные документы в связи с освещением военной и ГУЛАГовской «эпопеи» учёного [Костылёва, Уткин 2012]. Многие документы этого архива требуют ещё своего осмысления и публикации.

В настоящей статье мы ставим своей целью представить лишь один из разделов фонда Д.А. Крайнова, а именно его эпистолярное наследие, выявить его источниковую ценность. В нём можно выделить семь блоков:

1. Переписка Д.А. Крайнова с М.Б. Бохиной (урожденной Полторацкой).
2. Письма от бывших артистов театра лагерей ГУЛАГа (Абезь, Игарка).
3. Письма от учёных-археологов и представителей других наук.
4. Письма от сотрудников Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР (РАН).
5. Письма от родственников.
6. Письма от музеев, краеведов, школьных учителей.
7. Прочая корреспонденция.

Первый блок. Самый большой блок представлен перепиской Д.А. Крайнова с Марой Борисовной Бохиной (урожд. Полторацкой). Знакомство с ней состоялось в 1954 г. в Пензе, куда Д.А. Крайнов приехал к старшему брату Ивану. Бохина преподавала физику в ремесленном училище, в часы досуга участвовала в постановке любительских спектаклей в клубе при фабрике. Там-то их и познакомил брат Крайнова, также подвизавшийся в спектаклях. Сам учёный-археолог был большим театралом. До войны кроме историко-философского факультета МГУ он окончил музыкальное училище им. М.М. Ипполитова-Иванова по классу оперного певца. Последнее обстоятельство и спасло его в лагере: он был взят в театральную труппу. Встреча с пензенской учительницей изменила всю последующую жизнь учёного. Между Д.А. Крайновым и М.Б. Бохиной завязалась переписка. Таких двух очень разных людей по характеру, воспитанию и происхождению объединяла любовь к театру и трагедии в личной жизни.

Сохранилась вся переписка. Первые письма датируются мартом 1954 г., последние — концом августа — началом сентября 1955 г., когда Бохина уже переехала к Крайнову в Углич, где и началась совместная жизнь. Таким образом, переписка длилась чуть более полутора лет. За это время обеими сторонами было написано около полутора сотен писем (78 — Крайновым и 68 — Бохиной). В них много личного, но, если отбросить эти сюжеты, переписка представляет собой неоценимый источник по истории России середины XX века. Очень зримо вырисовывается жизнь провинциальной интеллигенции в условиях низких зарплат, постоянного дефицита продуктов, одежды и обуви.

Благодаря письмам мы видим, как сложно шёл процесс возвращения учёного, оторванного более чем на 10 лет (1941—1953 гг.) от археологических исследований, в науку. Ему удалось устроиться работать в музей г. Углича. Он брался за любую работу, связанную с археологией: проводил раскопки стоянок у с. Золоторучье, создавал археологическую экспозицию в музее, читал лекции по археологии в Ярославском педагогическом институте. От археологических занятий его постоянно отвлекала необходимость дополнительных заработков: он преподавал в местном педагогическом училище, пел по вечерам и во время праздничных мероприятий на сцене клуба, писал статьи для «Большой советской энциклопедии». Все эти события нашли отражение в переписке, заменившей Крайнову дневниковые записи, которые он вёл раньше даже в условиях лагерной жизни. От последующих лет жизни супругов Крайновых сохранилось немногим более 40 посланий. Это был очень насыщенный в жизни учёного период, когда он по полгода работал в поле. И, будучи в разлуке со своей «Машенькой», Крайнов писал подробные письма-отчёты о том, как идут работы в экспедиции, что он сделал, будучи в командировке и т. д. Эти письма особенно ценны неформальным освещением работ Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР (РАН).

Второй блок. Второй блок представлен письмами, которые были «отзвуком ГУЛАГа». Это корреспонденция от бывших заключённых — артистов лагерного театра «Стройки 501/503». В труппе театра были весьма известные артисты: дирижёр Одесской оперы Н.Н. Чернятинский, художник Мариинского театра Д. Зеленков, вокалисты Д.А. Петрова, И.А. Чигринов, В.В. Харченко, виртуоз-пианист В.В. Топилин (до войны — аккомпаниатор Давида Ойстраха), музыкант Е.Д. Игнатенко и другие, в том числе киноактёр и режиссёр, князь Л.Л. Оболенский и мастер художественного слова из Ленинградской филармонии князь Б.Ф. Болховской [Савнор; Пентюхов].

Сроки заключения у артистов заканчивались в разное время, и, разъехавшись по всей стране (Кишинёв, Москва, Николаев, Ленинград, Харьков, Житомир, Симферополь, Липецк, Сыктывкар и другие «города и веси»), они старались поддерживать связь: писали письма, приезжали в гости, звонили. Всего в этом блоке представлено 76 посланий: письма, открытки, телеграммы. К сожалению, не вся корреспонденция сохранилась. Судя по информации, содержащейся в письмах, они писались гораздо чаще.

Письма 1950-х годов — весьма информативный источник по адаптации возвращающихся из лагерей людей к нормальной жизни, по их восприятию этой обычной, вольной жизни, по возможностям трудоустройства. Этот вопрос стоял очень остро у всех «солагерников» и нашёл отражение в письмах Н. Троицкой, В. Белой, Л. Юхина. В письмах актёры часто вспоминают лагерный театр и его актеров, сообщают сведения друг о друге: кто куда уехал, как устроился, кто заболел, а кто уже ушёл в мир иной.

Кому-то это может показаться странным, но писал Д.А. Крайнову лагерный охранник В.Ф. Пентюхов. После демобилизации он жил в Красноярске, стал журналистом, писателем, поэтом, краеведом. Пентюхов считал Крайнова первым своим настоящим учителем, который дал ему, деревенскому парнишке, образование, помогал с изучением литературы, всячески поддерживал [Пентюхов].

Третий блок. В этом блоке представлены письма постлагерного периода в жизни учёного. Самое первое письмо этого времени от 29 сентября 1951 г. написано Е.И. Крупновым — однокурсником, коллегой по довоенной работе в ГИМе, а в момент написания — заместителем директора ИИМК/ИА АН СССР. К нему Д.А. Крайнов обращался с просьбой посодействовать в поисках работы. Тогда старый друг помочь ему не смог, лишь в 1956 г., благодаря протекции Крупнова, учёный был принят в ИИМК АН СССР. Больше всего было писем от Е. Веймарна — друга студенческих лет и «ГИМовца», который не оставил Д.А. Крайнова в беде и постоянно писал ему в лагерь, переписка продолжилась и после освобождения учёного. Дружеская переписка связывала Крайнова с директором Ленинградского отделения ИА АН СССР (ЛОИА) Н.Н. Гуриной. В письмах детально обсуждались научные дела, связанные с публикациями, конференциями, проектами. В.М. Массон, сменивший Гурину на посту директора ЛОИА, в основном ограничивался поздравительными открытками, телефонными звонками и беседами во время личных встреч. Академик Б.А. Рыбаков, с которым Крайнов был дружен со студенческих лет, с 1956 по 1987 гг. стоял во главе Института археологии АН СССР (РАН). Переписка между ними не велась, т.к. они постоянно встречались в Институте, звонили друг другу, однако Рыбаков всегда присылал Крайновым открытки к праздникам. Как правило, они были весьма оригинальны, как по оформлению, так и по содержанию.

Д.А. Крайнову писали письма многие археологи. Обращались за советом, спрашивали разрешения копать исследовавшиеся ранее им памятники, делились новостями, приглашали на конференции, поздравляли с праздниками, решали неотложные дела. Писали сотрудники ГИМа М.В. Фехнер, А.Я. Брюсов, М.В. Городцов. Среди ленинградских археологов, кроме упомянутых В.М. Массона и Н.Н. Гуриной, обращались к Крайнову В.П. Любин, И.В. Гаврилова, Е.Л. Векилова, А.М. Микляев, Н.Д. Праслов, Л.Я. Крижевская. Из Киева шли письма от Д.Я. Телегина, П.И. Борисковского, Б.А. Тимощука, И. Шовкопляса, С.Н. Бибикова, И.И. Артёменко, из Симферополя —

от П.Н. Шульца и А.А. Щепинского. И, наконец, поддерживалась постоянная связь с Латвией — с И.А. Лозе и антропологом Р.Я. Денисовой. Из Перми писал опальный О.Н. Бадер, из Карелии — Г.А. Панкрушев, из Казани — А.Х. Халиков, из Абхазии — Ю.Н. Воронов. Всего в этом блоке более 120 посланий. Это весьма информативный источник, прежде всего, по взаимоотношениям в среде археологов, их симпатиям и антипатиям, а также по сложностям, встречающимся в полевой работе и в публикации материалов.

Четвёртый блок. Переписка Д.А. Крайнова с сотрудниками своей экспедиции весьма объёмна. Письма 1960—1980-х годов связаны, прежде всего, с Е.Н. Ерофеевой (Иваново). Она проводила раскопки древнерусских курганов в рамках работ Верхневолжской экспедиции, вела раскопы у Д.А. Крайнова, перебеливала чертежи, делала рисунки вещей. Л.С. Кितिцына (г. Хотьково, Московская обл.) в 1970-е годы обрабатывала керамику, занималась составлением коллекционных описей. Е.М. Молодцова (Иваново) участвовала в полевых работах учёного в 1960—1970-е годы, принимала на хранение в Краеведческий музей коллекции находок. Их письма в основном связаны с рабочими моментами. Много поздравительных открыток. Письма от Е.Л. Костылёвой и А.В. Уткина (Иваново) датируются 1980—1990-ми годами и касаются вопросов работы экспедиции и публикации материалов. Послания от московских сотрудников экспедиции — Ю.Б. Цетлина, М.П. Зиминой, О.С. Гадзяцкой, Н.А. Кирьяновой, А.Л. Никитина, М.Г. Жилина, К.И. Комарова — немногочисленны, т. к. все вопросы обсуждались и решались лично или по телефону. Всего в этом блоке более 140 посланий. Они представляют интерес как источник по организации экспедиции, её финансированию, снабжению оборудованием и продуктами питания, по взаимоотношениям с местными органами охраны памятников и музеями.

Пятый блок. Семья Крайновых была большой. У Дмитрия Александровича было два брата и пять сестёр. Больше всего писем от старшего брата Ивана. Эта переписка представляет ценность как источник по изучению истории обычной деревенской семьи XX столетия. Рождённые в этой семье дети имели разные судьбы, у них были разные характеры, материальный достаток, профессиональный статус. Но они сохраняли связь друг с другом, помогали в трудный момент, делили радость и горе на всех. Всё это нашло отражение более чем в 150-ти письмах.

Шестой блок. Данный блок тоже весьма обширен. В нём насчитывается более 100 писем. Д.А. Крайнов в связи с работами по созданию «Свода памятников фатьяновской культуры» много ездил по музеям, собирал информацию, обращался к школьным учителям и краеведам. Больше всего писем исходило из музеев Углича и Ростова Великого. Писали учёному также из Костромы, Переславля-Залесского, Александрова, Коврова, Старицы, Вышнего Волочка, Ильинского-Хованского, Гаврилова Посада. Эти письма — важный источник по деятельности провинциальных музеев, их фондам, экспозициям, планам работы, взаимоотношениям с академической наукой.

Седьмой блок. В последнем блоке представлены письма, исходящие из Ярославского педагогического института, издательства «Большая советская энциклопедия», не атрибутированная корреспонденция и прочие послания. Всего более трёх десятков документов.

Таким образом, в семи блоках представлено более 800 посланий от разных корреспондентов.

Эпистолярное наследие двух заметных деятелей культуры и науки XX в. Р.М. Гринберг и Д.А. Крайнова весьма обширно и представительно. Информация о нём впервые вводится в научный оборот. Результаты обзора содержания писем позволяют говорить о том, что они являются весьма информативным источником для воссоздания жизни творческой и научной интеллигенции второй половины XX столетия.

Список источников

- Афанасьев А.И. Регина: Театр нашей молодости. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. 327 с.
- Головицын С.К., Головицына М.В., Бакаев А.М. Д.А. Крайнов: Жизнь и творчество. Александров, 1996. 96 с.
- Кертман Лина. Книга дочери: К 100-летию со дня рождения Л.Е. Кертмана и С.Я. Фрадкиной. Пермь: Титул, 2017. 416 с.
- Пентюхов В.Ф. Пленники печальной судьбы: документальная повесть. Красноярск: Красноярский писатель, 2008. 160 с.
- Савнор В.А. Рассказ очевидца. «СТРОЙКА № 503» (1947—1953 гг.). Документы. Материалы. Исследования. Вып. 1. Красноярск: Гротеск, 2000. 208 с.

Список литературы / References

- Кольцов Л.В., Максимов А.Д. Памяти Дмитрия Александровича Крайнова (1904—1998) // Тверской археологический сборник. 2000. Вып. 4. Т. I. С. 5—6.
(Koltsov L.V., Maksimov A.D. In memory of Dmitry Alexandrovich Krainov (1904—1998), *Tver archaeological collection*, 2000, iss. 4, vol. I, pp. 5—6. — In Russ.)
- Костылёва Е.Л. Вклад Дмитрия Александровича Крайнова в изучение археологии Ивановской области // Альманах: История Тейкова в лицах. Тейково, 2004. С. 7—10.
(Kostyleva E.L. The contribution of Dmitry Alexandrovich Krainov to the study of the archeology of the Ivanovo region, *Almanac: The history of Teikovo in faces*, Teikovo, 2004, pp. 7—10. — In Russ.)
- Костылева Е.Л., Уткин А.В. Памяти Дмитрия Александровича Крайнова (1904—1998) // Российская археология. 1999. № 4. С. 245—246.
(Kostyleva E.L., Utkin A.V. In memory of Dmitry Alexandrovich Krainov (1904—1998), *Russian archeology*, 1999, iss. 4, pp. 245—246. — In Russ.)
- Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Дмитрий Александрович Крайнов: Судьба поколения в биографии археолога // Рождественский сборник. Ковров, 2003. Вып. X. С. 138—141.
(Kostyleva E.L., Utkin A.V. Dmitry Alexandrovich Krainov: The fate of a generation in the biography of an archaeologist, *Christmas collection*, Kovrov, 2003, iss. X, pp. 138—41. — In Russ.)
- Костылева Е.Л., Уткин А.В. Исследования Д.А. Крайнова в Ярославской области // Археология: История и перспективы. Ярославль, 2006. С. 17—24.
(Kostyleva E.L., Utkin A.V. Research by D.A. Krainov in the Yaroslavl Region, *Archeology: History and Perspectives*, Yaroslavl, 2006, pp. 17—24. — In Russ.)

- Костылёва Е.Л., Уткин А.В. К столетию Дмитрия Александровича Крайнова // Тверской археологический сборник. Тверь: Триада, 2006а. Вып. 6. Т. 1. С. 7—12.
(Kostyleva E.L., Utkin A.V. To the centenary of Dmitry Alexandrovich Krainov, *Tver archaeological collection*, Tver, 2006a, iss. 6, vol. 1, pp. 7—12. — In Russ.)
- Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Сын «Маши-сарафанныцы». Дмитрий Александрович Крайнов: Судьба поколения в биографии археолога // Наша Родина — Иваново-Вознесенск. Иваново, 2006б. № 2. С. 5—10.
(Kostyleva E.L., Utkin A.V. The son of «Masha-sarafan». Dmitry Alexandrovich Krainov: The fate of a generation in the biography of an archaeologist, *Our Motherland — Ivanovo-Voznesensk*, Ivanovo, 2006b, iss. 2, pp. 5—10. — In Russ.)
- Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Архив Д.А. Крайнова в фондах Археологического музея Ивановского государственного университета: Новые поступления // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Иваново, 2011. Вып. 3. С. 3—9.
(Kostyleva E.L., Utkin A.V. Archive D.A. Krainov in the funds of the Archaeological Museum of Ivanovo State University: New acquisitions, *Bulletin of Ivanovo State University. Series «Humanities»*, Ivanovo, 2011, iss. 3, pp. 3—9. — In Russ.)
- Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Д.А. Крайнов и война: По материалам личного архива учёного // Материалы по истории и археологии России. Рязань: Александрия, 2012. Т. II. С. 184—204.
(Kostyleva E.L., Utkin A.V. D.A. Krainov and war: Based on materials from the personal archive of a scientist, *Materials on the history and archeology of Russia*, Ryazan, 2012, vol. II, pp. 184—204. — In Russ.)
- Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Личный архив Дмитрия Александровича Крайнова в фондах Археологического музея Ивановского государственного университета // Тверской археологический сборник. Тверь: Триада, 2013. Вып. 9. С. 14—22.
(Kostyleva E.L., Utkin A.V. Personal archive of Dmitry Alexandrovich Krainov in the funds of the Archaeological Museum of Ivanovo State University, *Tver archaeological collection*, Tver, 2013, iss. 9, pp. 14—22. — In Russ.)
- Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энгватова А.В. К столетию Дмитрия Александровича Крайнова // Российская археология. 2005. № 1. С. 188—190.
(Kostyleva E.L., Utkin A.V., Engovatova A.V. To the centenary of Dmitry Alexandrovich Krainov, *Russian archeology*, 2005, iss. 1, pp. 188—190. — In Russ.)
- Крупнов Е.И. К 60-летию Дмитрия Александровича Крайнова // Советская археология. 1964. № 4. С. 64—67.
(Krupnov E.I. To the 60 th anniversary of Dmitry Alexandrovich Krainov, *Soviet archeology*, 1964, iss. 4, pp. 64—67. — In Russ.)
- Уткин А.В., Костылева Е.Л. К 90-летию Дмитрия Александровича Крайнова // Российская археология. 1994а. № 4. С. 235, 236.
(Utkin A.V., Kostyleva E.L. To the 90th anniversary of Dmitry Alexandrovich Krainov, *Russian archeology*, 1994a, iss. 4, pp. 235—236. — In Russ.)
- Уткин А.В., Костылёва Е.Л. К 90-летию Дмитрия Александровича Крайнова // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1994б. Вып. I. С. 3—14.
(Utkin A.V., Kostyleva E.L. To the 90th anniversary of Dmitry Alexandrovich Krainov, *Problems of studying the era of primitiveness and the early Middle Ages of the forest zone of Eastern Europe*, Ivanovo, 1994b, iss. I, pp. 3—14. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 22.04.2022.

The article was submitted 14.02.2022; approved after reviewing 11.03.2022; accepted for publication 22.04.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Костылёва Елена Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, elkostyle-va@mail.ru

Kostyleva Elena Leonidovna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, elkostyleva@mail.ru

Точёнов Сергей Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, stochenov@rambler.ru

Tochenov Sergej Valer'evich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, stochenov@rambler.ru

Червяков Александр Ипполитович — заведующий литературным музеем, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, aicherv@mail.ru

Chervyakov Aleksandr Ippolitovich — Head of the literary museum, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, aicherv@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 113—122.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 113—122.

Научная статья

УДК 343.9(091) (470.316)

DOI: 10.46726/И.2022.2.13

ПРЕСТУПЛЕНИЯ РАБОТНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ (По архивным материалам Ярославской области)

Денис Васильевич Тумаков

Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России,
г. Ярославль, Россия, denistumakov@yandex.ru

Аннотация. В статье на основании рассекреченных документов партийных организаций и силовых структур Ярославской области анализируются причины грубых нарушений законности со стороны местных милиционеров в первые послевоенные годы. Приводятся наиболее яркие и характерные примеры такого рода. Как правило, они имели место в периферийных районах области. О каждом из таких случаев командование правоохранительных органов немедленно информировало руководство обкома правящей партии. Виновные подвергались строгим наказаниям: их лишали воинских званий, снимали с должности, в некоторых случаях даже арестовывали и предавали суду Военного трибунала. Тем не менее, в ряде других случаев командование стремилось найти смягчающие обстоятельства для действий своих подчинённых, пыталось вывести из-под удара некоторых офицеров органов внутренних дел. Одновременно оно акцентировало внимание партийно-советского руководства Ярославской области на том, что пострадавшие от действий милиционеров граждане являются активными уголовными преступниками. Свою роль в широком распространении нарушений законности сыграл и настоящий всплеск преступности в послевоенное время. Автор приходит к выводу о том, что подобные действия стражей порядка обуславливались взаимной жестокостью преступного мира и власти того периода.

Ключевые слова: нарушения законности, милиция, криминал, послевоенный период, сталинизм

Для цитирования: Тумаков Д.В. Преступления работников правоохранительных органов послевоенных лет в историческом контексте эпохи: (по архивным материалам Ярославской области) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 113—122.

Original article

CRIMES OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS OF THE POST-WAR YEARS IN THE HISTORICAL CONTEXT OF THE ERA (Based on archival materials of Yaroslavl region)

Denis V. Tumakov

Yaroslavl State Medical University of the Ministry of Health of Russia,
Yaroslavl, Russian Federation, denistumakov@yandex.ru

Abstract. On the basis of declassified documents of party organizations and law enforcement agencies of the Yaroslavl region, the article analyzes the causes of gross violations of the law by local policemen in the first post-war years. The most striking and characteristic examples of this kind are given. As a rule, they took place in the peripheral areas of the region. The command of law enforcement agencies immediately informed the leadership of the regional committee of the ruling party about each of these cases. The perpetrators were subjected to severe punishments: they were deprived of military ranks, removed from their posts, in some cases even arrested and put on trial by the Military Court. Nevertheless, in a number of other cases, the command group sought to find mitigating circumstances for the actions of their subordinates, tried to take some officers out from under the blow of the internal affairs bodies. The command also tried to focus the attention of the party-Soviet leadership of the Yaroslavl region on the fact that citizens affected by the actions of policemen are active criminals. A real surge in crime in the post-war period played a big role in the widespread violation of the rule of law. The author comes to the conclusion that such actions of the guards of order were caused by the mutual cruelty of the criminal world and the authorities of that period.

Keywords: violations of the law, police, crime, post-war period, Stalinism

For citation: Tumakov D.V. Crimes of law enforcement officers of the post-war years in the historical context of the era: (Based on archival materials of Yaroslavl region), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 113—122.

Первые послевоенные годы ознаменовались резким ростом уголовной преступности в Советском Союзе. Согласно «Сведениям о состоянии уголовной преступности по стране», приложению к совершенно секретной докладной записке министра внутренних дел генерал-полковника С.Н. Круглова в Совет Министров СССР, в 1945—1949 гг. было зарегистрировано свыше 2 млн различных преступлений (убийств, разбойных нападений, изнасилований, краж всех видов, хулиганских проявлений и др.) [На «краю» советского общества: 175]. При этом в указанном документе не учитывались данные транспортных органов милиции, что позволяет считать официальную статистику неполной. Об общем размахе преступности ярко свидетельствует тот факт, что число вооружённых ограблений в Москве увеличилось с 26 в 1940 г. до 103 в 1945 г. и до 175 в 1947 и 1948 гг. [Зубкова: 91]. Преступные проявления возрастали на всей территории страны, не стала исключением из общего правила и Ярославская область. Для перелома сложной криминогенной ситуации от советских стражей порядка требовался высокий уровень дисциплины и квалификации. Осенью 1945 г. начальник Управления МВД (УМВД) по Ярославской области генерал-майор В.В. Губин в статье для областной газеты «Северный рабочий» утверждал, что работники милиции

воспитываются как «честные, бдительные и стойкие защитники советского государства, готовые к самопожертвованию во имя охраны государственной собственности, жизни и имущества населения». Публикация была проиллюстрирована многочисленными примерами подвигов милиционеров [Губин].

Но подчас они и сами совершали грубейшие преступления. Целью настоящего исследования является их исследование в историческом контексте эпохи позднего сталинизма. В июле 1947 г. Губин отправил на имя первого секретаря обкома ВКП(б) И.М. Турко справку «О фактах нарушения социалистической законности работниками Курбского, Ильинского, Ярославского РО МВД, 2-го отделения милиции и ОУР УМВД ЯО». Документ пестрел красноречивыми фактами применения стражами порядка физических мер воздействия во время допросов. В подобных правонарушениях были замечены начальник Курбского районного отделения (РО) МВД Е., его заместитель Л., оперуполномоченный Д., а также участковые уполномоченные С. и К. [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 69]. В декабре 1946 г. Е. и Д. более чем на месяц поместили в камеру предварительного заключения, а затем неоднократно избивали на допросе свидетельницу Б. с целью узнать местонахождение бандита Х. Не выдержав жестокого обращения, женщина была вынуждена солгать, что преступник находится у своей тётки в совхозе «Огородный». При выезде на место работники МВД задержали рабочего Д., подозревавшегося в связях с преступным миром, причём при задержании начальник Курбского РО МВД ударил его. Тем не менее, бандит Х. так и не был задержан, поэтому за дачу ложных сведений гражданку Б. вновь подвергли избиению [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 69]. В январе 1947 г. физическому воздействию в том же РО подверглись заключённые, пытавшиеся совершить побег. В результате Военный трибунал (ВТ) осудил Е. и Д. к 8 и 5 годам лишения свободы соответственно, прочие фигуранты были подвергнуты аресту на срок от 10 до 20 суток [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 70].

В ноябре-декабре 1946 г. в Ильинском районе Ярославской области в избиениях граждан, подозревавшихся в хищении овец и 417 кг зерна с колхозного склада, были замечены начальник местного РО МВД майор Ч. и его заместитель капитан Р. Офицеров милиции тоже приговорили к 15—20 суткам ареста и предупредили о предании суду ВТ в случае повторения подобных случаев в дальнейшем. К тому же Ч. был снят с должности и, как свидетельствовал начальник УМВД, переведён «на неруководящую работу» [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 70—71]. В Ярославском сельском районе в январе-мае 1946 г. следователь РО МВД С. и начальник милиции У. на допросах наносили побои участникам некой «молодёжной группы» из 6 человек, однако состав преступления так и не был доказан. После жалоб обвиняемых уголовное дело было прекращено, все они выпущены из-под стражи, а упомянутые работники МВД приговорены к 10—15 суткам ареста [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 72]. В феврале 1947 г. за аналогичные нарушения закона суду ВТ были преданы помощники оперуполномоченного 2-го отделения милиции Ярославля С. и К., дисциплинарным взысканиям подверглись помощник начальника отделения Ш., заместитель начальника Отдела уголовного розыска (ОУР) УМВД капитан милиции З. и его подчинённый К. [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 73].

В общей сложности, подытоживал генерал-майор В.В. Губин, за 1946 г. 3 офицера МВД были осуждены к различным срокам лишения свободы за избиения граждан, их незаконные задержания или обыски в квартирах, ещё

23 сотрудника были наказаны в дисциплинарном порядке [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 73—74]. За первый квартал 1947 г., как следовало из того же документа, ВТ осудил за нарушения социалистической законности также 3 работников исправительно-трудовой колонии № 4, включая начальника и его заместителя [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 74]. Более того, начальник УМВД стремился продемонстрировать партийному руководству неизбежность наказания даже для командования силовых структур на периферии. В течение 1947 г. как «несправляющиеся с работой и не соответствующие своему назначению» были сняты с должности и заменены начальники Курбского, Ильинского, Большесельского, Давыдовского и Пошехоново-Володарского РО МВД, а о неполном служебном соответствии предупреждены их коллеги из Середского, Брейтовского и Пречистенского РО [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 75—76].

Проблема приняла настолько серьёзный характер, что оказалась вынесена на бюро ярославского обкома ВКП (б). В постановлении «О фактах нарушения социалистической законности в Курбском, Ильинском, Ярославском РО МВД и 2-м отделении милиции гор. Ярославля» шла речь об утрате коммунистами чувства ответственности за порученное им дело, отсутствии надлежащего контроля и проверки работы РО и даже о «совершенно неудовлетворительном руководстве» ею со стороны командования УМВД. Критике за слабый интерес к деятельности органов милиции подверглись также прокуратура и местные райкомы ВКП (б) [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 77—78]. По советской традиции, в документе наличествовали канцелярские штампы типа «указать», «принять к сведению», «обязать» и «обратить внимание», а совершённые провинциальными милиционерами правонарушения расценивались как вред для всей страны. Так, бюро обкома охарактеризовало милиционеров-нарушителей законности как «обывателей, деяг, своими действиями, наносящими вред нашему Советскому Государству» [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 77], а потому потребовало «разъяснить всем работникам МВД и милиции, что нарушение социалистической законности является тяжчайшим преступлением перед родиной, наносящим вред делу социалистического строительства» [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 78].

Тем не менее, отчёты начальника УМВД и грозные партийные филиппики вовсе не означали урегулирования проблемы. Спустя полгода в сообщении на имя секретаря обкома ВКП(б) по кадрам Б. А. Новожилова всё тот же генерал-майор В.В. Губин докладывал об аналогичном случае в Масловском районе. Вечером 29 ноября заключённый П. был избит на допросе в местной прокуратуре начальником РО МГБ Б. при явном попустительстве районного прокурора, причём оба служителя закона в этот момент были пьяны [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 107]. Сам пострадавший утверждал, что правоохранители при помощи нецензурной брани и побоев требовали от него подписать признание в убийстве, которого он не совершал [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 108—109]. Факт оскорблений и избиения П. со стороны пьяного чекиста подтверждался и рапортом оперуполномоченного уголовного розыска Масловского РО МВД А. А. Кораблёвым, который был вынужден увести заключённого [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 110—111].

Регулярные случаи избиений заключённых в периферийных отделениях МВД послевоенной эпохи не были случайностью. Полковник милиции в отставке А.Г. Трифонов — фронтовик, начавший службу в структурах МВД в конце 1945 г. с должности помощника оперуполномоченного в Рыбинске,

упоминал, что избивание задержанных в послевоенное время практиковалось и там. Из его воспоминаний следует, что так поступил следователь Ю.М. Егачев — сын начальника местного отдела НКВД — по отношению к молодому инвалиду по имени Константин («со всей силы ударил задержанного кулаком по голове»), который ранее дважды был судим, а теперь подозревался в убийстве милиционера на городском рынке [История ярославской милиции: 85—86].

Дисциплина и профессионализм работников правоохранительных структур вызывали тревогу командования УМВД и властей. Рассекреченные документы ярославского обкома ВКП(б) за 1946—1947 гг. свидетельствуют о снятии с должностей с формулировками «за плохую работу», «профнепригодность» или «злоупотребления по работе» заместителя начальника Бурмакинского районного отделения (РО) МВД по милиции П.П. Калистова и ряда сотрудников Пошехоно-Володарского, Брейтовского и Шекнинского РО МВД, а также Красноперевальского и Кировского отделений милиции Ярославля [ЦДНІЯО: ф. 272, оп. 225, д. 505, л. 1—2, 4—5, 11, 14]. Наказания в этот период затронули и руководящий состав областной прокуратуры, где за незнание основ работы, недисциплинированность и недобросовестность, а также за пьянство и «распущенное поведение в быту» были сняты ответственные работники Дмитриева и Волков. Начальника отдела по надзору за милицией Борисова и сменившего его на этой должности Гинбаева по тем же причинам понизили в должности [ЦДНІЯО: ф. 272, оп. 224, д. 171, л. 3].

Согласимся с тезисом современного уральского исследователя В.Н. Мамяченкова о том, что свердловская милиция 1940-х гг. «была такой, каким было всё послевоенное общество» [Мамяченков: с. 209]. Данное высказывание вполне актуально и для Ярославской области. Грубость и жёсткие методы управления в целом были характерны для партийно-советского аппарата сталинской эпохи. Так, 2 апреля 1947 г. в докладе на XII пленуме ярославского обкома ВКП(б) первый секретарь И.М. Турко резко осудил практику частой смены председателей колхозов в Даниловском районе и имевшего при этом место «грубого администрирования» и даже пригрозил всем секретарям райкомов ВКП(б), что отныне будет невозможно снять колхозное начальство с должности без предварительного согласования с обкомом по телефону. Турко критиковал секретарей райкомов за то, что они «партийные собрания, которые положено проводить, не проводят, а под суд отдают. Это ведь легче всего, кричать на всех», и заверил собравшихся в том, что «такое отношение к кадрам мы дальше терпеть не можем» [ЦДНІЯО: ф. 272, оп. 225, д. 309, л. 14]. Подобный факт был отнюдь не единственным.

В силу этого не будет лишним упомянуть, что косвенно на жестокие методы дознания со стороны руководящего состава периферийных РО МВД повлияла и сама партийная номенклатура. На упоминавшемся выше строго секретном совещании от 12 декабря 1946 года секретарь ярославского обкома ВКП(б) по кадрам Б. А. Новожилов утверждал, что причиной роста криминальных проявлений в регионе стало ослабление деятельности структур правопорядка, которые «не приняли более решительных мер в части пресечения преступной деятельности грабительских, воровских и других уголовных элементов и расхитителей социалистической собственности» [ЦДНІЯО: ф. 272, оп. 225, д. 97, л. 1]. По сложившейся советской традиции, соглашаясь с критикой высокопоставленного представителя власти, начальник УМВД генерал-майор В.В. Губин тоже заявил о появлении в работе некоторых его

подчинённых «элементов благодушия, беспечности» и «рассуждения о том, что после войны можно работать полегче, потише» [ЦДНН.ЯО: ф. 272, оп. 225, д. 97, л. 2]. От таких умонастроений власти и командований решительно потребовали отказаться.

Подводя итог совещанию, тот же Новожилов потребовал от ярославских стражей порядка «быть беспощадными и решительными и в то же время умелыми работниками в борьбе с преступными элементами» [там же: ф. 272, оп. 225, д. 97, л. 55], а также призвал их нанести «удар <...> с такой силой, чтобы весь преступный мир почувствовал» [ЦДНН.ЯО: ф. 272, оп. 225, д. 97, л. 56]. Добавим к этому, что не только воинственная и подчас откровенно грубая риторика власть предержащих любого уровня, но и соответствующие способы получения различными силовыми структурами информации в ходе следствия также были характерны для сталинской эпохи. Ещё в начале 1940-х гг. не менее 17 сотрудников правоохранительных органов Ярославской области были привлечены к уголовной ответственности и осуждены за грубейшие нарушения законности (избиения, беспрерывные длительные допросы, лишение сна, помещение подследственных в зимнее время в карцер или в холодные неотопливаемые помещения, угрозы ареста родственников и др.) [Матвеев].

Несмотря на жёсткое осуждение незаконных действий своих подчинённых, командование УМВД было вынуждено учитывать факт общего некомплекта сотрудников — к 1 января 1947 г. он составлял 146 человек. В докладной записке в обком партии В.В. Губин объяснял этот факт низкой зарплатой и непрестижностью милицейской службы в народе [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 14]. Поэтому командование правоохранительных органов всё же попыталось найти смягчающие обстоятельства для провинившихся офицеров милиции. Хотя факты избиений арестованных и задержанных граждан подтверждались тюремными врачами [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 80], начальник УМВД в совершенно секретном донесении от 14 августа 1947 г. акцентировал внимание первого секретаря обкома ВКП(б) И.М. Турко на прежних заслугах виновников. Так, бывший начальник Ильинского РО МВД майор Ч. служил в органах правопорядка свыше 16 лет, относился к службе добросовестно и имел правительственные награды [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 81]. В другом документе В.В. Губин докладывал партийному руководству, что две дочери этого офицера больны туберкулёзом, а сам он тоже нуждался в лечении [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 71]. Его заместитель капитан Р. в предыдущие годы отличился при ликвидации «бандитско-грабительских группировок» [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 71], а бывший заместитель начальника ОУР З. после перевода на должность начальника отдела уголовного розыска в город Щербаков (название Рыбинска в 1946—1957 гг.) в течение короткого времени заметно улучшил работу отдела. В частности, им были раскрыты несколько крупных краж и обнаружены две вооружённых грабительских группы [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 82].

В приведённых документах значились и негативные характеристики пострадавших от милицейских побоев граждан. В частности, В.В. Губин упомянул, что двое жителей Ильинского района, подозревавшихся в совершении краж и избитых за это Ч. и Р., позднее были приговорены народным судом к 3 и 4 годам лишения свободы, а ещё два — к условным срокам [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 71]. Пострадавшими от действий офицеров ОУР были вор-рецидивист Ч., который похитил из кассы магазина

отдела рабочего снабжения (ОРС) фабрики «Красный Перекоп» 25000 рублей, на допросе вёл себя вызывающе и отказывался выдать местонахождение этих денег. Позднее он был приговорён к 5, а два других избитых, бандиты Т. и С., — к 10 годам лишения свободы. Одновременно начальник УМВД докладывал партийному руководству Ярославской области о неких случаях вымысла со стороны заключённых в Рыбинском районе, выявленных при проверке военной прокуратуры войск МВД Московского округа [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 73]. Тем самым командование ясно давало понять, что доверяет заявлениям пострадавших в меньшей степени, чем собственным сотрудникам.

Справедливости ради, нужно признать, что не последнюю роль в подобном поведении милиционеров играли размах и жестокость преступности военного и послевоенного времени, примеры которой можно обнаружить в рассекреченных документах органов правопорядка. Лишь в июле-сентябре 1946 г., как сообщил в конце того же года на строго секретном совещании в обкоме ВКП (б) генерал-майор В.В. Губин, в регионе были зафиксированы 25 убийств, 10 разбоев с убийствами и 6 без убийств, 91 грабёж, 1176 краж всех типов, 22 случая скотоконократства и 241 прочее преступление. Более других от действий «уголовно-преступного элемента» страдали города Ярославль и Щербаков, а также Рыбинский сельский, Ярославский сельский и Курбский районы [ЦДНИЯО: ф. 272, оп. 225, д. 97, л. 3]. За совершение различных преступлений правоохранительными органами были привлечены к ответственности 2004 человека, 1007 из них — арестованы [ЦДНИЯО: ф. 272, оп. 225, д. 97, л. 5]. Тревогу била и местная прокуратура. На том же совещании прокурор Ярославской области старший советник юстиции И. Д. Иванов доложил, что количество граждан, привлечённых к ответственности за бандитизм, возросло со 144 во втором полугодии 1945 г. до 211 в первом полугодии 1946 г., за разбой и грабежи — с 312 до 416; за хулиганство — с 429 до 645 соответственно [ЦДНИЯО: ф. 272, оп. 225, д. 97, л. 14].

О некоторых из этих случаев командование силовых структур оперативно докладывало первому секретарю ярославского обкома ВКП (б). Так, в ноябре 1943 г. в Мышкинском районе бежавшие из Рыблага в прошлом многократно судимые за кражи Ш. и С. зверски убили заведующую Тарарыковской неполной средней школой А.Л. Боброву, похитив у неё продукты, плащ и валенки [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 73, л. 235—235-об.]. В Бурмакинском районе в августе 1946 г. неизвестными преступниками из огнестрельного оружия был убит председатель колхоза имени Сталина Мольков. У него были похищены велосипед и колхозная печать [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 9, л. 141]. В январе 1947 г. в Даниловском районе области демобилизованный безработный Т. и ранее судимый временный рабочий леспромхоза П. с целью наживы убили колхозницу М.К. Белову — вдову фронтовика, имевшую на иждивении пятерых несовершеннолетних детей. Преступники похитили у женщины 6000 рублей, но позднее были арестованы и привлечены к уголовной ответственности за разбой [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 6—8].

Местная партийно-советская пресса также не стояла в стороне, публикуя репортажи о громких уголовных проявлениях в послевоенном Ярославле. Например, в ноябре 1945 г. газета «Северный рабочий» писала о заседании ВТ по делу банды из 11 человек, совершившей вооружённые ограбления магазина № 4 ОРС «Красный Перекоп», а также ряда прочих магазинов и склада

«Главтекстильснаба». От рук бандитов погиб горожанин Уточкин, а некоего Зайченкова они приняли за чекиста и тяжело ранили из пистолета. Журналист В. Елисеева особенно подчёркивала, что, несмотря на переживаемые страной трудности послевоенного восстановления, преступники «вели разгульную жизнь», сбывая похищенное и пьянствуя на вырученные деньги в ресторане железнодорожной станции Всполье. Не мог вызвать сочувствие к ним и тот факт, что на суде они пытались отпираться, то есть инсценировали чистосердечное признание, признавались лишь в раскрытых преступлениях и представляли их как цепь случайных обстоятельств. В этой ситуации неудивительно, что публика поддержала обвинительную речь прокурора майора юстиции Грибкова и вынесенный подсудимым суровый приговор аплодисментами [Елисеева].

Примерно через месяц та же газета сообщала о приговоре ещё одной шайке воров. Некие Лузаков, Белов, Нагайцев и Савельева ограбили кладовую отдела снабжения ярославской конторы Наркомата станкостроения, вынеся вещи общей стоимостью 60000 рублей, и магазин торфопредприятия в Рыбинске. Кроме того, на счету той же шайки значились три кражи в районцентре Ростов, ограбление магазина № 63 Яргорторга, а также убийство гражданина Боронина. С особым негодованием «Северный рабочий» упомянул тот факт, что при задержании Лузаков и Савельева назвались супругами Василием и Марией Жуковыми, то есть выдали себя за других людей. ВТ приговорил главаря банды Лузакова к расстрелу, а остальных её членов — на сроки от 3 до 10 лет тюремного заключения [Убийца...].

Если названные преступники совершали противозаконные действия против обычных граждан, то осенью 1944 г. в Рыбинске бандиты в течение месяца убили 3 военнослужащих Красной Армии, включая офицера. Не случайно в постановлении городского комитета обороны от 19 октября 1944 г. работа правоохранительных органов была охарактеризована как «неудовлетворительная», от них срочно потребовали «значительно усилить меры борьбы с нарушителями общественного порядка» [ЦДНИАЮ: ф. 263, оп. 52, д. 202, л. 3]. После окончания войны, как вспоминал начальник 1-го отделения ОУР капитан милиции И.С. Котов, стражам порядка нередко приходилось применять огнестрельное оружие при задержании особо опасных преступников, которые оказывали вооружённое сопротивление [Котов: 41]. При этом они несли потери: в общей сложности лишь в 1944—1945 гг. в Ярославской области в стычках с уголовниками и хулиганами погибли не менее 7 и были ранены 3 работника сил правопорядка [Тумаков: 75—76].

Ещё в 1932 г. крупный советский юрист, профессор А. С. Шляпочников предложил приравнять общеуголовные преступления к контрреволюционным, так как они также «подрывают социалистическое строительство» [Говоров: 145]. После окончания Великой Отечественной войны любые представители криминального мира по-прежнему воспринимались в официальном дискурсе как «враждебные элементы», то есть явные, но скрытые враги Советской власти, или «пережиток прошлого» [Тумаков: 78, 80], а ветераны органов МВД (в недавнем прошлом — фронтовики) в воспоминаниях даже позднего времени характеризовали нарушителей законности как «преступную нечисть» [Аверин: 23]. В силу этого применение незаконных мер по отношению к подсудимым в послевоенные годы в ряде случаев не казалось сотрудникам правопорядка чем-то негативным. Это обстоятельство можно объяснить как низкой правовой культурой советского общества

сталинской эпохи, так и тоталитарным характером политического режима в стране, и, как следствие этого, беспощадным отношением власти к любому потенциальному противнику.

Список источников

- Аверин В. Сыщик // Сыск. 1997. № 3—4. С. 23—27.
АУФСБ РФ по ЯО (Архив Управления ФСБ России по Ярославской области)
Губин В. Укрепим общественный порядок и безопасность в Ярославле // Северный рабочий. 1945. 25 ноября.
Елисеева В. Перед военным трибуналом // Северный рабочий. 1945. 20 ноября.
Котов И. Послевоенный розыск // Сыск. 2004. № 3. С. 41—46.
Матвеев А. Назовём поимённо // Северный край. 1993. 19 мая.
Убийца приговорён к расстрелу // Северный рабочий. 1945. 11 декабря.
ЦДНΙΑО (Центр документации новейшей истории Ярославской области)

Список литературы / References

- Говоров И.В. Советское государство и преступный мир (1920—1940-е гг.) // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 143—152.
(Govorov I.V. The Soviet State and the Underworld (1920s—1940s), *Voprosy istorii*, 2003, iss. 11, pp. 143—152. — In Russ.)
- Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 229 с.
(Zubkova E.Y. Post-war Soviet Society: Policy and Everyday Life. 1945—1953, Moscow, 1999. 229 p. — In Russ.)
- История ярославской милиции. Ярославль: Аверс Плюс, 2010. 208 с.
(History of the Yaroslavl Militia, Yaroslavl', 2010, 208 p. — In Russ.)
- Мамяченков В.Н. «Преступность среди работников милиции чрезвычайно высока»: моральное состояние и служебная дисциплина работников органов внутренних дел Свердловской области в 1946 — начале 1947 гг. // Научный диалог. 2016. № 6 (54). С. 196—211.
(Mamyachenkov V.N. "Crime among police officers is extremely high": moral state and service discipline of employees of internal affairs bodies of the Sverdlovsk region in 1946 — early 1947, *Nauchnyj dialog*, 2016, iss. 6 (54), pp. 196—211. — In Russ.)
- На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945—1960-е гг. / авт.-сост.: Е.Ю. Зубкова, Т.Ю. Жукова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 816 с.
(Zubkova E.Y., Zhukova E.Y. (ed) On the "edge" of Soviet society. Social marginals as an object of state policy. 1945—1960s, Moscow, 2010. 816 p. — In Russ.)
- Тумаков Д.В. Образы уголовных преступников послевоенной эпохи в оценках советских официальных властей и правоохранительных органов (по материалам Ярославской области) // Учёные записки Орловского государственного университета. 2021. № 4 (93). С. 75—80.
(Tumakov D.V. Images of criminal criminals of the post-war era in the assessments of the Soviet official authorities and law enforcement agencies (based on the materials of the Yaroslavl region), *Uchenyje zapiski Orlovskogo universiteta*, 2021, iss. 4 (93), pp. 75—80. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.02.2022; одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 22.04.2022.

The article was submitted 04.02.2022; approved after reviewing 11.03.2022; accepted for publication 22.04.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Тумаков Денис Васильевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России, г. Ярославль, Россия, denistumakov@yandex.ru

Tumakov Denis Vasylievich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Yaroslavl State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Yaroslavl, Russian Federation, denistumakov@yandex.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 123—133.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 123—133.

Научная статья

УДК 94(37).09

DOI: 10.46726/И.2022.2.14

РИМСКАЯ ВИЛЛА В УСЛОВИЯХ ХРИСТИАНИЗАЦИИ ЛАТИНСКОГО ЗАПАДА

Владимир Михайлович Тюленев

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
tyulenev.vl@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется место римской виллы в процессе христианизации латинского Запада IV—VI вв. Особое внимание обращено на то, что в вилле могло культивироваться особое христианское благочестие, на формирование которого оказывали влияние взгляды владельца виллы, степень осмысления им христианского учения. Утверждается, что христианские практики в виллах осуществлялись вне церковного контроля, что нередко вызывало напряжение между двумя центрами христианизации: епископской кафедрой и аристократической виллой. В статье показано, что вилла благодаря особому топографическому положению нередко становилась местом аскетических практик, в которых сочетались идеалы пустынножительства и традиции аристократического досуга, важнейшим компонентом которого выступала интеллектуальная деятельность. На примере Вивария показано, что даже в условиях упадка вилл, который фиксируется археологами, сами поместья оставались важной ментальной категорией, без учета которой трудно понять феномен созданной Кассиодором монашеской общины. Как и аристократическая вилла предшествующего века, Виварий, как его изображает Кассиодор, отражал дихотомию частного и общественного, соединял интеллектуальный труд монахов с их хозяйственными заботами, направленными в том числе на внешний мир.

Ключевые слова: Поздняя Античность, вилла, римская аристократия, христианизация, монастыри, Виварий

Для цитирования: Тюленев В.М. Римская вилла в условиях христианизации латинского Запада // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 123—133.

Original article

ROMAN VILLA IN THE CONTEXT OF THE CHRISTIANIZATION OF THE LATIN WEST

Vladimir M. Tyulenev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
tyulenev.vl@yandex.ru

Abstract. The place of roman villa in the process of Christianization of the Latin West in the 4th—6th centuries is analyzed in the article. Particular attention is drawn to the fact that a special Christian piety could be cultivated in the villa, the formation of which was influenced by the views of the owner of the villa and the degree of his understanding of Christian teaching. It is argued that Christian practices in the villas were carried out beyond the church control, which often caused tension between the two centers of Christianization: the episcopal see and the aristocratic villa. The article shows that the villa, due to its special topographical position, often became a place of ascetic practices, which combined the ideals of hermit's life and the traditions of aristocratic leisure, the most important component of which was intellectual activity. Using the example of Vivarium, it is shown that even in the conditions of the decline of villas, which is recorded by archaeologists, the estates themselves remained an important mental category, without which it is difficult to understand the phenomenon of the monastic community created by Cassiodorus. Like the aristocratic villa of the previous century, the Vivarium, as depicted by Cassiodorus, reflected the dichotomy of the private and the public, combined the intellectual work of the monks with their economic concerns, directed, among other things, to the outside world.

Keywords: Late Antiquity, villa, Roman aristocracy, Christianization, monasteries, Vivarium

For citation: Tyulenev V.M. Roman villa in the context of the Christianization of the Latin West, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 123—133.

Судьба римской виллы периода поздней Античности, к сожалению, оказалась вне круга вопросов, которые традиционно привлекали интерес отечественных исследователей. Между тем в зарубежной историографии осмыслен достаточно богатый археологический материал, позволяющий судить о трансформации римской виллы в IV—VI вв. и поставить вопрос о связях аристократических поместий с поселениями нового типа [см. особо: *The Roman Villa...*], а также благодаря анализу литературных памятников удалось взглянуть на феномен виллы в рамках широкого историко-антропологического контекста. В результате виллы перестали восприниматься как просто загородные усадьбы аристократии, вместо этого пришло понимание виллы как сложного феномена, объединяющего одновременно резиденцию аристократа, сельскохозяйственные угодья, прилегающие к ней и включенные в широкий спектр арендных отношений [Bowes 2007: 147], и, самое важное, стало очевидным, что римскую виллу вообще, и позднеантичную в частности невозможно понять, пренебрегая тем фактом, что она занимала особое место в римском сознании и служила реальным и/или воображаемым пространством досуга (*otium*), то есть выступала ментальной категорией, вокруг которой строилась дихотомия *negotium* и *otium*, общественного и индивидуального,

служила местом встречи друзей-аристократов и в то же время «самым интимным местом из общественных пространств» [Mratschek: 253]. Эпистолярная культура поздней античности превращала реальную виллу в словесную, риторическую конструкцию [Bowes 2007: 147]. Очевидно, что это пространство виллы (как реальное, так и воображаемое) в период IV—VI вв. переживало серьезную трансформацию, на которую оказывали свое влияние и политический кризис, приведший к гибели римской государственности, и формирование новой религиозной культуры.

В своей статье мы попытаемся обозначить ключевые моменты этой трансформации и ответить на вопрос о том, как виллы влияли на ход и характер христианизации, а также какое место они продолжали занимать в сознании представителей римской аристократии, выбравших новый для себя путь, связанный с религиозным служением. Поскольку же вилла оказалась социокультурным феноменом преимущественно западных частей римского мира [Bowes 2018: 451], то разговор в этой статье будет ограничен именно латинским Западом.

Начать необходимо с того, что в медиевистике давно признается важность аристократических поместий и их владельцев в процессе христианизации сельских районов западной части Империи [Bowes 2007; Codou, Colin; Frend 1979; Wataghin]. При этом современная историография, посвященная вопросу позднеантичной виллы, все более пристальное внимание обращает на потенциальный разрыв между характерными для римской виллы частными религиозными практиками, в основе которых лежали семейные, дружеские, патронатные отношения, и теми формами религиозной жизни, которые сосредотачивались на фигуре епископа [Bowes 2007: 145; Percival: 4]. Во многом такой подход символизировал отказ от более традиционного взгляда на процесс христианизации сельской местности, взгляда, выразители которого игнорировали роль виллы и сельских магнатов, но подчеркивали роль епископов и монахов в христианизации сельской округи (см., напр.: [Frend 1979]). Действительно, латинская агиография старательно формировала образ святого епископа, повсюду распространявшего христианство. Слова Сульпиция Севера о том, что «после Мартина уже не было ни одной местности, которая не обрела бы либо часто посещаемые церкви, либо многолюдные монастыри» (*Sulp. Sev. Vita Mart.* 13, 9, пер. А. И. Донченко), или замечание Констанция Лионского о том, что и по сей день на пути следования епископа Германа Осерского «можно увидеть дома для молитв, кельи и поставленные знаки креста» (*Vita Germ.* 30), вполне способны создать впечатление, что христианизация проходила прежде всего благодаря епископской инициативе. При этом исследователи, видя именно епископов проводниками в деле евангелизации, не только опирались на агиографические тексты, но и предпочитали видеть в епископах IV—V вв. прелатов с примерно тем же набором полномочий, что и средневековые епископы, которые возглавляли приходскую сеть и контролировали сельское духовенство [Bowes 2007: 148—149]. Что же касается живущей в виллах аристократии, то ее представители считались естественными союзниками епископов, эпистолярное общение владельцев вилл и епископов убеждало исследователей в том, что принявшие христианство аристократы и епископы образовывали коалицию, в том числе в обращении сельских жителей в новую для них религию [Dölger: 298—300]. Появление же некоторых представителей элиты на епископских кафедрах, что, действительно, стало почти общим местом для латинского Запада V в., казалось прямым выражением этого союза.

Между тем картина христианизации, а также диалога условных епископа и сельского магната была гораздо сложнее. Как утверждает К. Боуз, особые социальные качества виллы — экономические и арендные структуры, сельская топография, сеньориальная идентичность, — очевидно, играли определенную роль в формировании христианских практик, и вряд ли владельцы вилл вели себя как агенты епископов [Bowes 2007: 150]. Исследования последних лет показали, что сельские церкви, вероятно, были предоставлены сами себе, поскольку границы деятельности большинства епископов IV—V вв. определялись пределами города. Обычный епископ на латинском Западе обладал весьма ограниченными как экономическими, так и социальными ресурсами, чтобы управлять еще и сельской местностью [Lepelley; Sotinel]. Даже такой, казалось бы, могущественный епископ, как Амвросий Медиоланский, сосредоточивая свои усилия по укреплению власти в городе, вынужден был оставлять сельскую местность вне поля своего внимания [McLynn: 252—262].

В свою очередь, обитатели виллы, связанные узами родства и экономической зависимости, и до христианизации составляли религиозные общины, у которых были собственные ритуалы и божества, святылища и храмы [Dölger] именно владелец виллы (*dominus*) занимался строительством культовых сооружений и организовывал сам культ. Смена религии, обращение в христианство не могли полностью уничтожить подобную форму отношений или в короткий срок значительно ее перестроить. Именно зависимые колонны составляли основную часть верующих, которые молились в возведенных владельцами вилл базиликах и крестили своих близких в баптистериях. Более того, если принять максимум Сидония Аполлинария, написавшего однажды своему другу Консенцию: «поместье твое не столько твое, сколько твоих друзей» (*Sid. Ep. VIII, 4, 1*), — религиозная община могла включать также и неопределенный круг друзей римского аристократа. Неудивительно, что Сульпиций Север поместил изображения своего друга Паулина Ноланского и его жены Терасии в баптистерии своего поместья в Примулиаке рядом с изображением святого Мартина (*Paulin. Ep. 32, 7—9*), по-видимому, считая их членами христианской общины своей виллы [Vock: 19; Bowes 2007: 163]. Очевидно, и клирики для проведения литургии выбирались и назначались из жителей виллы, о чем свидетельствует Кодекс Феодосия (CTh 16.2.33 (398)), при этом, правда, рукополагались епископом. И хотя это послание было адресовано Евтихиану, префекту претория Востока, устанавливаемая в нем норма, скорее всего, может иллюстрировать ситуацию во всей Империи. Крайне важно понимать, что эта частная власть аристократов распространялась на сотни и тысячи душ и по своему экономическому и социальному потенциалу вполне могла составлять конкуренцию власти городского епископа.

Епископ же поздней Античности, формально возглавлявший церковную провинцию, оставался прежде всего руководителем городской епархии, хотя жития святых всячески стремятся создать образ епископа как духовного (и не только духовного) лидера всей провинции. Но у епископа было важное преимущество, его прерогативой было решение доктринальных вопросов, отчего епископская церковь воспринималась как носитель правильной веры. В результате «частные» религиозные практики, так или иначе связанные с виллой, нередко вызывали обеспокоенность со стороны церковной и гражданской властей. Действительно, поместье, удаленное от епископского взора, могло стать местом религиозного сопротивления [Frend 1979: 25—42]. Для такого же региона, как Северная Африка, переживавшего на протяжении

десятилетий донатистский раскол, вопрос религиозной самостоятельности виллы стоял наиболее остро. Неслучайно императорская власть оказывала давление на тех собственников, в чьих имениях происходили недопустимые сходки и «порочные сакральные мистерии» (CTh 16.5.54.6 (414)). Сложно сказать, имеем ли мы в данном случае дело с реальной ситуацией или, как полагает К. Боуз, с ересиологическим тропом [Bowes 2007: 166], который связывал определенное место (виллу) с определенной деятельностью (упорством в ереси), но то, что подобное напряжение между двумя «центрами» христианизации сознавалось и, таким образом, было частью мыслительной конструкции, очевидно.

Вилла, отдаленная от города, а часто расположенная вдали от главных дорог, могла культивировать особое, свойственное взглядам и ценностям ее хозяина, христианское благочестие. Ярким выражением этой особенности стало формирование в виллах рубежа IV—V вв. аскетических практик, что свидетельствовало, по замечанию К. Боуз, не столько о христианизации виллы, сколько о «виллаизации» (*villa-ization*) христианства [Bowes 2018: 449]. В условиях, когда сами монашеские практики только складывались, а новоявленные аскеты не имели четкой модели, которой можно было бы следовать, в каждом конкретном случае аскетическая община представляла что-то особенное. На первый план выходил образ жизни, а не устав или правило, хозяин виллы был не столько «настоятелем», сколько вдохновителем, примером. Даже сравнение таких последователей святого Мартина, как Сульпиций Север и Паулин Ноланский, показывает, что их практики, сформированные иной, нежели в случае с Мартином, социальной и культурной средой, скорее были компромиссом между аскетизмом их учителя и тем образом жизни, который формировал досуг римской аристократии [Percival: 9].

Соотношение сил между этим особым благочестием, культивируемым внутри виллы, и культом, сложившимся вокруг фигуры епископа, в каждой конкретной ситуации могло быть различным. В нашем распоряжении есть пример Сульпиция Севера и его друга Паулина Ноланского, каждый из которых на основе своей виллы создал религиозный центр.

Как видно из писем Паулина Ноланского, в конце IV в. Сульпиций Север построил в своем поместье Примулиак церковь и баптистерий. При этом Паулин пишет, что Сульпиций испросил у него для своей «домашней церкви» (*domestica ecclesia*) священную реликвию, которой оказалась щепка от креста Спасителя; собственно рассказу о нем и посвящена значительная часть послания Паулина (*Paul. Nol.* Ep. 31, 1—5). Именно здесь, в Примулиаке, благодаря литературному таланту и организационным усилиям Сульпиция Севера стал оформляться культ святого Мартина [Браун: 68], распространившийся со временем на большую часть Галлии. Очевидно, особая религиозность, базирующаяся на аскетических практиках, культивировалась не только хозяином дома и его ближайшим окружением. Описывая жизнь созданной им общины, Сульпиций в своем последнем «Диалоге» упоминает «толпу монахов» (*turba monachorum*), пришедших послушать прибывшего в виллу гостя, а также множество мирян, желавших присоединиться к слушателям (*Supl. Sev. Dial.* III, 1, 4—6). Даже если мы имеем дело с риторическим преувеличением, слова Сульпиция позволяют допустить присутствие рядом с владельцем виллы некоторого кружка единомышленников. Однако важен не только факт превращения виллы в подобие монастыря, не менее значимыми представляются оговорки Сульпиция Севера о том, что культивируемое им благочестие

встретило если не критику, то, по меньшей мере, непонимание со стороны некоторых клириков (*Sulp. Sev. Dial. I, 2, 4*). Сульпиций подает это напряжение как конфликт между тем образом жизни христианина, к которому стремился он сам, и так называемым «ложным благочестием» городского клира, погрязшего в богатстве, высокомерии, праздности (*Sulp. Sev. Dial. I, 21*). Но не исключено, что риторика Сульпиция, воспроизводящая морализаторские оценки Иеронима Стридонского, была его ответом на попытки епископата установить контроль над местной религиозной инициативой [Bowes 2007: 168].

С другой стороны, Паулин Ноланский, «ставший из сенаторов пресвитером» (*Cassiod. Inst. I, 21, 2*), в поместье, расположенном близ Нолы, создал религиозный центр, вполне независимый от внешнего влияния. Еще до рукоположения в епископы он фактически узурпировал культ святого Феликса, отодвинув в тень тогдашнего ноланского епископа Павла [Bowes 2007: 168], построил на территории виллы церковь и приют для паломников, а впоследствии силой своего литературного таланта старался превратить Нолы в сакральное место, патрон которого Феликс выступал гарантом достижения вечного блаженства [Isléme: 38].

В условиях христианизации, действительно, многое рождалось частной инициативой и лишь со временем те или иные практики обретали свое теологическое обоснование и/или нормативное оформление. Вспомним хотя бы растерянность того же самого Паулина, уже ставшего епископом, который не знал, правильно ли он поступил, ответив согласием на просьбу высокородной вдовы похоронить ее сына близ могилы святого Феликса (*Aug. De cura I, 1*). В результате Паулин счел необходимым обратиться за разъяснением этого вопроса к епископу Гиппона Регия Августину, который оформил свой ответ в виде небольшого теологического трактата «О попечении в отношении усопших» (*De cura pro mortuis gerenda*). Читая сочинения самого Августина, в том числе «О граде Божием», мы можем увидеть, как территории североафриканских вилл рубежа IV—V в. заполнились храмами с мощами святых, от которых местные жители ждали чудес исцеления (*Aug. De civ. Dei XXII, 8*).

Сообщения о религиозных практиках в виллах обычно фрагментарны и кратки, но даже отдельные примеры, дошедшие до нас в источниках, позволяют судить об общих тенденциях в развитии виллы. Очевидно, что в V в. не без влияния, с одной стороны, евангельской проповеди, а с другой, социально-политического кризиса, особенно остро воспринятого римской аристократией, многие ее представители сменили свой образ жизни, уйдя от суеты политической жизни и выбрав путь религиозного созерцания. И если уход Паулина от мира в конце IV в. вызвал неоднозначную реакцию со стороны его друзей [Браун: 66—67], то аскетический образ жизни аристократов второй половины V в. уже не был чем-то удивительным. Так, Сидоний Аполлинарий описывает, как он заехал на виллу Максима и обнаружил своего друга заметно изменившимся: коротко стриженным, но с длинной бородой, отказавшимся от использования роскошной мебели и перин, предпочитавшим простую пищу, где больше было овощей, нежели мяса (*Sid. Ep. IV, 21, 3*). Единственное, о чем Сидоний поинтересовался у присутствовавших, к какому из трех разрядов следует теперь отнести владельца виллы: к монахам, клирикам или кающимся (*paenitentem*) (*Sid. Ep. IV, 21, 4*). Дальнейшая же беседа гостя и хозяина, которую пересказывает Сидоний, касавшаяся деловых вопросов, скорее свидетельствует, что перемена в образе жизни владельца виллы была воспринята как нечто само собой разумеющееся.

Пожалуй, самым известным примером создания на основе виллы религиозного центра является Виварий, основанный Флавием Кассиодором в середине VI в. в Калабрии. Известно, что около 555 г. по возвращении из Константинополя в Италию он образовал в своем родовом поместье Сквиллаций (*Squillacium*, совр. Сквиллаче), вдали от придворной жизни и мирской суеты что-то вроде монашеской общины. При этом из текста кассиодоровых «Наставлений о науках божественных и человеческих», основного источника наших сведений о Виварии, очевидно, что появление на свет общины стало личной инициативой бывшего квестора Остготского королевства. Мы ничего не знаем не только о реакции местного епископа на эту инициативу, но даже имени прелата. С другой стороны, немаловажным является тот факт, что к середине VI в. монашеская жизнь на Западе уже могла ориентироваться на некоторый опыт и установления (в том числе широко известные в латинском мире сочинения Иоанна Кассиана), легшие впоследствии в основу письменных правил, что заставляет предполагать, что жизнь в Виварии подчинялась определенной норме. Судя по тексту «Наставлений», монастырь должен был позиционировать себя не только как центр учености, о чем уже много раз было сказано [O'Donnell; Klauser; Momigliano], но и как морально-дидактический институт, чьи заботы распространяются в том числе на округу, а также как хозяйственная единица. В 32 главе первой книги «Наставлений» Кассиодор призывает монахов Вивария наставлять в добрых нравах крестьян, принадлежащих монастырю, не отягощать их бременем чрезмерных платежей, учить их избегать того, что свойственно крестьянам (воровства и языческих ритуалов), давать образец простоты и отказа от лицемерия (*Cassiod. Inst. I, 32, 2*).

Для начатого в статье разговора, однако, важно обратить внимание на то, что Кассиодор, как и его предшественники, осмысливает новое религиозное пространство в терминах и образах римской виллы. Самым показательным в данном случае является включенное им в «Наставления о науках» описание Вивария: «есть там... орошаемые сады и текущая поблизости богатая рыбой река Пеллена, которая не отличается ни бурным течением, ни мелководьем. Она течёт, искусственно усмирённая для вас: всюду, где это кажется необходимым, принося достаточное [количество воды] для ваших садов и мельниц... Также неподалеку от вас раскинулось море, так что можно заниматься различного рода рыбной ловлей и при желании пойманную рыбу можно пускать в садки. Ибо мы устроили там с Господней помощью прекрасные водохранилища, где под надёжной защитой плавают множество рыб. Они так похожи на прибрежные гроты, что рыба вовсе не чувствует себя в неволе: она может добывать себе корм и прятаться в привычных для себя укрытиях. Мы повелели также устроить там купальни, полезные для исцеления больных тел, туда свободно втекает вода из прозрачных источников, приятнейшая и для питья, и для купания» (*Cassiod. Inst. I, 29, 1*).

Приведенное Кассиодором описание Вивария способно пробудить в памяти читателя картины римских вилл из писем Плиния Младшего и заставить думать о преемственности между аристократической культурой эпохи расцвета Империи и культурой христианских обитателей поздней Античности [Bowes 2018: 449]. Разумеется, мир Флавия Кассиодора уже не был миром Плиния и даже миром Сидония Аполлинария, главного его подражателя среди христианских писателей V в. Как показывает археология, в Галлии уже к концу V в., а в Италии в VI в. произошел упадок и перестройка вилл

[Brogiolo, Arnau: 195]; многие из них обрели новых владельцев, в том числе германцев, большие комнаты в господских домах оказались разделены, очаги сооружались поверх мозаичных полов, на месте римских вилл постепенно рождались поселения иного типа [Bowes 2018: 456]. Варварские вторжения не обязательно напрямую повлияли на судьбу виллы, но, скорее всего, не без влияния со стороны политических преобразований, приведших к разрушению римской государственности, представители римской элиты перестали поддерживать виллу как таковую, монументальная архитектура переставала быть, по словам К. Боуз, важным строительным блоком римской аристократической идентичности, принадлежность к элите уже не требовала участия в дискурсе, основанном на виллах [Bowes 2018: 456].

И тем не менее, как мы видим из приведенного выше описания Вивария, оставленного Кассиодором, как, впрочем, и из всего замысла созданной им обители, вилла в VI веке оставалась важным конструктивным элементом в сознании римлянина. Мы не знаем и вряд ли узнаем, как строилась повседневная жизнь в Виварии, но Кассиодор заставляет видеть в ней прежде всего продолжение литературного досуга благородного римлянина. Еще в начале II в. Плиний Младший писал своему другу Фрундану: «Я разговариваю только с собой и с книжками. О правильная, чистая жизнь, о сладостный честный досуг, который прекраснее всякого дела!.. сохрани себя для литературы и предайся досугу» (*Plin. Ep. I, 9, 5—7*, пер. М.Е. Сергеевко). Спустя же три с половиной столетия Сидоний, описывая Октавиан, виллу своего друга Консенция, показывает, что богатство ее состоит не только из виноградных лоз и тучных полей, но и настолько обширной библиотеки, что трудно определить, чем больше занимается хозяин виллы — возделыванием земли или своего таланта (*Sid. Ep. VIII, 4, 1*). Симбиоз литературных занятий и хозяйственных забот, который подчеркивает тут же Сидоний, указывая Консенцию, что на стил он налегает «не меньше, чем на соху» (*non minus stilo quam vomeris incumbis*), виден и в устройении Вивария. Для большинства читателей Виварий выглядит прежде всего местом интеллектуальных занятий, что не удивительно, если учесть, что значительную часть «Наставлений» занимает обзор библиотеки, собранной Кассиодором для монахов [Klauser; Vuković; O'Donnell: 186]. Но текст «Наставлений» в то же время показывает, что для Кассиодора было важно, чтобы чтение, переписывание и исправление книг дополнялось в Виварии возделыванием полей и садов. Он не только упоминает сады и мельницы в приведенном выше отрывке, но и в главе, посвященной книгам по агрикультуре, где прямо указывает, что «выращивать сады — не чуждо монахам, как и возделывать поля и радоваться обилию урожая» (*Cassiod. Inst. I, 28, 5*). Содержание главы убеждает нас в том, что обитатели Вивария, по мысли его создателя, должны были заниматься также разведением пчел, голубей и рыб (*Cassiod. Inst. I, 28, 6*).

Как и в представлениях Сидония, вилла была общим достоянием хозяина и его друзей, участвующих в литературном *otium*, так и мир Вивария во многом был создан усилиями друзей Кассиодора. Он хвалится тем, что Египтий, проявив любезность, сделал «для нашей родственницы Пробы, святой девы, выдержки из трудов святого Августина, [содержащие] рассуждения по весьма сложным вопросам, различные высказывания и выводы, собрал их в одном томе, разделив их на необходимые части» (*Cassiod. Inst. I, 23, 1*). И тут же поет настоящий гимн своему другу Дионисию, «который, хотя и родился в Скифии, нравами был полностью римлянином» и в котором

соединились «простота с великой мудростью, смирение с учёностью, лаконичность с красноречием» (*Cassiod. Inst.* I, 23, 2), с теплом вспоминает Муциана, Баллатора и Епифания, благодаря чьим переводам с греческого языка библиотека Вивария пополнилась важными кодексами. У нас нет писем Кассиодора периода Вивария, способных показать, что его вилла-монастырь продолжала участвовать в системе эпистолярной коммуникации. Но оговорки Кассиодора по поводу его надежд отыскать те или иные недостающие библиотеке кодексы (*Cassiod. Inst.* I, 3, 6; I, 8, 10) позволяют предположить, что удалившийся в калабрийское поместье бывший придворный продолжал в письмах обращаться к неизвестным нам адресатам для решения своих нужд.

Суммируя сказанное выше, можно констатировать, во-первых, что римская вилла на латинском позднеантичном Западе не только естественным образом испытала на себе влияние христианизации, но и в силу ряда причин (как топографических, так и социокультурных) формировала внутри себя особое христианское благочестие, носители которого — владельцы виллы — порой выступали не столько союзниками, сколько конкурентами епископов в деле евангелизации. Во-вторых, аскетические практики, пришедшие с Востока, оказались созвучны культуре аристократической виллы с ее акцентом на интеллектуальном досуге, в результате чего мы видим на латинском Западе не только ушедших в горы или леса отшельников или неожиданно возникшие «на пустом месте» общежительные монастыри наподобие Леринского, но и попытки создать внутри виллы особый религиозный мир, который лишь условно можно назвать монастырем. В-третьих, даже в период упадка вилл как загородных поселений римской аристократии, поместья оставались важной ментальной категорией, отчего монастыри, создаваемые представителями элиты, формировались по образцу вилл и воспроизводили привычный для них образ жизни.

Список источников

- Apollinaris Sidonius. *Epistolae et carmina*, MGH AA, vol. 8, eds. C. Luetjohann, Th. Mommsen, F. Leo. Berlin: Weidmann, 1887. 484 p. (*Sid. Ep.*).
- Augustinus. *De cura pro mortuis gerenda*, PL, vol. 40, coll. 591—610 (*Aug. De cura*).
- Augustinus. *De civitate Dei*, PL, vol. 41, col. 13—804 (*Aug. De civ. Dei*).
- Cassiodori Senatori *Institutiones*, ed. by R. A. B. Mynors. Oxford, 1961. (*Cassiod. Inst.*).
- Paulini Nolani *Epistulae*, CSEL, vol. 29, ed. G. Hartel, Wien, 1894. 462 p. (*Paul. Nol. Ep.*).
- Plinius. *Epistulae*, ed. by R. A. B. Mynors. Indiana University Press, 1962. xii+400 p. (*Plin. Ep.*).
- Sulpicius Severus. *Dialogi*, CSEL, vol. 1, ed. C. Halm. Wien, 1866, pp. 152—216 (*Sulp. Sev. Dial.*).
- Sulpicius Severus. *Vita Martini*, CSEL, vol. 1, ed. C. Halm. Wien, 1866, pp. 109—137 (*Sulp. Sev. Vita Mart.*).
- Teodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmondianis, ed. Th. Mommsen. Berlin, 1905. 392 p. (CTh).
- Vie de Saint Germain d'Auxerre, ed. and trans. R. Borius, Paris: Les Éditions du Cerf, 1965. 222 p. (*Vita Germ.*).

Список литературы / References

- Браун П. КУЛЬТ СВЯТЫХ. Его становление и роль в латинском христианстве. М.: РОС-СПЭН, 2004. 207 с.
(Brown P. The Cult of the Saints. Its Rise and Function in Latin Christianity, 2004, 207 p. — In Russ.)
- Bock N. Making a Silent Painting Speak: Paulinus of Nola, Poetic Competition, and Early Christian Portraiture. *The face of the dead and the early Christian world*, ed. I. Foletti. Roma, 2013, pp. 11—28.
- Bowes K. “Christianization” and the Rural Home. *Journal of Early Christian Studies*, vol. 15 (2), 2007, pp. 143—170.
- Bowes K. Christianization of Villas. *The Roman Villa in the Mediterranean Basin*, ed. by A. Marzano, G. P. R. Métraux. Cambridge University Press, 2018, pp. 449—460.
- Brogio G.P., Arnau A. Ch. El final de las villas y las transformaciones del territorio rural en Occidente (siglos V—VIII), *Villas tardorromanas en el occidente del Imperio. IV Coloquio Internacional de Arqueología en Gijón*, 2008, pp. 193—213.
- Codou Y., Colin M.-G. La Christianisation des campagnes (IVe—VIIIe siècles), *Gallia*, vol. 64, 2007, pp. 57—83.
- Dölger F. Christliche Grundbesitzer und heidnische Landarbeiter. *Antike und Christentum: Kultur- und religionsgeschichtliche Studien*. Münster, 1976, pp. 297—320.
- Frend W.H.C. Town and Countryside in Early Christianity. *Studies in Church History*, vol. 16, 1979, pp. 25—42.
- Isléme S. Paulinus und sein Nola: Werbung für ein spätantikes Pilgerzentrum. Zurich, 2020. 403 p.
- Klauser T. War Cassiodors Vivarium ein Kloster oder eine Hochschule? *Bonner Festgabe Johannes Straub zum 65. Geburtstag am 18. Oktober 1977*. Bonn, 1977, pp. 413—420.
- Lepelley C. Le patronat épiscopal aux IVe et Ve siècles: Continuités et ruptures avec le patronat classique. *L'évêque dans la cité du IVe au Ve siècle*, ed. É. Rebillard and C. Sotinel. Rome: École française de Rome, 1998, pp. 17—33.
- McLynn N. Ambrose of Milan: Church and Court in a Christian Capital. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1994. 436 p.
- Momigliano A. Cassiodorus and Italian Culture of His Time. *Proceedings of the British Academy*, vol. 41, 1955, pp. 207—245.
- Mratschek S. Creating Culture and Presenting the Self in Sidonius. *The Edinburgh companion to Sidonius Apollinaris*, eds. C. Kelly and J. Van Waardan. Edinburgh, 2020, pp. 237—260.
- O'Donnell J.J. Cassiodorus. Berkeley: University of California Press, 1979. 303 p.
- Percival J. Villas and monasteries in late Roman Gaul. *The Journal of Ecclesiastical History*, vol. 48, 1997, pp. 1—21.
- Sotinel C. Le personnel Episcopal. *L'évêque dans la cité du IVe au Ve siècle*, ed. É. Rebillard and C. Sotinel. Rome, 1998, pp. 105—124.
- The Roman Villa in the Mediterranean Basin, ed. by A. Marzano, G. P. R. Métraux. Cambridge University Press, 2018. 634 p.
- Vuković M. The Library of Vivarium: Cassiodorus and the Classics. Budapest, 2007. 86 p.

Wataghin G. C. Christianisation et organisation ecclésiastique des campagnes: L'Italie du nord aux IVe—VIIIe siècles, *Towns and Their Territories*, eds. G.P. Brogiolo, N. Gauthier and N. Christie, Brill, 2000, pp. 209—34

Статья поступила в редакцию 11.03.2022; одобрена после рецензирования 28.03.2022; принята к публикации 22.04.2022.

The article was submitted 11.03.2022; approved after reviewing 28.03.2022; accepted for publication 22.04.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Тюленев Владимир Михайлович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, tyulenev.vl@yandex.ru

Tyulenev Vladimir Mikhailovich — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, tyulenev.vl@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 134—147.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 134—147.

Научная статья

УДК 1:316:378

DOI: 10.46726/И.2022.2.15

УНИВЕРСИТЕТ В НООСФЕРНОЙ КАРТИНЕ МИРА В.И. ВЕРНАДСКОГО

Геннадий Петрович Аксенов

Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, gen.aksenov@mail.ru

Аннотация. В фокусе статьи — общественно-политические взгляды академика В.И. Вернадского на университетское образование в России. Анализ состояния, перспектив высшей школы в контексте ноосферной картины мира предваряется кратким экскурсом в историю возникновения и становления университета как самостоятельного института. Фиксируется образ университета в рамках европейской культуры, обозначается его место и роль в идеологической, политико-экономической и, наконец, мировоззренческой системе. Выявлены базовые черты высшей школы, обеспечивающие ей статус определяющего фактора развития человечества, главным из которых выступает свобода (автономия). Раскрыто содержание концепта «учащийся народ» через призму представлений об онаучивании общественной жизни. Сделан вывод о том, что именно университет лежит в фундаменте цивилизации, именно он оказывается самым действенным проводником высшего мира знания в общественную жизнь, определяющим фактором становления ноосферы.

Ключевые слова: академик В.И. Вернадский, университет, европейские университеты, уставы российских университетов, автономия высшей школы, ноосфера, наука, научно-исследовательский институт

Для цитирования: Аксенов Г.П. Университет в ноосферной картине мира В.И. Вернадского // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 134—147.

Original article

UNIVERSITY IN V.I. VERNADSKY'S NOOSPHERIC PICTURE OF THE WORLD

Aksenov Gennady Petrovich

Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, gen.aksenov@mail.ru

Abstract. The article focuses on the socio-political views of academician V.I. Vernadsky on university education in Russia. An analysis of the state and prospects of higher education in the context of the noospheric picture of the world is preceded by a brief excursion into the history of the emergence and development of the university as an independent institution. The image of the university is fixed within the framework of European culture, its place and role in the ideological, political, economic and, finally, worldview system are indicated. The basic features of higher education are revealed, providing it with the status of a determining factor in the development of humanity, the main of which is freedom (autonomy). The content of the “learning people” concept is revealed through the prism of ideas about the scientification of social life. It is concluded that it is the university that lies at the foundation of civilization; it is the university that turns out to be the most effective conductor of the higher world of knowledge in public life, the determining factor in the formation of the noosphere.

Keywords: academician V.I. Vernadsky, university, European universities, statutes of Russian universities, autonomy of higher education, noosphere, science, research institute

For citation: Aksenov G.P. University in V.I. Vernadsky's noospheric picture of the world, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 134—147.

Введение. Университет как социальный институт высшего порядка появился в Европе в конце XI в. Он стал продуктом сочетания нескольких факторов всемирной истории. Во-первых, его формирование было обусловлено острой фазой борьбы двух ветвей власти — духовной и светской. Во-вторых, повлиял фактор восстановления античной науки и методологии, что позволило сформировать научное мировоззрение на базе школьной грамотности. Сегодня многие историки относят эпоху Возрождения на триста лет раньше [Brooke]. В роли третьего фактора выступили потребности муниципальной революции, обозначившей переход от родоплеменного строя к социальному.

К середине XI в. католическая церковь переживала глубокий кризис идентичности и была раздроблена. Поскольку многие епископы были не только главами церквей, но и держателями земельного лена от светского вассала любого ранга, те легко управляли ими по всем остальным делам. В том числе они собирали церковные соборы для решения вопросов веры. Соответственно, и император Священной Римской империи управлял папой Римским и даже зачастую назначал его.

Сопротивление местной власти началось во французском монастыре Клуни, который добился переподчинения от местного епископа напрямую папе Римскому. Множество монастырей по все Европе последовало этому примеру. В 1073 г. бывший клунийский монах Гильдебранд стал папой Римским под именем Григорий VII. В 1075 г. он издал «Диктаты», где провозгласил безусловный примат церкви над светской властью под лозунгом: «Король либо клирик, либо мирянин!». Иначе говоря, правитель ни в коем случае

не должен вмешиваться в дела церкви, а наоборот, должен подчиняться папе. Только папа Римский имел право издавать законы, т. е. имел высшую юрисдикцию над всеми властями. В целях единства и независимости церкви только папа назначает и снимает епископов. Из-за этого важнейшего пункта — права инвеституры — немедленно началась так называемая война пап и императоров. В наших учебниках она упоминается, но без объяснения ее всемирно-исторического смысла. В западной науке это событие называется «папская революция» [Берман].

Война закончилась в 1122 г. заключением Вормского конкордата, согласно которому папа назначал епископа как главу церквей, а светский сюзерен вручал ему знаки управителя земель.

За сто лет на волне духовного воодушевления в Европе возникли тысячи городов, полностью изменивших лицо континента. В отличие от других частей света они строились не возле вооруженного двора князя или рынка, а вокруг храма. Этот новый тип города назывался «присяжная коммуна», поскольку каждый гражданин давал клятву его защищать, а права города удостоверялись королевской грамотой как самоуправляемого поселения.

Но самое важное, что в ходе революции церковь, утверждая свою юрисдикцию, провозгласила права человека естественными, т. е. данными по рождению, от Бога, но не от государства. А чтобы транслировать небесную справедливость на землю, необходимо было разработать четкую правовую процедуру. Она была обретаена в виде открытого в то же время кодекса римского императора Юстиниана. По своей значимости книга была приравнена к творениям отцов церкви.

В Болонье монах Ирнерий создал школу толкователей римского права (глоссаторов), и устремившиеся сюда со всей Европы школяры в 1088 г. образовали свой цех, *университас*, который заключал договор с городским советом и приглашал лекторов. Очень быстро установился порядок занятий, существующий и до сегодняшнего дня: лекции, самостоятельная работа студентов, диспуты, защита диссертаций и присвоение дипломов доктора права. Вскоре в Болонью была переведена медицинская школа из Салерно, а затем образован и богословский факультет.

Именно такой трехчастный университет оказался чрезвычайно полезен городу. Бюргер остро нуждался в его выпускниках: юрист помогал ему в делах, врач заботился о его телесном здоровье, а священник о душевном. Легисты быстро разработали все отрасли права: административное, уголовное, корпоративное, торговое, морское, феодальное. Полностью преобразилась деловая жизнь, в нее вошли нотариат, правильно оформленные договора, ценные бумаги. Изменилась дипломатия, правоведы заполнили суды, дворы государей и городские ратуши. Стало расширяться образованное городское общество, а самоуправление стало в дальнейшем основой европейской свободы и открытого общества [Вебер]. Темные века кончились. Преобразились искусства, архитектура, литература.

Так наука сделалась главным орудием борьбы церкви со светской властью, и вскоре победила, так как оказалась выгодна всем. В европейских странах право вскоре вытеснило родовые обычаи, в том числе племенные «Правды», поскольку законы королей и князей освящались римским престолом. Повсеместно возникли правильные епископские суды в дополнение к городским и княжеским, которые могли решать не только дела веры, но и любые другие [Берман]. Церковь провозглашала равенство всех перед законом.

Университетская инфраструктура позволила сохранить и развивать науку как профессиональную деятельность. Ускоренными темпами совершенствуются инструменты умственного труда, прежде всего книги как источники знаний. К XV в. в Европе насчитывалось уже 86 университетов, они стали базой единой мировой цивилизации [Аксенов 2018].

Борьба за автономию. Вернадский прекрасно описал собственные чувства и чувства своих друзей при поступлении в университет в 1881 г.: «Выход в университет был для нас действительным духовным освобождением. Петербургский университет того времени на физико-математическом отделении был блестящим. Менделеев, Меншуткин, Бекетов, Докучаев, Фаминцын, М. Богданов, Вагнер, Сеченов, Овсянников, Костычев, Иностранцев, Воейков, Петрушевский, Бутлеров, Коновалов — оставили глубокий след в истории естествознания в России. На лекциях многих из них — открылся перед нами новый мир, и мы все бросились страстно и энергично в научную работу, к которой мы были так несистематично и неполно подготовлены прошлой жизнью» [Вернадский 1997: 207].

Для него и его студенческих друзей университет стал высшей жизненной ценностью. Более того, они специально изучали описанную выше историю университетов в каждой европейской стране. Вернадский исследовал английские Кембридж и Оксфорд, читал газетные парламентские отчеты о состоянии и проблемах высшей школы. Конечно, они хорошо знали, что истинно творческая атмосфера в Петербургском и в других университетах страны была далеко не случайна. Она создана великими реформами Александра II, когда стал действовать новый устав 1863 г. Он утверждал свободу профессорской корпорации, свободное посещение лекций, свободу студенческих организаций. Вернадский и его друзья возглавили созданное в то время студенческое научно-литературное общество. Он сделал здесь два первых научных доклада. Вернадский руководил еще Союзом землячеств университета.

Но именно в конце их студенчества в 1884 г. был издан новый Устав, покончивший с реформаторским либерализмом в университетах. Всякая выборность запрещалась, все решалось в министерстве народного просвещения. Студенческое научно-литературное общество было закрыто как «рассадник вольномыслия». Вот почему, став профессором минералогии и кристаллографии Московского университета, Вернадский вскоре включился в борьбу за изменение Устава. Дело в том, утверждал он, что правила внутренней жизни университета не являются безразличными к содержанию обучения. Наука не терпит регламентации, она есть область творчества, связанная со свободой человеческой личности. Поэтому университет должен быть подобен монастырю: максимально возможная независимость от внешних регламентаций и строгая дисциплина внутри. Правила жизни университета должны диктоваться не распоряжениями и законами государства, а самой наукой и научной деятельностью профессоров. Поэтому истинным хозяином внутри университета должен стать Ученый совет.

Вследствие нарушения этих исконных принципов к началу XX в. русские университеты переживали тяжелый кризис. Первыми его почувствовали студенты, начались волнения. Правительство ответило репрессиями, вплоть до отдачи в солдаты забастовщиков в Киевском университете. В довершение всего министр народного просвещения был убит террористом, и новый министр разослал в университеты циркуляр с предложениями по исправлению нестроения. Вернадский живо откликнулся на него брошюрой, в которой

описал историю русских университетов, оказавшихся с самого своего возникновения мало совместимыми с основами авторитарной власти. Закончилась история утверждением устава 1884 г., по которому, как оказалось, университет не может жить. Началось к тому же, как описывает Вернадский, повальное бегство в европейские университеты, прежде всего евреев и женщин, которые не могли получать образование на родине. Он подробно разбирает катастрофические последствия устава 1884 г., задержавшие течение университетской жизни, и предлагает следующие меры: «Полная автономия университетской профессорской корпорации, представленной Советом университета. Правление и другие хозяйственные комитеты являются его исполнительными органами, дающими ему отчет, и им выбираются. Совет выбирает ректора, деканов, профессоров и представляет их на утверждение министра народного просвещения. Совету предоставлено право утверждения университетской сметы и ревизии ее исполнения» [Вернадский 2002: 142].

В остальных пунктах Вернадский утверждает, что министр руководит университетом через попечителя учебного округа, который следит только за соблюдением закона университетскими властями; инспекция как средство слежки за студентами и преподавателями должна быть ликвидирована; вводится свобода посещения лекций и студенческой самодеятельности; доступ в университет должен быть расширен, а его средства увеличены.

Вернадский разослал брошюру заинтересованным лицам, и началась бурная и гласная общественная борьба за утверждение автономии, закончившаяся определенным успехом [Аксенов 2015: 121—125]. 27 августа 1905 г. царь утвердил требования профессоров своим указом и ввел временные правила с началами автономии. Первым выборным ректором Московского университета был избран профессор, философ князь Сергей Николаевич Трубецкой. Однако его ректорство продолжалось недолго, он скоропостижно скончался 27 дней спустя. Через три года, в статье памяти своего дорогого друга, Вернадский ярко описал личность Трубецкого, знатока греческой философии, которую он преподавал. Вернадский показал, как творческая мысль философа, причем глубокого мистика по своей натуре, становится ценнейшим достоянием национальной культуры.

«Мы наблюдаем в его жизни и в философском мышлении живой пример глубокой гармонии обычно разделенных проявлений духовной жизни человека — мистических элементов веры, философского мышления и научной мысли. Его *личность* всюду вносила необходимый корректив и создавала своеобразную гармонию» [Вернадский 1997: 165].

Но университетская автономия продолжалась недолго, всего шесть лет. Без всяких указов она была ликвидирована распоряжением министра о снятии со своих постов руководства Московского университета, которому поставили в вину участие студентов в похоронах Льва Толстого. В знак солидарности с ректором 21 профессор и 130 преподавателей и ассистентов подали в отставку. Вернадский писал в 1912 г.: «Научные и академические традиции глубоко вошли в русскую школу, и не могут ученые — в целом — долго беспрекословно подчиняться канцеляриям. Те, кто замещает ушедших, далеко не в большинстве своем являются послушными чиновниками. Многие из них станут на ту же академическую почву, на которой стояли ушедшие и изгнанные» [Вернадский 2002: 199].

К идеалу учащегося народа. Несмотря на тормозящую политику Министерства народного просвещения, новые учебные заведения развивались

невиданными темпами. Во-первых, университеты, институты и специальные школы открывались благодаря усилиям других министерств, остро нуждавшихся в высокообразованных специалистах. Во-вторых, их учреждали общества. Так, например, в Москве купеческое общество открыло в 1906 г. Коммерческий институт, ректором которого стал еще один друг Вернадского и соратник по кадетской партии, бывший профессор Московского университета П.И. Новгородцев. В-третьих, впервые в истории страны высшие учебные заведения стали открываться частными лицами. В Москве в 1908 г. начал работу университет, созданный на средства и по завещанию золотопромышленника А.П. Шанявского. Вернадский принял участие в долгой борьбе за преодоление позиции министерства, всячески противившегося открытию, а затем преподавал в университете, который просуществовал до 1918 г.

В стране нарастало и встречное движение — стремление молодежи к повышению своего образования. На такой волне земства в губерниях создавались общественные университеты, не выдававшие дипломов о высшем образовании.

Вернадский, чутко ловивший тенденции в области образования, в течение трех предвоенных лет анализировал его в годовых обзорах состояния высшей школы [Вернадский 2002: 219—261]. Они не потеряли своего значения и до сегодняшнего дня, поскольку в них общественные явления увязывались с мировыми процессами эволюции науки. К этому времени у него начало складываться глубоко научное представление о планете как о месте обитания жизни, которая находится в развитии, в подвижном состоянии. Книга «Геохимия», в которой представлено новое знание о поверхности планеты, вышла во Франции через 10 лет после этих обзоров. Основываясь на сформированном в его книге понятии о человечестве как геологической силе космического масштаба, философы П. Тейяр де Шарден и Э. Леруа создали термин «ноосфера», отображающий современное состояние биосферы, в которой лидирует научная мысль и научная практика людей. Вернадский принял этот термин позднее, хотя само явление природы описал значительно раньше, в том числе в одном из упоминающихся обзоров высшей школы в России, а именно в анализе ее состояния за 1913 г.

Современная форма высшего образования, говорит в этой замечательной статье Вернадский, уходит своими корнями в средневековье, но за последние десятилетия, начиная с середины XIX в., она претерпела глубокие изменения вследствие колоссального роста научного знания. «Благодаря усилению этого темпа старые уклады передачи молодым научно достигнутого быстро становятся неподходящими, приходится создавать новые формы, вводящие завоевания науки и техники в извека сложившиеся прежнюю жизнью человечества схемы, системы, предметы высшего образования» [Вернадский 2002: 206].

Наука, так резко меняющая содержание научного образования благодаря внесению научности в отношения людей, образует и новую социальную среду. Если раньше общественная жизнь и формы государственности базировались на религиозных идеологиях или на основе обычаев народа, то наука уже с самого начала, обосновавшись в университетах, начала их переделывать на чисто научных началах. Наука глубоко демократична, в ней нет преклонения перед авторитетами. Первоначально полученная личностным путем научная истина с течением времени и приростом знания обезличивается и становится всеобщим и бесспорным достоянием. Она входит в жизнь ненасильственно. Вот почему, пишет Вернадский, «демократизация жизни и тесно связанное с ней уважение ко всякой без исключения человеческой личности

исторически были прямым и непосредственным следствием научных успехов и роста научных знаний и научной техники» [Вернадский 2002: 207].

И третьим важнейшим следствием роста высшего образования стало распространение единой культуры на весь земной шар. Родившись в средние века, наука и университет постепенно принимаются остальными странами. В наше время, указывает Вернадский, последние страны древних культур — Китай, Индия, Япония, Индокитай и мусульманский восток покончили с изоляцией. «Только наука и тесно связанная с нею техника вызывают единство культуры для всего человечества, достигают того, к чему напрасно стремились различные формы религии и школы философии. Это является неизбежным следствием самой сущности науки — единой, в основе своих выводов для всех обязательной и непререкаемой. Одной из форм организации научной работы является высшая школа» [Вернадский 2002: 208].

Развитие научного знания вызывает и еще одну интересную особенность высшей школы, которой раньше не было, а именно — участие взрослых людей в образовании. Сегодня уже нельзя овладеть профессией как раньше — раз и навсегда, необходимо пополнять свои знания в соответствии с ростом науки. Вернадский предрекает, что наступит такое будущее, в котором люди будут учиться на протяжении всей своей жизни.

Изменится и фундамент университета — элементарная школа. Гимназия и реальные училища уже сейчас, замечает он, превышают объем знаний старого университета двухсот- и трехсотлетней давности. Появился высший тип школьного образования — специализированные колледжи (США и Англия), французские лицеи. В России такой формой был Александровский лицей и Училище правоведения, но министерство не дает простора такому образованию.

Ну и наконец, самой заметной особенностью университетов нашего времени, говорит Вернадский, является их деятельное участие в научно-исследовательской деятельности. Если ранее они считались организациями для обучения юношества, и министерство к такому идеалу и стремилось — к превращению вузов в лицеи, то теперь в связи с научной революцией конца прошлого — начала нынешнего века, они включаются наравне с исследовательскими организациями в научную деятельность. Профессор не только обучает, но ведет самостоятельную исследовательскую работу. Вот почему в вузах возникают не только музеи и библиотеки, но и лаборатории, ведущие изучение объекта наравне с обучением дисциплины. «Лаборатории, клиники, научные институты, семинарии большого, хорошо устроенного университета со второй половины XIX века получили широкое развитие и место в преподавании, изменили до неузнаваемости старинный университет прежнего времени» [Вернадский 2002: 216].

В то же время количественный рост таких обученных специалистов, не обязательно являющихся хорошими преподавателями, заставляет расти и новые отрасли, говорит Вернадский, уже не связанные напрямую с обучением юношества. В следующих словах он вдумывается в смысл процесса, раскрывающего понятие о ноосфере, которое вскоре займет такое видное место в его мировоззрении: «Эти лаборатории, музеи, сады, институты отчасти стоят отдельно, частью связаны с академиями и свободными обществами. С каждым годом сеть этих учреждений растет, и сейчас мы видим в этой среде любопытные попытки мировой организации — первые шаги общечеловеческой научной организации исследовательской работы» [Вернадский 2002: 217].

Вернадский во главе министерства народного просвещения. После февраля 1917 г. и создания Временного правительства Вернадский как член ЦК конституционно-демократической партии, как широко известный профессор и академик выходит на первые роли в сфере организации науки и высшего образования. Уже в марте он назначен председателем Комиссии по ученым учреждениям и научным предприятиям и членом комиссии по реформе высших учебных заведений при Министерстве народного просвещения. В июне возглавил выборную должность при Министерстве земледелия — председателя Сельскохозяйственного ученого комитета (СХУК).

В августе друг и коллега по Академии наук, ее неперемный секретарь академик Сергей Федорович Ольденбург был назначен министром народного просвещения и предложил Вернадскому стать у него заместителем, товарищем по тогдашней терминологии. Сознавая всю шаткость положения, Вернадский тем не менее согласился и оставался на этой должности и после ухода Ольденбурга вплоть до большевистского переворота, в уже ушедшем в подполье Временном правительстве. С арестом министра, профессора С.С. Салазкина он фактически взял на себя все министерство и вместе с другими членами правительства подписал два важнейших документа: декларацию об объявлении большевиков узурпаторами и постановление о созыве Учредительного собрания. Они появились в уцелевших еще газетах, после чего Вернадский был вынужден бежать на Украину, где он создал Академию наук, Национальную библиотеку и возможные в тех условиях вузы.

Таким образом, его министерская деятельность продолжалась недолго, но и она не пропала даром, поскольку у него была конкретная программа резкого улучшения всей системы высшего образования и науки в стране. Вспоминая эти месяцы, Вернадский писал: «Я столкнулся здесь с чрезвычайной случайностью распределения высших учебных заведений в нашей стране и с чрезвычайной редкостью и случайностью больших центров научной работы, не связанных с высшей школой. В короткое время, пока мне пришлось работать, был открыт Пермский университет, подготовлявшийся еще годами до революции... Поднят вопрос о создании <...> Грузинской Академии наук и об Академии наук на Украине и в Сибири» [Вернадский 1994: 209].

Украинскую Академию он создавал в 1918 г., но уже в независимом государстве. В своем же Министерстве на ноябрь 1917 г. он планировал общее собрание профессоров высшей школы страны с широкой программой полной реформы. Одновременно в его планы входило предложить правительству программу создания широкой сети научно-исследовательских институтов, распределенных по стране. В двух номерах самой авторитетной газеты «Русские ведомости» Вернадский проанализировал обширное и взрывное изменение роли научных исследований, происшедших в военное время: «Мысль людей направлена на будущее, на устройство жизни, в котором они были бы обеспечены от катастроф, подобных переживаемым, на возможно быстрый и менее мучительный выход из последствий войны, на восстановление нарушенного войной государственного и частного хозяйства. При таком настроении человечества приобретают огромное значение те возможности, которые открываются во всех этих направлениях при широком развитии научного мышления, научного исследования, научной творческой работы» [Вернадский 2002: 59].

Указав, что в других странах именно научно-исследовательские организации становятся локомотивами возрождения наций после войны, Вернадский пишет, что фактически становятся насущной практикой казавшиеся

ранее утопическими мечтания лучших умов человечества, уже с XVI в. предрекавших наступление царства науки. Однако при такого рода планировании следует сознавать, что только свободное научное творчество должно стать заботой государственных органов, причем без деления на прикладные и чистые исследования, на науки естественные и общественные: «Прикладные научные исследования науки получаются просто и легко, когда в государстве будут созданы люди науки и научные организации, находящиеся во всеоружии знания в максимально доступной для человечества в настоящий исторический момент времени» [Вернадский 2002: 60—61].

Явная и обнадеживающая особенность наступающего мирового этапа развития на научной основе заключается в ее социальной роли: наука легко и свободно, без всякого государственного насилия объединяет страны и народы. Для России эта черта научного действия особенно ценна и крайне необходима. Страна разнообразна по природным условиям, а самое главное — по своему племенному составу, но зато ее территория едина, у нее нет заморских земель. Вот почему правильно распределенные по всей стране научные организации способны объединить населяющие ее народы. Наука выгодна всем. Она есть средство покончить, наконец, с государственным насилием, выразившемся в том числе и в русификации. «В целях государственного единства наши стремления должны идти по другому направлению, чем они идут сейчас. Мы должны смело и решительно стремиться к государственной организации взаимного ознакомления составляющих Россию народностей, к государственной организации их изучения, к государственному содействию их стремлениям в этом направлении. Должна оказываться широкая государственная помощь изучению истории, языка, этнографии, литературы населяющих Россию народностей, изучению родоноведения отдельных областей нашей страны. Все эти стремления должны из области центробежных сил, какими они теперь являются, перейти тем самым в область сил, сливающих государственное единство» [Вернадский 2002: 67].

При этом народности, населяющие страну, получают такие средства для своего культурного и экономического роста, которые они никогда не получают при централистской организации государства. Необходимо помнить, добавляет Вернадский, что, организуя и поддерживая научное творчество, государство не должно и не может вмешиваться в существо научной творческой работы. Наука по своей форме представляет сферу новизны, также как искусство, религия и философия, но содержательно дает основу более могучую и более вечную, чем другие виды творчества. То есть и сама организация науки должна быть предоставлена творчеству свободной личности. «Задачей является не государственная организация науки, а государственная помощь научному творчеству нации» [Вернадский 2002: 69].

Эти строки, опубликованные в июне 1917 г., могут рассматриваться не только как упущенный путь научного развития страны, которая буквально через три месяца в угоду утопической идеологии стала на путь насильственного скрепления своих частей. В те немногие месяцы работы во Временном правительстве Вернадский мог претворить в жизнь свои прежние тезисы, выработанные в обзорах высшей школы. Он твердо знал, что высшее образование — и о том говорил весь опыт университетов в Европе — успешно работает при любых переменах власти, если, конечно, его физически не уничтожают. Университет как будто совсем не связан с властью, поскольку не требует от нее управления, он автономен в согласии с высшим уровнем

человеческой организации. «Они (научные работники. — Г.А.) должны и в эпоху революционной разрухи увеличивать интенсивность научной работы и организацию высшего образования уже потому, что обе эти стороны духовной деятельности человека по самой сути своей требуют непрерывного развития и расширения, раз только они являются живыми: *всякая* остановка их роста, даже при продолжении их функционирования, является для них недопустимой и равносильной застою и разложению» [Вернадский 2002: 81].

Вернадский указывает на тот урок, который высшая школа получила в предреволюционный период: она развивалась вопреки политике министерства народного просвещения под давлением самой жизни, выражавшейся в огромной тяге молодежи к знаниям. В условиях свободы даже за немногие месяцы было сделано немало. Удалось создать несколько новых центров высшей школы, начали выработываться новые типы высшего образования, проведены в жизнь начала автономии. Быстрыми темпами шло продвижение высшей школы на восток страны, как и рассчитывал Вернадский, создавались новые факультеты, в частности, востоковедческие, связанные с изучением арабского языка и культуры и вообще меняющиеся в связи с местной жизнью и местной культурой.

Впервые в истории страны был составлен государственный план организации научной работы. Бюджет науки поднялся с 780 тысяч рублей в 1917 г. до миллиона в 1918 г. [Вернадский 2002: 88]. Согласно плану Вернадского на начало года созывался съезд представителей всех ученых организаций с целью создания Союза ученых учреждений. Эта мощная структура должна была влиять самым «широким образом» на государственную помощь научным организациям независимо от подчиненности: центральному правительству, ведомственным, местным и частным учреждениям. Фактически должен был быть создан Фонд помощи научным работам, которые создались значительно позже, в самом конце советской власти для раздачи грантов учреждениям или отдельным ученым. Не менее грандиозные планы Вернадский намечал и в СХУКе.

Менялась вся картина высшего образования и науки. Она становилась полностью автономной от государственного вмешательства. Ученый труд не нуждается в руководстве. Совершенно самостоятельной становилась Академия наук, Геологический комитет и другие учреждения науки. Такова была обстановка накануне большевистского переворота. Но, пишет Вернадский: «Работа Министерства народного просвещения была со всеми ее многочисленными проектами и начинаниями разрушена государственным переворотом, и началась деятельность Комиссариата народного просвещения» [Вернадский 2002: 85].

Характерной чертой нового строя оказалось новая роль студенчества и преподавателей вузов. Если ранее они были одной из сил революционного движения, то теперь они оказались в страдательном положении. Тем не менее, и в новых условиях высшая школа, как представительница высшего уровня бытия по сравнению с другими учреждениями старого режима, пострадала в наименьшей степени, хотя автономия всех учреждений была заглушена «полицейской и бюрократической» новой властью, а все планы были остановлены.

Какая революция победит? Буквально через три месяца после этой статьи Вернадский начал свое недобровольное и чреватое иногда смертельным риском путешествие по югу России, длившееся три года. В течение всей гражданской войны он укреплялся в уверенности, что научная революция окажется гораздо более мощной силой, чем социальная революция. Именно за эти три года он написал важнейшие работы, в которых разработал будущие черты

ноосферы, еще не зная самого этого термина. Если его вывод о научном развитии человечества верен, значит, он должен быть доказан социальной практикой.

Оказавшись во франгелевском Крыму, здесь, на этом клочке еще свободной русской территории, он мгновенно начал создавать инфраструктуру научно-технического прогресса. Умственный потенциал полуострова в 1920 г. стремительно вырос за счет спасавшихся от большевиков научных работников. Для их объединения Вернадский по образцу академической Комиссии по изучению естественных производительных сил сразу создал такую же в Крыму, организовал ряд экспедиций для разведки самых необходимых и первоочередных ресурсов. Как и общероссийская Комиссия, она стартовала мощно, вскоре уже был выпущен первый сборник трудов о естественных производительных силах полуострова: о злаках, белой глине, морских ресурсах.

И в первом же докладе в КЕПС Крыма он обосновал главное положение будущей теории ноосферы — о человечестве как геологической силе. Именно благодаря науке и научной мысли люди становятся не просто частью биосферы, но стремятся к уровню мощности бактерий как ведущей геологической силы. Вернадский обратил внимание, что события мировой войны и русской революции повергли многих ученых и вообще сознательных людей в скепсис относительно стройного течения человеческого прогресса и падения культуры человечества. «Мне представляются эти опасения противоречащими тому значению и тому положению, которое занимает наука нашего времени. Никогда еще в истории человечества не было такого периода, когда наука так глубоко охватывала бы жизнь, как сейчас. Вся наша культура, охватившая всю поверхность земной коры, является созданием научной мысли и научного творчества. Такого положения еще не было в истории человечества и из него еще не сделаны выводы социального характера» [Вернадский 1997: 131].

Начиная с 1916 г. Вернадский работает над концепцией глубокой связи общественного развития с природой, которая для него уже не философское, а точное понятие, т. е. биосфера как геологическая оболочка планеты, образованная живым веществом. Соответственно, он уже уяснил себе, хотя и не мог напечатать такого рода работы, что появление в ходе эволюции разума и человечества тоже не является случайным явлением. Напротив, оно готовилось много миллиардов лет — пока неизвестно сколько — хода геологических событий, синхронных и неотделимых от биологической эволюции. И потому называет его появление стихийным, т. е. естественным и закономерным, не зависящим от воли человека, как бы необычно это не звучало. Человечество в целом производит геологическую работу, аналогичную деятельности всего остального живого вещества. С появлением науки эта работа резко усилилась и сейчас уже становится заметной невооруженным взглядом. «Структура человеческой жизни должна — и неизбежно будет — изменена в том направлении, которое соответствует тому естественному стихийному процессу, в который как неизбежное звено входит культурная работа человечества» [Вернадский 1997: 133].

Как происходила перестройка высшей школы на советский лад, Вернадский ощутил на своем горьком опыте в Таврическом университете. Выздоровев от едва не погубившего его тифа, в марте 1920 г. он был избран профессором на кафедру минералогии, а в сентябре — ректором университета. Но ректорство его продолжалось только до начала 1921 г. В ноябре в Крым вошли красные войска, власть оказалась в руках ревкома и чекистов. Научные учреждения и университет немедленно подверглись чистке, а профессора

должны были путем опроса подтвердить свою лояльность новой власти. Вернадский написал в своей анкете, что он против любого террора, в том числе и «революционного» и был вскоре уволен с должности ректора. Ни о какой автономии университета речь уже не шла. Но самое главное — началось разделение университета на самостоятельные школы прикладного характера. В 1925 г. Таврический университет, уже переименованный ранее в Крымский, перестал существовать. Но Вернадский, хотя и был отстранен от ректорства, не мог стерпеть такой перестройки, разрушившей не только его практику, но и зачеркнувшей многосотлетнюю историю университета. Он написал специальную записку новым властям, объяснив всю пагубность их политики.

Он писал, что университет стоит выше всякой власти и самого государственного строя. Не бывает науки буржуазной и социалистической, чем оправдывали новые реформаторы свои действия. Наука и соответственно высшая школа едина и неделима. Превращение университета в прикладные институты на самом деле деяние не социалистическое, а наполеоновское. Это Бонапарт хотел «приблизить школу к жизни» и реорганизовал университеты, что привело к их упадку и к необходимости последующего восстановления предыдущего состояния. «Приближение обучения к жизни» есть пагубный путь консервирования практики вместо ее развития. Университет должен существовать как целое. «Грань между прикладной наукой и чистой наукой в XX веке исчезла, и с каждым годом техника все глубже охватывается чистым знанием, а теория все сильнее облекает задачи практической жизни. И было бы величайшей ошибкой для всякого народного правительства, вырывая из науки ее часть, давать народу полужнание как раз в тот момент, когда можно дать ему полное знание» [Вернадский 2002: 263].

Такая политика непредусмотрительна. Если, как заявляет власть, республика окружена врагами, то в тех государствах знание развивается в полном его объеме, с годами они заведомо становятся сильнее. Там существует не только техническая выучка, но и научная техника. «Наука идет сейчас вперед с небывалой в истории быстротой и переживает в данный момент революцию, по своему значению и глубине более значительную, чем та социальная революция, которая так нас охватывает в жизни» [Вернадский 2002: 264]. И потому нельзя отделить медицинский и агрономический факультеты от их глубинного источника — физико-математического факультета. Это означает уничтожение высших отделов знания. Не менее пагубно, указывает он, уничтожение философского факультета и факультетов общественных наук. «В философско-словесном факультете сосредоточено изучение и углубление философских дисциплин, без которых не может существовать университет и не может идти жизнь цивилизованного человечества. В нем идет изучение драгоценного орудия всякого школьного преподавания — языка и духовной культуры народа. Его уничтожение наносит непоправимый удар первоначальному школьному обучению. <...> Без университета поставить его правильно и прочно невозможно» [Вернадский 2002: 265].

Вернадский в этой записке еще раз подчеркивает идею науки как фактора новизны и мощного развития всех сторон общественной жизни. Она не должна быть поставлена в зависимость от политики, а также от религиозных и социальных форм жизни, которые в отличие от науки всегда преходящи и зыбки. «Она нужна всякому народу, если он хочет выйти победителем из тех тисков, в какие его поставило его тяжелое прошлое. Новый социалистический строй будет прочен только тогда, когда он даст свободу научному

творчеству, а не тогда, когда он будет против него бороться, и поставит его в тиски каких бы то ни было религиозных, социальных или политических мнений» [Вернадский 2002: 267].

Катастрофические результаты отказа от научного, фактически ноосферного пути развития хорошо известны нам по дальнейшей истории. Гибель огромного количества людей, упрощение жизни, низведение ее на примитивный уровень выживания стали платой за выбор антинаучного «особого» пути, уклонившегося от законов геологического, биосферного и исторического развития. Вернадский провидел такие результаты уже тогда.

Заключение. Итак, мы видим, как глубоко Вернадский изучил постановку высшего образования в условиях, когда наука охватила все стороны социальной жизни. Собственно говоря, можно чисто количественно проследить этапы такого «онаучивания» по принципу востребованности научных знаний и квалифицированного труда обществом. При своем возникновении университет, а именно правоведческий факультет, инициировал коренное изменение всего лишь одной сферы общественной жизни — деловой. Он ввел в нее научные основы права. По исторической литературе хорошо заметно, как преобразилось в Европе это древнее занятие — торговля, обмен, финансы — при внедрении в него договорного права, нотариата, ценных бумаг, бирж, позволивших правильно суммировать капиталы. В других частях света вся эта сфера осталась без изменений.

Затем на научную основу был поставлено не менее древнее учреждение — суд. В качестве епископского капитула он отделился от светской власти и стал выше нее как учреждение, представляющее божественную справедливость. По этой причине суд принял уже выработанную ранее в Риме правильную форму, дававшую возможность состязания сторон и тщательного изучения вины подсудимого. Таким путем из средства простого наказания людей, чем суд был в племенных союзах (например, Салическая правда, или «Русская правда»), он стал средством установления истины, и следовательно, орудием научного исследования самой социальной жизни и поведения людей.

Из юридического факультета постепенно вышел целый спектр наук: психология, педагогика, социология, политология и другие общественные дисциплины. Возникло и было глубоко разработано неизвестное в других частях света понятие о правовом государстве и о публичной власти. Оно позволило, в конце концов, разработать научные основы демократического строя, которое постепенно претворялось в жизнь, и которое Вернадский считал именно прямым следствием развития общественных наук в университетах. Аналогичная эволюция произошла с медицинским факультетом, от которого отпочковались практически все естественные науки.

Таким образом, университет лежит в фундаменте всей европейской цивилизации, которая постепенно превращалась и продолжает превращаться в единую мировую.

Вернадский глубоко изучал этот исторический путь развития университета. И не только изучил, но, обладая огромными организаторскими способностями, постарался претворить изученные им идеи в жизнь. Его фундаментальные знания эпохи ноосферы и его практическая деятельность, воодушевленная этим знанием, и сегодня имеет большое значение. И в этом смысле учение о ноосфере принадлежит не прошедшему этапу науки, не только ее истории, а будущему.

Список литературы / References

- Аксенов Г.П. Вернадский. М.: Молодая гвардия, 2015. 526 с.
(Aksenov G.P. Vernadsky, Moscow, 2015, 526 p. — In Russ.)
- Аксенов Г.П. Глубинная история человека. От христианства до ноосферы. М.: Либликом, 2018. 376 с.
(Aksenov G.P. Deep human history. From Christianity to the noosphere, Moscow, 2018, 376 p. — In Russ.)
- Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 1994. 622 с.
(Berman H.J. Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition, Moscow, 1994, 622 p. — In Russ.)
- Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М.: Ad Marginem, 1999. 431 с.
(Berman H.J. Faith and Order: The Reconciliation of Law and Religion, Moscow, 1999, 431 p. — In Russ.)
- Вебер М. Город. М.: Strelka press. 2018. 252 с.
(Weber M. City, Moscow, 2018, 252 p. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Дневники 1917—1921. Октябрь 1917 — январь 1921. Киев: Наукова думка. 1994. 272 с.
(Vernadsky V.I. Diaries 1917—1921. October 1917 — January 1921, Kyiv, 1994, 272 p. — In Russ.)
- Вернадский В.И. О науке. Т. 1. Дубна: Изд. Центр «Феникс». 1997. 576 с.
(Vernadsky V.I. About science, vol. 1, Dubna, 1997, 576 p. — In Russ.)
- Вернадский В.И. О науке. Т. 2. СПб: РХГИ, 2002. 598 с.
(Vernadsky V.I. About science, vol. 2, St. Petersburg, 2002, 598 p. — In Russ.)
- Brooke Ch. The Twelfth Century Renaissance, N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1970. 216 p.

Статья поступила в редакцию 01.03.2022; одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 01.03.2022; approved after reviewing 12.04.2022; accepted for publication 29.04.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Аксенов Геннадий Петрович — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории наук о Земле, Институт истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН, г. Москва, Россия, gen.aksenov@mail.ru

Aksenov Gennady Petrovich — Candidate of Sciences (Geography), Leading Researcher of the Department of the Earth Sciences History at Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, gen.aksenov@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 148—162.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 148—162.

Научная статья

УДК 1:316:378

DOI: 10.46726/И.2022.2.16

ВИРТУАЛЬНЫЙ НООСФЕРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УНИВЕРСУМ В ИЗОФИЛОСОФСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

*Григорий Станиславович Смирнов, Дмитрий Григорьевич Смирнов,
Мерине Акоповна Меликян*

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
smirnovgs@ivanovo.ac.ru, smirnovdg@ivanovo.ac.ru, melikyanma@ivanovo.ac.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме виртуализации современного университетского образовательного пространства. Отмечено, что глобальная цифровизация создает широкие возможности для возникновения многочисленных репрезентаций дистант-виртуального образования. Показано, что «zoom-» и «skype-» технологии раскрывают один из модусов виртуальности — замену личностного общения заэкраным, своего рода «цифровым симулякром» образовательных отношений. Зафиксировано, что экстенсивная цифровизация образования, т.е. перенос во времени и пространстве реального образовательного процесса, обнаруживает существенные недостатки. Заявлено, что обозначила себя потребность создания различных моделей виртуального университета. Подробно рассмотрена одна из таких моделей — виртуальный ноосферный университет как универсум знания о ноосфере. Обосновано отличие данной образовательной парадигмы, связанное с переходом от дискурса «окон знаний» к дискурсу «этажей знаний», или «сфер знаний». Сделан вывод, что сферная парадигма реального и виртуального университетского образования позволяет усилить роль когнитивных и семиотических измерений университетского образования, что достигается за счет изофилософской репрезентации как инструмента конструирования ноосферного университета. Отмечено, что для такого рода ноосферной виртуальности еще нет достаточного по мощи цифрового континуума, но он может появиться в ближайшие десятилетия как форма коэволюции естественного разума и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: В.И. Вернадский, Н.Н. Моисеев, универсум, ноосфера, философия сознания, философия образования, ноосферная картина мира, универсум сфер, ноосферное образование, ноосферный университет, изофилософия, ноосферный аудит

Благодарности: работа выполнена в рамках внутреннего гранта ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», проект № 17-21-Д.

Для цитирования: Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г., Меликян М.А. Виртуальный ноосферный университет: образовательный универсум в изофилософской репрезентации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 148—162.

Original article

**VIRTUAL NOOSPHERIC UNIVERSITY:
EDUCATIONAL UNIVERSUM
IN ISOPHILOSOPHICAL REPRESENTATION***Grigory S. Smirnov, Dmitry G. Smirnov, Merine A. Melikyan*Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
smirnovgs@ivanovo.ac.ru smirnovdg@ivanovo.ac.ru, melikyanma@ivanovo.ac.ru

Abstract. The article is devoted to the actual problem of virtualization of the modern university educational space. It is noted that global digitalization creates ample opportunities for the emergence of numerous representations of distance virtual education. It is shown that “zoom-” and “skype” technologies reveal one of the modes of virtuality — the replacement of personal communication with off-screen, a kind of “digital simulacrum” of educational relations. It has been recorded that the extensive digitalization of education, i.e. transfer in time and space of the real educational process, revealed significant shortcomings. It is stated that the need to create various models of a virtual university is revealed. One of such models — a virtual noospheric university as a universe of knowledge about the noosphere — is considered in detail. The difference of this educational paradigm related to the transition from the discourse of “windows of knowledge” to the discourse of “floors of knowledge” or “spheres of knowledge” is substantiated. It is concluded that the spherical paradigm of real and virtual university education makes it possible to strengthen the role of cognitive and semiotic dimensions of university education, which is achieved through isophilosophical representation as a tool for constructing a noospheric university. It is noted that for this kind of noospheric virtuality there is not yet sufficient power of the digital continuum, but it may appear in the coming decades as a form of co-evolution of the natural mind and artificial intelligence.

Keywords: V.I. Vernadsky, N.N. Moiseev, universe, noosphere, philosophy of consciousness, philosophy of education, noosphere picture of the world, universe of spheres, noosphere education, noosphere university, isophilosophy, noosphere audit

Acknowledgments: the work was carried out within the framework of the internal grant of the Ivanovo State University, project no. 17-21-D.

For citation: Smirnov G.S., Smirnov D.G., Melikyan M.A. Virtual noospheric university: educational universe in iso-philosophic representation, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 148—162.

Преамбула. Переход от одного тысячелетия к другому всегда представляет собой рождение нового мира, нового видения мира, нового сознания. Традиционно исторические эпохи измерялись материальными (материально-экономическими, ресурсно-экономическими, техно-экономическими) факторами. И формационный, и цивилизационный подходы преимущественно ориентированы на анализ хорошо фиксируемых и измеряемых в корректных единицах показателей, которые могут свидетельствовать о постепенном переходе в новое качество при достижении предельных количественных изменений. Более того, философия прогресса, лежащая в основе историко-теоретических конструкций, преимущественно строится на вещественных (предметно-ценных) характеристиках, из которых земля, вода, подземные ресурсы и т.д. являются главными и всё определяющими. Человеческая

цивилизация до настоящего времени строилась как борьба за овладение и получение этих ресурсов для достижения максимальных уровней материального потребления и «перепотребления». В конце II тысячелетия стало ясно, что «философия ускорения материального прогресса» для становящегося единым человечества оказывается уже не способом социально-антропологического развития, а фактором разрушения биосферы как естественной среды обитания человечества. Глобальный капитализм, выросший из колониального империализма, превратился в строй безумного перепотребления стран золотого миллиарда, большая часть которых принадлежит к историческому Западу.

С точки зрения философии науки смена фундаментальных картин мира может быть представлена через призму триады «вещество — энергия — информация»: классическая картина мира задается концептом «вещество», неклассическая — концептом «энергия», постнеклассическая — концептом «информация». Так, старые «вещественные» цивилизации на определенном этапе своего развития вытесняются «энергетическими» цивилизациями, а те в свою очередь цивилизациями информационными. Россия эпохи СССР имела все возможности на энергетической (нефте-газовой) базе построить новую информационную (компьютерную) протосоциалистическую цивилизацию, создать «цифровой» научно-распределительный социализм, но не смогла совладать с искушением партийно-олигархического обогащения немногих за счет основной части общества. Она вынуждена была отправиться на депонент, и тем самым уступить первенство борьбы с «информационным Западом» более древней — китайской — цивилизации, которая стала лидером «цифрового Востока». Тысячи лет Китай развивался как духовно-антропологическая цивилизация, но в борьбе за свое выживание быстро освоил все богатства мировой культуры, определив новую геополитическую реальность: если Россия занимала место Hartlanda («сердца мира»), то Китай перерос статус Rimlanda и постепенно стал телесной «кровеносной и нервной системой» мира.

Пришло время столкновения двух великих и глобальных «цифровых цивилизаций» Большой цифровой Америки и Большой цифровой Евразии. В этой борьбе сможет выиграть только тот, что обеспечит преимущественную духовно-информационную динамику своему «месторазвитию» [Дмитревская, Портнов, Смирнов Г.; Дмитриевская, Портнов, Смирнов Д.]. Создание единой человеческой цивилизации в результате «человеческой революции» сможет реализоваться только в рамках синергичного взаимодействия («глобальной дополнительности») этой новой космопланетарной бинарности.

Мировая история заходит на следующий виток (ритмо-цикл) планетарного развития, когда Большой Запад начинает уступать место Большому Востоку. Вместе с этим совершается кардинальный поворот от глобального доминирования преимущественно «материальных» цивилизаций к усилению роли преимущественно «духовных» цивилизаций.

Человеческая революция и цефализация ноосферы. Битва двух — Восточного и Западного — планетарных полушарий, в которую вступает мир в XXI веке, приходит на смену старого геополитического противостояния «богатого Севера» и «бедного Юга». При этом она в когнитивно-ориентированной репрезентации несколько напоминает миллионами лет «непрекращающуюся борьбу» двух полушарий человеческого мозга. Как человек силен этой естественной дополнительностью в работе мозга, так и «полушарные цивилизации» неизбежно способствуют развитию друг друга. Нейро-когнитивная аналогия человеческого мозга и «мозга» человеческой

цивилизации позволяет определить и «нейро-место» России в качестве своеобразного «мозолистого тела», через которое проходит значительная часть не только материально-энергетических, но и интеллектуально-духовных и знание-информационных взаимодействий и коммуникаций. Эмпирическое обобщение о взаимодействии Мета-мозга Запада и Мета-мозга Востока в то же время может являться метафорой космопланетарного процесса цефализации ноосферы [Смирнов 2012].

Человеческая революция в отличие от политических и экономических революций, таким образом, ориентирована на революции в сознании и поведении человека и человечества, а эти качества человека и «человеческое качество» формируются институциональными формами, которые чаще всего обозначаются понятиями храм, школа, университет. Ноосферный университет в этом смысле предстает как своеобразная функция, обеспечивающая духовные процессы, нацеленные на утверждение гармонизации системы «Человек — Общество — Природа», коэволюцию естественного разума и искусственного интеллекта, т.е. на осуществление всеединства человеческой цивилизации в контексте цефализации ноосферы [Smirnov G., Smirnov D.].

Ноосферный университет: проблематизация. Представления о ноосферном университете закономерно рождаются в процессе осмысления учения В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу [Вернадский; Учение В.И. Вернадского 1983; Антонов] и формируются в рамках представлений о ноосферной парадигме образования [Ноосферная парадигма образования] и построения ноосферной школы [Ноогенез и образование; Ноосферное образование в России].

Один из первых эскизов ноосферного университета появляется в 1999 году в связи с апробацией идей регионального ноосферного устойчивого развития, нацеленных на поиск новых (незападных) стратегий образовательно-педагогического развития общего и высшего образования [см.: Смирнов 2005]. Главной задачей обоснования университетской образовательной стратегии виделось в утверждении своего рода метатеоретического уровня университетского сознания студентов независимо от их профиля обучения или специальности. Ноосферное мировоззрение представляло собой своего рода инвариант космопланетарного мироощущения, которое складывалось в рамках стратегии устойчивого развития в эпоху мировых экологических Саммитов (Стокгольм 1972; Рио-де-Жанейро 1992, Йоханнесбург 2002, Рио-де-Жанейро 2012).

Первое измерение вузовского ноосферного образования — это то, как реализуется ноосферная картина мира [Смирнов 2003], «ноосферное сознание и мышление» в традиционной (и потому не виртуальной) университетской системе. Велика ли «ноосферная часть» образования в том или ином университете? В чем она проявляется, насколько она системна и целостна? Второе измерение — оценивает качество виртуального (и по этой причине синергичного) ноосферного образования, когда специально задается ноосферный вектор или ноосферный концепт.

Соревнование этих измерений предполагает выявление «процента ноосферности», который характерен для российского университетского образования, а значит, и для экономического, экологического, демографического, культурологического и других видов сознания на том или ином уровне непрерывного образования в условиях информатизации общества. Такого рода «ноосферный аудит» предполагает разработку теоретических и практических

оснований для комплексной и всесторонней оценки «тождества» сверхсложности ноосферы и «сложного мышления» человечества.

Ноосферный университет: имплементация. Опытные модели ноосферных университетов проходят апробацию в системе современного российского образования. Среди них в основном элитные вузы с высоким уровнем материальной и финансовой поддержки: МГУ, МНЭПУ, КФУ, университет Дубна, Смольный университет и др.

Международный независимый эколого-политологический университет (МНЭПУ), начало которому было положено академиком Н.Н. Моисеевым (1917-2000), представляет собой самый яркий образец широко понимаемого ноосферного университета. В течение долгого времени университет пропагандирует научное и философское творчество Н.Н. Моисеева, которое больше, чем просто продолжением ноосферных идей В.И. Вернадского [Вернадский]. Философия Н.Н. Моисеева фактически стала новым этапом в развитии ноосферных исследований [Моисеев 1995; Моисеев 2001], создав предпосылки формирования сложного сознания («расставания с простотой») в рамках управления системой «Человек — Общество — Природа», равно как устойчивого развития России и всего мира. Благодаря ежегодным Моисеевским чтениям, некоторые идеи относительно формирования рационального общества стали артикулируемыми в российском научном сообществе, а некоторые оказались востребованными и даже реализованными [Эволюция 2013, Цивилизационные разломы 2015; Универсальный эволюционизм 2016]¹.

Попытки идти вслед за западными (болонскими) моделями образования, как сейчас становится очевидным, нанесли значительный вред развитию интеллектуального потенциала страны, прежде всего потому, что лишили страну образовательных инициатив, которые пышным цветом начали цвести в 1990-годы прошлого века, когда освобождение от идеологических оков способствовало созданию условий для самостоятельного скачка в новое образовательное планетарное пространство. Рыночные и псевдорыночные механизмы университетской жизни в конечном итоге подрубили существование многих научных школ, которые составляли мировоззренческую и идейную основу российских научных традиций и российской духовной идентичности.

Выбор дальнейшей стратегии университетского образования, релевантной нашему видению, обозначен тенденциями развития МГУ, главные импульсы для развития которого задает академик В.А. Садовничий [Садовничий]. Современное развитие МГУ в значительной степени идёт в русле научных идей и научного мировоззрения В.И. Вернадского (см.: [Аксенов]). В частности, об этом свидетельствует проект создания региональных научно-образовательных консорциумов «Вернадский», запуск которого был осуществлён в 2018 году. Это позволяет предположить, что открывается реальная

¹ В современной модели высшего образования наследие академиков В.И. Вернадского и Н.Н. Моисеева пока не рассматривается как мировоззренческое ядро развития России в новом веке, и по этой причине остается методологически ущербным, идущим в фарватере старых траекторий будущего развития. В действительности же, используя слова А.С. Пушкина о М.В. Ломоносове, можно было бы сказать, что В.И. Вернадский был первым ноосферным университетом эпохи первой половины XX века, а Н.Н. Моисеев предстает в эпоху всеобщей информатизации и цифровизации виртуальным (лично-персоналистическим) ноосферным университетом второй половины XX века.

возможность не только размышлять над способами внедрения ноосферной концептуальности в высшие этажи университетского образования и сознания российского общества, но и реализовывать их на практике.

Виртуальный ноосферный университет представляет собой именно такого рода аттрактор (манок) для развития не только «избранных», но и региональных университетов, которые до настоящего времени находятся в несколько заторможенном и замороженном от инициатив состоянии. Информационная цифровая революция в образовании создает предпосылки для экспериментов именно в сфере общенародного образования, образ которого сформировался еще в советское время. Олигархическая эпоха неравенства в образовании, подготовки специалистов за рубежом или западно-ориентированных вузах заканчивается, ибо российская элита начинает понимать, что выживание страны заключается совсем не в подготовке эффективных потребителей, в новом образовательном качестве, способствующем развитию национального коллективного разума.

Дистант, онлайн, виртуал: диагностика и прогностика. Уже сейчас по истечению двух лет реализации онлайн-обучения (компьютерной «удалёнки») многими вузовскими преподавателями сделаны выводы о недостаточной эффективности «дистант-онлайн»-образования прежде всего по причине несовершенства (на национальном уровне) программного обеспечения. «Удалёнка» оказалась слишком удалённой от учащегося, в ней оказалось слишком много жестких связей, безмерно много алгоритмичности. Учебный процесс потерял когнитивную пластичность, разрушенными оказались естественные вербальные (и особенно невербальные) обратные связи. Пользуясь «природной аналогией», можно было бы сказать, что учебный процесс перешел в другое агрегатное состояние — «вода» и «пар» в некоторых случаях стали превращаться в «лёд». Замороженными оказались многие каналы учебно-образовательной коммуникации, без которых учёба оказалась до некоторой степени «безжизненной». Особенно эти проблемы касаются той части России, которая еще недостаточно охвачена интернет-компьютерной революцией.

По этой причине актуальной становится задача создания не только архитектуры образовательного «пространства-времени» (которая в значительной мере зависит от электронного «железа» и программного «софта»), но и его своеобразной «универсальной архитектоники» (построения большого образовательного Универсума как системы ноосферных знаний, так и самой ноосферной реальности), позволяющей выйти за ограниченности и пределы современного уровня развития искусственного интеллекта. Современная «оконная философия интернета», берущая начало в простых программно-компьютерных реалиях (основанная на книжно-страничной графике), постепенно заменяется более сложными интерпретантами, отвечающими бытию человека в планетном и космопланетарном мире. В этой статье представлена возможная (более высокая ступенька) длинной лестницы изменяющихся форм коэволюции естественного разума и искусственного интеллекта — переход от «оконной» к «сферной» философии.

Виртуальный университет (так же как и реальный университет) представляет собой, прежде всего, многообразный процесс поиска решений «высокого соприкосновения» естественного разума и искусственного интеллекта, а также построения сверхсложной *мета-системы человека, космопланетарного информационного пространства и Большой ноосферы*. Не будет преувеличением сказать, что виртуальный университет являет для учащегося

«знаковую вселенную» («Вселенную Пирса») и «ноосферную вселенную» («Вселенную Вернадского»), которые располагаются над «дознаковой Вселенной», но которые для человека никогда не отрываются в «безвоздушное» пространство бессмысленности.

Виртуальный университет реализует формулу открытого университета, в которой обучающийся проходит по главным трассам и «проселочным дорогам» в соответствии с космопланетарной картой сфер как некой дорожной картой, которую он сам может отредактировать в соответствии со своими собственными интересами.

Архетипы организованности универсумного мировоззрения. Два основных сознаниевых (когнитивно-архетипических) варианта общения (коллективного) человека с миром зафиксированы мировой культурой.

Первый вариант — это языческое капище. Оно предполагает, что человек «водит хороводы» вокруг центра, в котором установлен Идол. При этом люди всегда смотрят друг на друга через центровую фигуру (образ Бога). Скованные одной цепью, то есть соединенные круговой порукой люди живут в замещающейся цикличности — каждый человек в пространстве и времени вдруг совпадает с другим, ставит другого на свое место, а себя на место другого. Это своего рода «языческий циферблат» совместного кругового сознания. При всех «плюсах» такой хороводной коллективной жизни, присутствует «минус» «абсолютной несвободы». Очевидно, по этой причине смена соседей вариантивно-обязательна, в культурном контексте это проявляется в коммуникативной модели «ручеек», когда любой может выбрать каждого для множественного прохождения через социальный мир. Так человек оказывается одновременно открыт всему миру, а система имеет возможность постоянного обновления по определенному алгоритму с включением интуитивной субъекто-случайности².

Второй вариант — это образ храма — практически полностью закрытого пространства, в котором образ мира замещается образом нарисованной виртуальной реальности. «Оконные (иконные) проекции» человеческого сознания и мировоззрения на внешние поверхности в ограниченном пространстве зафиксированы во фресковой живописи и в иконописной традиции. Иконы — это и есть окна, через которые человек узревает невидимый мир (виртуальный мир человеческого бытия). Совсем не случайно, что в компьютерной эволюции появляются «windows» — окна, эта тысячелетняя образовательно-воспитательная практика не могла не быть востребована при поисках устройства «искусственного интеллекта». Очевидно, именно по этой причине «черный квадрат Малевича» стал «метасимволом» нового когнитивного искусства («чистая доска» превратилась в «черный квадрат») и дверью, за которой прятались когнитивные науки.

Мир знаков природы постепенно заменяется системой искусственных знаков и образов. Так возникают модели простого (предметно-природно-естественного) и сложного (лого-изо-искусственного) мировоззрения. Важно, что в истории образовательных и педагогических технологий они не только

² Физические инварианты такого взаимодействия — магнит и электромагнит, образующие тороидальное пространство: культурная биогеохимическая энергия человека и человечества включена таким образом в космопланетарный контекст. Полюса планеты — планетосферы — позволяют понять, как работают полюса других взаимодействующих сфер.

противостоят, но в значительной мере дополняют друг друга, как противостоят и дополняют друг друга естественные и социально-гуманитарные науки.

Храм как модель и перспектива рождения виртуального ноосферного университета. Оконная философия интернета берет свое начало в иконописной традиции. «Икона с ковчегом» даёт представление о том, как рисуется проникновение в Божественную реальность. Еще более сложной моделью изображения инобытия становится «икона с клеймами» (которые выполняют функцию оконного перемещения в пространстве и времени), а её совершенной формой становятся палехские акафисты с предельно большим количеством клейм (окон) и периферийными лентами «региональных изводов» (как это, например, имеет место в Богородичном Акафисте, включающем в себя не только сюжеты с бытием Богородицы, но и её воплощение в образах «Владимировской Богоматери», «Федоровской Богоматери»...) [Искусство древней традиции: ил. 4]. Забегая вперёд, отметим, что в каждом из акафистов всегда присутствуют *сферные композиции*, в полной мере отвечающие выходам в «законные пространства» (особенно в этом плане показательна «цветочная философия сфер» в «Акафисте Николаю угоднику», расположенная в самом верхнем ряду клейм акафиста) [Искусство древней традиции: ил. 2].

Икона в храме включается в гипертекст иконостаса, а затем и в пространство вселенского текста фресок и мозаик. Восхождение от местного (локального) времени к региональному, а затем и к глобальному — это своего рода лестница. Более аутентичным и зримым нам представляется образ иконостаса (православного) храма, который, если начинается снизу, то строит местный ряд, переходя шаг за шагом ... вплоть до святоотеческого ряда. Понимая, что ряды отделены друг от друга, следует иметь в виду, что все они неразрывно связаны, более того, они словно совпадают, как будто находятся в везде-вечности.

Экскурс в храмовое миропостроение естественно завершить обращением к пониманию П.А. Флоренским «храмового действия» [Флоренский]. Храмовое действие (т. е. универсумное соединение объективной реальности еще неодушевленной знаковости с синергичным присутствием в храме Бога и человека) предстаёт как синтез искусств, который, если будет позволено продолжить эту мысль, является и своеобразным синтезом наук о Вселенной.

Храм как «университет» виртуальной Вселенской жизни строился тысячелетиями, поэтому его образовательная формула столь универсальна и антропологична. Он строился не только для того, чтобы рассказать о видимом, но и чтобы сообщить о невидимом и неслышимом, и даже о вообще неоощущаемом. Это творение естественного разума может считаться самым выдающимся и самым глубинным достижением человеческого гения. Современному университетскому образованию с его апологетикой искусственного интеллекта есть к чему стремиться, в попытках подражать храмовому пространству всечеловеческой культуры [Смирнов 2019].

От окон (windows)³ к сферам (nous). Смена компьютерной образовательной парадигмы заключается в переходе от простых «окон» и гиперокон к сложным «сферам», от двухмерного к трехмерному и более мерным

³ Как известно «формулу окна» придумали в эпоху Возрождения: например, «Мона Лиза» представляет собой Вселенную на фоне «окна». До этого мир (в античности и средневековье) рисовался сферами. Сферное изображение знания более сложное.

пространствам. Многомерность виртуального российского ноосферного университета — его естественная организация и дополняющая личностная самоорганизация. Парадигмальная инфо-образовательная транзитивность меняет и «интерфейсную реальность»: вместо двухмерного «экрана» создается 3D образ «обсерватории», или планетария. Каждая 3D точка такого планетария хранит в себе информацию, способную расширяться до самостоятельной (персональной) знаниевой сферы.

Сферная организация репрезентации ноосферного знания наиболее органична. Она недискретна, как это имеет место, например, в системе окон, картины из которых необходимо собирать / синтезировать все вместе. Напротив, она, хотя и пуантилистична («точечна»)⁴, но континуальна, когда все знания не разбиты по предметным областям окон, а видны во всех взаимосвязях и взаимодействиях. «Кривизна знаний» видна, как видны и «млечный путь» знаний нашей Галактики и «невидимые звезды» Вселенной, которые надо приближать с помощью телескопа, или невидимые микро- и нано-объекты, которые rozpoзнаются с помощью микроскопа, или феномены человеческого (антропологического) бытия, которые изучаются при использовании нооскопа.

Универсумное сферное множество. Классификация сфер — серьезная гносеологическая и эпистемологическая проблема⁵. Сферное множество — значимая методологическая и компьютерно-математическая проблема. Число сфер постоянно увеличивается, а связи между ними усложняются.

Конечно, сферы можно разместить в модели периодической таблицы, в этом случае материальные сферы разместятся там, где размещаются «металлы» в менделеевской таблице, а идеальные сферы — там, где «неметаллы», между ними «универсумные» сферы (амфотерные элементы). Однако философия сфер требует иные формы — сферо-матрицы (дающие образы «древовидной ветвящейся графики»). Именно так выстраивал В.И. Вернадский систему научного знания (см. обложку журнала «Ноосфера»).

Выше было показано, что сферный подход ограничен для естественного «языческого» бытия человеческих сообществ, он *со-природен*, ибо «небесная сфера» и «земная сфера» дополняют друг друга. Эта «великосферность» сохраняется и в храмовом миропостроении, для которого «купольность» обращивается (другой стороной) как сферность. Исходная сфера когнитивно-планетарного бытия человека и эволюции его сознания строится как исходная «Богосфера». В своем культурно-историческом развертывании Богосфера может быть представлена и образом Пантократора, и образом Христа, и образом «купольного» (а в действительности — фаворского) света.

Культурологическая логика компьютерно-когнитивного конструирования проявляется в том, что совершается постепенное восхождение от «философии

⁴ Пуантилизм в изображении реальности совмещает в себе целостный образ предмета и его цветовое единство, не смотря на «виртуальные точки сборки».

⁵ Каждый ученый и мыслитель — это не кейс (портфель), это особая сфера — Шекспирсфера, Пушкиносфера, Гогольсфера, Вернадосфера и т. д. Все они не закрыты как сейфы, а принципиально открыты и постоянно взаимодействуют. Заметим, что для современной постмодернистской культуры актуальными оказываются не только перечисленные выше персональные логосферы (которые предстают как особые лексикографии и лексикосферы), но и как видеосферы и изосферы. Более того персонасфера обязательно предполагает те или иные (исторические и диалектические) концептоцентры (концепто-центрирования).

окна» (причем окна произвольного, искусственного) к фундаментальной внутренне-внешней архитектуре храма («здания» как «создания») и «музыке сфер», отражающей архитектуру универсумно-ноосферного знания. В этом направлении строятся специальная и общая теории образовательного ноосферного университета-универсума и вся философия ноосферного миропостроения.

В образовательном контексте (виртуального ноосферного университета) для каждого учащегося заранее может быть выбран свой специфический синтез сфер, что обеспечит мировоззренческую полноту для каждого специалиста на каждом уровне его профессионального совершенствования. Наряду с выбором самого учащегося целесообразны и «университетские подсказки», позволяющие сориентировать в масштабности, полноте и комплементарности выбранного объема знаний. Так каждый обучающийся может получить свой «университетский портфолио» для фиксации точного названия полученной квалификации и профессионального уровня.

* * *

Цветовая оценка усвоения знаний. Находясь в каждой точке виртуального ноосферного универсума, учащийся оставляет свой след, который может быть беглым (взглянул 5 секунд), кратким (почитал 5 минут) или продолжительным (написал краткое эссе за 15—25 минут). В первом случае эта точка окрашивается в оранжевый цвет, во втором — в зеленый, в третьем — в синий. Каждый раз, возвращаясь в виртуальный ноосферный университет, учащийся работает в своем виртуальном пространстве. В идеале каждый раз точки меняют свой цвет, незначительно или даже кардинально «перерисовывая» всю картину.

Так обучающийся видит плоды своих трудов сам, но одновременно с ним эту картину, выполненную в технике пуантилизма, видит и преподаватель, наблюдая, каким путем идет ученик и каких результатов при этом он достигает. Нужно ли при этом ставить оценку? Может быть, и не надо; достаточно знать, что учащийся поработал на зачет.

Очень важно, что видна и масштабность заполнения «регулярного поля» получаемого знания — в нем могут быть значительные «белые пятна», но даже и это значимо для понимания конкретной персональной траектории познания, или эпистемологической линии освоения универсума.

Персональная траектория (по)знания. Ноосферная картина мира (классическая, неклассическая, постнеклассическая) складывается из знаниевых точек. Каждая точка обладает соответствующим потенциалом — набором схем, карт, таблиц, текстов, опорных сигналов, рисунков и т.п. Знакомство с «точкой знания» измеряется потраченным (включенным) временем на изучение представленной информации по 100-бальной шкале. Складывая проценты-баллы компьютерный контрол(л)ер выдает общий результат овладения знаниями в каждой их ноокартин мира — простой, сложной и сверхсложной. Оценка может иметь примерно такой вид — 74 / 32 / 12.

Персональная траектория пройденных точек каждый раз высвечивается на экране при «входе» виртуальной пространство ноосферных картин мира. Обучающемуся наглядно представлено, насколько он освоил ту или иную предметную область. В конечном итоге в памяти виртуального ноосферного университета хранится полный набор сведений о количестве и качестве

освоенных знаний с указанием времени освоения. Собственно, это и есть универсальная программа само-обучения и в конечном итоге само-достижения нужного обучающемуся уровня знаний.

Итоговая оценка ставится за «знаниевые точки», но предстает в текстовом формате выполненных эссе по проблемным вопросам, которые сначала автоматически проверяются на предмет плагиата, а затем и оценки преподавателя-куратора, читающего представленные тексты и общающегося со студентом.

Древо Мира как ноо-личностный образовательный универсум: когнитивный итог. Древо мира символизирует не только образ Вселенной, но и Вселенную каждого отдельного человека. Герметический принцип подобия хорошо показывает, как подобное тождество может быть эвристично для адекватной оценки получаемых университетских знаний.

Главный вопрос заключается в том, как можно спроецировать когнитивный итог освоения трех измерений (ипостасей) ноосферной картины мира (в действительности в ней многомерное и даже безмерно-безразмерное пространство-время) на модель Вселенского мирового древа и на модель персоны как Мирового древа.

Изо-Картинка «дазайн-игра» показывает нейронно-точечную и нейронно-сетевую полноту внутренней картины мира как cogito-проекцию большого универсума, то есть внешнего мирового древа. Конечно, эта проекция не зеркальна, но именно это и позволяет увидеть сложность синергичной отраженности (точнее «со-организованности»), которая понимается в переносном смысле слова. Универсумная фрактальность может стать адекватным воплощением включенности Вселенной человека во Вселенную ноосферы.

Информационная карта такого рода образовательного процесса требует нового качества информационно-компьютерной среды. Но подобная задача — это опережающее отражение возникающих уже сейчас будущих когнитивных потребностей человека, необходимых для осуществления ноосферного перехода.

Индивидуальное древо познания: «чет и нечет» (право- и левополушарная репрезентация усвоенного знания). Все полученное и освоенное знание конкретным студентом представляется в модели «ноосферное древо (по)знания» с учетом того, что все здания (и даже части заданий) помечаются как левополушарные (логические, алгоритмические, вербальные) и правополушарные (образные, эйдосные, невербальные). Таким образом, для каждого студента создается наглядная модель гармонического или дисгармонического соотношения «четных» и «нечетных» способностей (компетенций).

На этом древе студент видит листочки/цветочки, символизирующие выращенные им знания, умения, навыки и опыт, и плоды, имеющие отношение к усвоению главных теорий, концепций, теорем, систем, концептов. Листочки могут быть маленькими и большими в зависимости от качества усвоенного материала, а, например, яблоки — зеленые, желтые, красные, при этом разные по размеру.

Главная визуализация концентрируется на локализации лево- и правополушарных способностей: листочки и яблоки в своем количестве, величине и качестве показывают успешность / результативность освоения материала.

Итогом работы является интенция (интенциональность сознания) на гармонизацию лево- и правополушарного мышления, а в конечном итоге — на синтез естественного разума и искусственного интеллекта в сознании студента.

Яблоневый сад: образ коллективного (группового) разума. В зависимости от количественного состава группы (5 / 25 человек) и в зависимости от желания того или иного студента «индивидуальные деревья (по)знания» анонимно (без указания авторства) размещаются в общее познавательное пространство — своеобразный яблоневый сад.

Каждый желающий может сравнить свои успехи с достижениями других обучающихся, что обязательно задается как выведенный для всех рейтинг. Подробное щадящее само-сравнение позволяет сделать важные выводы о своих итоговых / промежуточных учебных результатах. В то время как у преподавателя-куратора может быть представлен и «объективный» рейтинг.

Свое дерево студент может «нарисовать» самостоятельно (получив дополнительные баллы в рамках творческого рисования) или выбрать из имеющегося набора уже «готовых» деревьев-эйдосов. Последнее также дает представление об особенностях «когнитивной конституции» обучающегося, то есть о структуре его ментально-мыслительной организованности. Образ дерева личностно-ноосферного знания — своего рода виртуальная модель актуальных и потенциальных свойств мозга и эволюционирующего сознания студента («МРТ сознания» как голографической репрезентации сознания).

Гендерная специфика представленных «яблонь» не актуализируется; хотя в том случае, если дерево (по)знания рисуется каждым учащимся самостоятельно — фемининно-маскулинные акцентуированности вполне могут быть зафиксированы.

«Среди долины ровныя»: большая ноосферная картина. С точки зрения учебного университетского синтеза важно собрать вместе интеллектуальные усилия группы, то есть нарисовать большое дерево (по)знания. Смысл этой картинности заключается в том, что «дуб» — это образ уже полученного и освоенного знания. Но он мал по сравнению с той бесконечной реальностью (в том числе с современным универсумом знания, имеющем науку в своем фундаменте), в которой живет человек и человечество. Поэтому для тех, кто хотел бы не просто получить зачет, но и обнаружить также невключенное знание — есть возможность увидеть «Весь МИР». Там, где расположена река — мейнстрим — располагаются возможные будущие научные идеи и приходящие парадигмы, а степь с отдельными «травинками» призвана дать представление о множестве ученых, философов, художников, богословов, которые формировали раньше и продолжают формировать сейчас Большой ноосферный пейзаж. Можно всегда кликнуть в тот или иной колосок, чтобы познакомиться с творчеством того или иного мыслителя.

Нужно ли знакомиться с этой картиной, решит для себя каждый студент, но думается, что любознательность возьмет верх, тем более что эта «пешеходная» экскурсия в пойме ноосферных знаний ни к чему не обязывает.

Вместо заключения. Виртуальный формат, который предлагается в этом интеллектуальном форсайт-проекте, вряд ли может быть реализован на той компьютерной базе, которая сейчас имеет место в системе региональных вузов России, но нет сомнений в том, что повелительная необходимость самостоятельного информационно-цифрового развития уже в ближайшее время позволит создать принципиально новые модели насыщенных образовательных пространств, обеспечивающих не только включенность в мировой контекст, но и полностью отвечающих задачам национального ноосферно-интеллектуального развития.

Список литературы / References

- Аксенов Г.П. Университет в ноосферной картине мира В.И. Вернадского // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 134—147.
(Aksenov G.P. University in V.I. Vernadsky's noospheric picture of the world, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 134—147. — In Russ.)
- Антонов Николай Павлович: Философия сознания и ноосферы. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 280 с.
(Smirnov G.S. (ed.) Antonov Nikolay Pavlovich: Philosophy of consciousness and noosphere, Ivanovo, 2003, 280 p. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
(Vernadsky V.I. Scientific thought as a planetary phenomenon. Moscow, 1991, 271 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В., Портнов А.Н., Смирнов Г.С. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы // Ноосферные исследования. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. Вып. 1. 151 с.
(Dmitrevskaya I.V., Portnov A.N., Smirnov G.S. Noospheric Dynamics of Russia: Philosophical and Culturological Problems, *Noospheric Studies*, Ivanovo, 2002, iss. 1, 151 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В., Портнов А.Н., Смирнов Д.Г. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы // Ноосферные исследования. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. Вып. 2. 178 с.
(Dmitrevskaya I.V., Portnov A.N., Smirnov D.G. Noospheric Dynamics of Russia: Philosophical and Culturological Problems, *Noospheric Studies*, 2002, iss. 2, 178 p. — In Russ.)
- Искусство древней традиции. Палех. Альбом / автор-составитель М.А. Некрасова. М.: Советский художник, 1990. 117 с.
(Nekrasova M.A. (ed.) Art of ancient tradition. Palekh. Album, Moscow, 1990, 117 p. — In Russ.)
- Моисеев Н.Н. Современный рационализм. М.: МГВП «КОКС», 1995. 376 с.
(Moiseev N.N. Modern rationalism, Moscow, 1995, 376 p. — In Russ.)
- Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001. 200 с.
(Moiseev N.N. Universum. Information. Society, Moscow, 2001, 200 p. — In Russ.)
- Ноогенез и образование. Построение ноосферной школы / под ред. А.М. Буровского. в 2 т. Красноярск: Издательство НМЦ НЭО, 1996. Т. 1. 233 с. Т. 2. 250 с.
(Burovsky A.M. (ed.) Noogenesis and education. Construction of the noospheric school, in 2 vols, Krasnoyarsk, 1996, vol. 1, 233 p., vol. 2, 250 p. — In Russ.)
- Ноосферная парадигма образования: От лицея к университету. Материалы лицейско-университетской научно-методической конференции «Предметно-содержательное и психолого-педагогическое обеспечение становления ноосферной школы» / под ред. Г.С. Смирнова. Иваново, 23—25 апреля 1997 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. 296 с.
(Smirnov G.S. (ed.) Noospheric paradigm of education: From lyceum to university, Ivanovo, 1997, 296 p. — In Russ.)
- Ноосферное образование в России: Материалы межгосударственной научно-практической конференции / под ред. Г.С. Смирнова. Иваново, 3—5 окт. 2001 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. Ч. 1. 251 с. Ч. 2. 250 с.

- (Smirnov G.S. (ed.) Noospheric Education in Russia, in 2 vols, Ivanovo, 2001, vol. 1, 251 p., vol. 2, 250 p. — In Russ.)
- Садовничий В.А. Знание и мудрость в глобализирующемся мире // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. 2006. № 4. С. 3—17.
- (Sadovnichiy V.A. Knowledge and wisdom in a globalizing world, *Bulletin of Moscow University, Ser. 7: Philosophy*, 2006, iss. 4, pp. 3—17. — In Russ.)
- Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: ООО «Сандра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.
- (Smirnov A.V. The All-Human vs. the Generally-Human, Moscow, 2019, 216 p. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. Т. 3. № 1. С. 57—64.
- (Smirnov G.S. Noospheric picture of the world and modern education, *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*, 2003, vol. 3, no. 1, pp. 57—64.)
- Смирнов Г.С. Современное ноосферное образование: региональный аспект // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2005. № 2. С. 105—112.
- (Smirnov G.S. Modern noospheric education: regional aspect, *Questions of modern science and practice. University named after V.I. Vernadsky*, 2005, iss. 2, pp. 105—112. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Цефализация ноосферы: эволюция разумного вещества на рубеже тысячелетий // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 2 (12). С. 17—30.
- (Smirnov G.S. Cephalization of the noosphere: the evolution of intelligent matter at the turn of the millennium, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2012, iss. 2 (12), pp. 17—30. — In Russ.)
- Универсальный эволюционизм Н.Н. Моисеева и цивилизационные разломы: проблемы формирования и развития духовно-нравственных ценностей личности в России в условиях кризиса западной культуры: материалы Моисеевских чтений / под общ. ред. Степанова С.А. Москва, 15 марта 2016 г. М.: Изд-во МНЭПУ, 2016. 432 с.
- (Stepanov S.A. (ed.) Universal evolutionism of N.N. Moiseev and civilizational faults: problems of the formation and development of spiritual and moral values of the individual in Russia in the context of the crisis of Western culture, Moscow, 2016, 432 p. — In Russ.)
- Учение В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение. М.: ФО СССР, 1990—1991. Т. 1—2.
- (Teaching of V.I. Vernadsky about the transition of biosphere into noosphere, its philosophical and general scientific significance, in 2 vols, Moscow, 1990—1991. — In Russ.)
- Флоренский П.А. Храмовое действо как синтез искусств // Флоренский П.А. Избранные труды по искусству. М., 1996. С. 199—215.
- (Florensky P.A. Temple action as a synthesis of arts, *Florensky P.A. Selected Works on Art*, Moscow, 1996, pp. 199—215. — In Russ.)
- Цивилизационные разломы: мировое сообщество и судьба России: Сборник материалов третьей международной заочной научно-практической конференции / под общ. ред. Степанова С.А. М.: Изд-во МНЭПУ, 2015. 376 с.
- (Stepanov S.A. (ed.) Civilizational faults: the world community and the fate of Russia, Moscow, 2015, 376 p. — In Russ.)

Эволюция энвайронментальных взглядов: от В.И. Вернадского до Н.Н. Моисеева. К 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского и 95-летию со дня рождения Н.Н. Моисеева: сборник материалов Первой международной заочной научно-практической конференции / под общ. ред. Степанова С.А. М.: Изд-во МНЭ-ПУ, 2013. 338 с.

(Stepanov S.A. (ed.) Evolution of environmental views: from V.I. Vernadsky to N.N. Moiseev, Moscow, 2013, 338 p. — In Russ.)

Smirnov G., Smirnov D. Cephalization of the Noosphere: Socio-Philosophical Aspects, *Philosophy and Cosmology*, 2019, vol. 22, pp. 37—43.

Статья поступила в редакцию 12.12.2021; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 29.04.2022.

Информация об авторах / Information about authors

Смирнов Григорий Станиславович — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovgs@ivanovo.ac.ru

Smirnov Grigory Stanislavovich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Philosophy Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovgs@ivanovo.ac.ru

Смирнов Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Smirnov Smirnov Dmitry Grigorievich — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of the Philosophy Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Меликян Мерине Акоповна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, melikyanma@ivanovo.ac.ru

Melikyan Merine Akopovna — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Philosophy Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, melikyanma@ivanovo.ac.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 163—173.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 163—173.

Научная статья

УДК 1:316:378

DOI: 10.46726/И.2022.2.17

ФИЛОСОФ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: КОУЧ ИЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ?

Ксения Леонидовна Ерофеева

Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина,
г. Иваново, Россия, xenia.erofeeva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются социальные функции преподавателя философии в современном университете. Обосновывается утверждение о том, что философ в вузе необходим, прежде всего, как представитель интеллигенции и воспитатель интеллигенции последующих поколений. Понятие интеллигенции рассматривается в аспекте единства моральных и интеллектуальных качеств личности. Проанализировано принципиальное отличие русской интеллигенции от интеллектуалов революционных эпох Запада. Рассмотрено также отношение интеллигенции с властью через призму таких черт как самоотверженность и жертвенность. Констатируется, что специфика всякого исторического момента диктует конкретные требования к философу, как в этическом, так и в когнитивном аспекте. В качестве особо значимой исследуется такая черта интеллигенции как способность к стратегическому мышлению, которая предполагает умение выстраивать долгосрочные программы оптимизации. Предложена авторская дефиниция понятия «интеллигент» в рамках образовательного дискурса — это личность, способная мыслить стратегически и воздерживаться от крайних суждений, обладающая гражданским мужеством, моральной ответственностью, отстаивающая справедливость на всех уровнях социальных отношений.

Ключевые слова: интеллигенция, коуч, преподаватель вуза, философия, воспитание и образование, система ценностей, стратегическое мышление, принцип золотой середины, справедливость

Для цитирования: Ерофеева К.Л. Философ в современном университете: коуч или представитель интеллигенции? // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 163—173.

Original article

A PHILOSOPHER IN A MODERN UNIVERSITY: A COACH OR A REPRESENTATIVE OF INTELLIGENTSIA?

Ksenia L. Erofeeva

Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin,
Ivanovo, Russian Federation, xenia.erofeeva@mail.ru

Abstract. The article deals with the social functions of a philosophy teacher at a modern university. The assertion about the necessity of a philosopher presence in a university is substantiated: first of all, a philosopher is necessary as a representative of the intelligentsia and an educator of the intelligentsia of subsequent generations. The concept of intelligentsia is considered in the aspect of the unity of the moral and intellectual qualities of the individual. The fundamental difference between the Russian intelligentsia and the intellectuals of the revolutionary eras of the West is analyzed. The attitude of the intelligentsia to the authorities is also considered through the prism of such traits as selflessness and sacrifice. It is stated that the specificity of any historical moment dictates specific requirements for the philosopher, both in ethical and cognitive aspects. The author focuses on the ability to think strategically as a particularly significant feature of the intelligentsia. The article also pays attention to the ability and the characteristic feature of real representatives of intelligentsia to build long-term optimization programs. The author's definition of the concept of "intellectual" within the framework of educational discourse is proposed — it is a person who is able to think strategically and refrain from extreme judgments, possessing civic courage, moral responsibility, upholding justice at all levels of social relations.

Keywords: intelligentsia, coach, university teacher, philosophy, upbringing and education, system of values, strategic thinking, principle of the golden mean, justice

For citation: Erofeeva K.L. Philosopher in the modern university: a coach or a representative of intelligentsia?, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 163—173.

В условиях виртуализации и цифровизации университетского образования среди педагогов и представителей администраций вузов все чаще звучит утверждение, что преподаватель теперь — это не ментор, а коуч. Этот новый термин лишь недавно вошел в употребление, поэтому остановимся на его категоризации. «Коуч-преподаватель не дает советов и жестких рекомендаций, он ищет решения профессиональных вопросов совместно с обучающимся. Итогом подобного общения может и должно стать достижение определенной цели, новых, позитивно сформулированных результатов в жизни и работе обучающегося» [Сушко, Чолак: 155—156]. Многие представители коучинг-движения акцентируют внимание на том, что оно сфокусировано прежде всего на достижении четко определённых целей вместо общего развития.

Из этого можно сделать вывод, что отныне педагог в вузе не должен расценивать себя как воспитателя разносторонней личности. Его задача — сформировать профессиональные компетенции. Такое видение представляется неверным даже применительно к дисциплинам узкопрофессиональным и совершенно неприемлемым в отношении философии. Размышляя о взаимоотношениях философии с когнитивными науками, В.А. Лекторский подчеркивает: «Философия и когнитивные науки вступают в диалог, в котором происходит как их взаимное обогащение, так и взаимная критика. Философия при этом не теряет своего нормативного характера, так как анализирует

предпосылки концепций, выдвигаемых в когнитивных науках, и оценивает их» [Лекторский: 5]. Представляется, что это утверждение справедливо и для всех прочих наук, в том числе в случаях, когда эти науки выступают в качестве учебных дисциплин высшей школы. Об этом аспекте нередко забывают при формировании стратегий учебного процесса в университетах. Не менее важен антропологический аспект взаимодействия философа со студентами. Цифровая цивилизация XXI века привела к обострению фундаментальных противоречий существования родового человека, породила антропологический кризис. Как справедливо утверждает белорусский педагог и философ А.Д. Король, зачастую «человек не видит своего абсолюта, поскольку его расширяющееся внешнее пространство сужает пространство внутреннее» [Король: 45].

В этой связи весьма актуальной будет попытка показать, что преимущественная задача философа в современном университете — оставаться представителем интеллигенции. Для этого необходимо подробнее рассмотреть понятие «интеллигенция», уточнить его определение с учетом объективных потребностей современного общества. Данное понятие широко фигурирует в разных контекстах как научного дискурса, так и обыденного сознания. В разные периоды своего существования оно наполнялось различными смыслами и содержанием, приобретало разную аксиологическую нагрузку. Как отмечают В.С. Меметов и В.В. Комиссаров, «в социально-гуманитарных науках нет единого подхода к определению интеллигенции. Существует несколько трактовок, из которых самые известные: социологическая, нравственно-этическая, функциональная и др.» [Меметов, Комиссаров: 70].

Начиная с рубежа XIX—XX веков и до наших дней, все авторы, рассматривающие интеллигенцию как явление общественной жизни, сходятся в одном: она понимается как категория людей, соединяющих в себе высокий интеллект и высокий уровень нравственности. Но и интеллект, и уровень нравственности, в свою очередь не однородны. Они складываются из отдельных признаков и свойств. Так, интеллектуальный уровень характеризуется умением находить нетрадиционные решения проблем, способностью анализировать ситуацию, критически оценивать информацию и т.п. Нравственность складывается из совестливости, сострадательности, чувства ответственности, правдивости и многих других признаков и свойств.

Попытаемся определить те свойства, которые сегодня наиболее соответствуют объективным потребностям человека и общества. Акценты на тот или иной атрибутивный признак интеллигенции расставляет сама жизнь со всеми особенностями, как социальной действительности, так и индивидуальных характеров и судеб. Кроме того, многие авторы исходят из того, что явление это — сугубо национальное, присущее только русской культуре. Так еще в начале XX века Г.П. Федотов писал: «Говоря о русской интеллигенции, мы имеем дело с единственным, неповторимым явлением истории. Неповторима не только “русская”, но и вообще “интеллигенция”. Как известно, это слово, т. е. понятие, обозначаемое им, существует лишь в нашем языке» [Федотов: 173]. Далее он добавлял: «В наши дни европейские языки заимствуют у нас это слово в русском его понимании, но неудачно: у них нет вещи, которая могла бы быть названа этим именем» [Федотов: 173]. Уже позднее, в конце XX века, академик Д.С. Лихачев, отмечал: «Понятие это чисто русское и содержание его преимущественно ассоциативно-эмоциональное. К тому же по особенностям русского исторического прошлого мы, русские люди, часто предпочитаем эмоциональные концепты логическим определениям» [Лихачев: 3].

Там же он подчеркивал: «В иностранных языках и в словарях слово “интеллигенция” переводится, как правило, не само по себе, а вкуче с прилагательным “русская”» [Лихачев: 3].

Сегодня, в информационном постиндустриальном обществе, в эпоху глобальных изменений, как в материальной, так и в духовной сферах общественной жизни, **актуальными** становятся следующие вопросы. Какое определение можно дать *современной* интеллигенции? Можно ли говорить о глобальном значении этого понятия? Как изменились социальные функции интеллигенции, ее место в культуре?

Как уже отмечалось выше, главным отличительным признаком интеллигенции большинство исследователей признает сочетание интеллекта и нравственности. Также почти все авторы прямо или косвенно указывают на особую социальную миссию этой группы. Современный исследователь феномена интеллигенции социолог и философ Н.Е. Покровский утверждает, что интеллигенция — это особый общественный слой, большая группа, главное занятие которой состояло и состоит в умственном труде, рассматриваемом в широком нравственном контексте. Для этой группы нравственные поиски субъективно истолковываются как социальное предназначение [Покровский]. Задачи в рамках этой миссии называют разные, в зависимости от конкретных объективных потребностей общественного организма той или иной эпохи. По всей видимости, именно в связи с этим в научной литературе приводятся и разные сроки появления феномена интеллигенции. Так представитель советской науки Л.Я. Смоляков утверждал: «Интеллигенция возникла не в недрах капитализма, а еще в античном мире, на заре истории классового общества, в связи с развивающейся потребностью в духовном производстве и его субъектах...» [Смоляков: 17].

Действительно, трудно спорить с тем, что одной из основных, а, возможно, и основной функцией интеллигенции является производство духовных ценностей, смыслов, идеалов. Авторы рубежа XIX—XX веков, то есть — революционной эпохи российской истории, закономерно акцентировали внимание на политической составляющей в сознании и поведении интеллигенции. Характерно, что такое видение мы встречаем и у «веховцев» (Г.П. Федотова, П.Н. Милюкова и других), и у марксистов. Например, в уже упомянутой работе Г.П. Федотова неоднократно подчеркивается, что нравственность для русского интеллигента непосредственно определяется его политическими убеждениями. О русском интеллигенте XIX века Федотов говорит: «Чаще всего он берет готовую систему “истин” и на ней строит идеал личного и общественного (политического) поведения» [Федотов: 177]. В.И. Ленин, обнаруживая во всех своих высказываниях об интеллигенции крайний утилитаризм, также рассматривает ее исключительно через призму политики. Заявляя, что «Слишком надеяться на интеллигенцию рабочему классу и крестьянству не приходится», что «околокадетские профессора» помогают заговорщикам против власти большевиков, он, в то же время подчеркивает: «Интеллектуальным силам», желающим нести науку народу (а не прислуживать капиталу), мы платим жалованье выше среднего. Это факт. Мы их бережём. Это факт» [Ленин: 47—49].

Все эти высказывания отражают действительное положение вещей. Социальная неоднородность представителей образованного слоя в России пред-революционной и революционной эпохи породила полярные политические взгляды. Среди образованных людей, которые искренне признавали свой долг перед Отечеством, Народом, а не просто соблюдали собственные

эгоистические интересы, понимание этого долга также кардинально различалось. Это и породило специфическое явление *русской* интеллигенции, для которой вопрос о собственном социальном предназначении был поставлен более радикально, чем для интеллектуалов революционных эпох Запада. Если, например, французские энциклопедисты видели свою общественную миссию в *просвещении* народа, то русские народники, социал-демократы, большевики — нередко в *служении* народу.

Самоотверженность, жертвенность русской интеллигенции, вытекает из особенностей русского менталитета с одной стороны, и самой русской социальной действительности — с другой. Менталитет характеризуется, в частности, приверженностью к крайностям во взглядах и поступках. Об этом качестве неоднократно писал Н.А. Бердяев. Размышляя о своем народе в работе «Русская идея» философ отмечал, что «он не знал меры и легко впадал в крайности» [Бердяев 2008: 30]. А в работе «Истоки и смысл русского коммунизма», пытаясь объяснить этот максимализм, утверждал следующее: «Русская душа стремится к целостности, она не мирится с разделением всего по категориям, она стремится к Абсолютному и все хочет подчинить Абсолютному, и это религиозная в ней черта. Но она легко совершает смешение, принимает относительное за абсолютное, частное за универсальное, и тогда она впадает в идолопоклонство. Именно русской душе свойственно переключение религиозной энергии на нерелигиозные предметы, на относительную и частную сферу науки или социальной жизни» [Бердяев 1955: 18].

Социальная действительность также демонстрировала крайности: деспотизм власти, ее неспособность и нежелание облегчить жизнь народа с одной стороны — и неспособность безграмотного, забитого веками крепостного рабства народа самостоятельно отстаивать свои интересы — с другой. Интеллектуалы всех эпох и культур находятся, в определенной степени, в положении «третьей силы» между властью и народом. Но ни в какой другой стране и культуре это положение не становилось таким сложным и трагическим как в России нового и новейшего времени. Осознавая себя не просто как просветителя, но как воспитателя и спасителя народа, интеллигенция осознавала также и гибельность для себя этого морального выбора. У нее не оставалось надежд на безболезненное, «бескровное» разрешение противоречий. Поэтому жертвенность стала отличительной чертой, нравственной доминантой в предреволюционный период, в последние десятилетия XIX века. Эта доминанта сохранилась для русских интеллигентов и в последующий период.

В годы советской власти формы служения народу и своей стране для интеллигенции изменились не столь существенно. Как и в пору «хождения в народ» представители гуманитарной, технической и художественной интеллигенции учили, лечили детей и взрослых, руководили инженерными проектами, создавали понятное широким массам искусство. Как и в XIX столетии уровень материального благополучия этих тружеников, работников умственного труда принципиально не отличался от уровня рабочих или крестьян. В целом можно видеть, что как в дореволюционной России, так и в советский, и в постсоветский периоды истории, российские работники умственного труда имели и имеют значительно меньший достаток, чем их коллеги в западных странах. Этим, отчасти, объясняется и более явное сочувствие русской интеллигенции простому народу, и более радикальное противостояние власти.

Взаимоотношения интеллигенции с властью всегда были и остаются двойственными. С одной стороны, будучи заинтересованной в общественном

блага, интеллигенция при любых режимах и формах правления стремится найти с ней общий язык, донести до власти свои проекты улучшения жизни в социуме. С другой стороны, будучи неизменно субъектом социальной критики, видя все негативные стороны политической действительности, интеллигенция неизбежно оказывается в оппозиции, скрытой или явной, более или менее выраженной. Последнее зависит от характера власти и степени социального влияния самой интеллигенции. Анализируя стратегии взаимодействия интеллигенции с советской властью, Г.А. Будник отмечает: «Советская интеллигенция в большинстве своем искренне разделяла социалистические идеалы и активно сотрудничала, несмотря на многие неосуществленные надежды, с политическим режимом, являясь в то же время источником явной и тайной оппозиции» [Будник: 40]. Это справедливое утверждение применимо и к другим эпохам, в том числе — к самым ранним. Когда феномен интеллигенции, по утверждению большинства исследователей, как таковой еще не существовал, примеры подобных отношений нравственных интеллектуалов с властью уже были. Платон и Сенека, Конфуций и Авиценна, Леонардо и Галилей — многие выдающиеся мыслители, ученые, изобретатели, художники искали свой компромисс в отношениях с властью преобладающими, чтобы сохранить жизнь и продолжить свой интеллектуальный труд на благо человечества.

Несмотря на сказанное выше по поводу сугубо национальной специфики интеллигенции как исключительно русского явления, необходимо указать следующий момент. В эпоху глобализации появляется все больше оснований утверждать, что глобальный характер приобретает и социальная группа интеллигенции. Подчеркнем: не в силу профессиональной принадлежности, не по каким-либо еще формальным критериям (участие в общественных движениях, политические ориентации и т. п.). Отнести к интеллигенции конкретного индивида — мужчину или женщину, представителя восточного или западного общества, молодежи или старшего возраста — можно опять лишь по единству в нем нравственности и интеллекта. Конкретные формы проявления этого единства всегда обусловлены, с одной стороны, индивидуальностью, а с другой — спецификой исторической ситуации.

В чем же состоит специфика современной интеллигенции? Очевидно, что ее следует искать во всех атрибутивных признаках: и в качествах интеллекта, и в моральных качествах, и в отношении к власти. Интеллектуальные способности, которые наиболее востребованы в эпоху глобальных проблем и угроз — это не просто способность эффективно разрешить назревшее противоречие, но способность к *стратегическому* мышлению. Это предполагает видение дальних, не явных последствий любых социальных действий, умение выстраивать долгосрочные программы оптимизации. Но под оптимизацией в данном контексте следует понимать не максимальную экономическую выгоду для отдельных личностей или корпораций (что имплицитно понимается под этим термином сегодня), а буквально — нахождение оптимума. Оптимум, как известно, это «наилучший вариант решения задачи или путь достижения цели при данных условиях и ресурсах». Наилучший вариант для общества в целом — это баланс интересов всех его субъектов. Но этот баланс имеет свое название в качестве фундаментальной категории этики — справедливость.

Таким образом, становится явной и специфической черта «морального кодекса» современного интеллигента — ориентация на общечеловеческие интересы. Эта задача наиболее трудна. Она встречает яростное сопротивление с разных сторон, поскольку моральное и социальное зло сегодня выступает

именно в разнообразных формах радикализма и экстремизма. Иначе говоря, к интеллигенту и как к интеллектуалу, и как к моральному авторитету, объективная ситуация предъявляет требование держаться золотой середины и призывать к тому же общество. Это касается всех значимых общественных вопросов: экономики, политики, религии. Специфические особенности отношений интеллигенции с властью вытекают из двух названных выше особенностей. Как интеллектуал, видящий перспективы своей страны, региона, человечества, интеллигент обязан всеми доступными ему средствами доводить до представителей власти свои опасения и предложения по разрешению противоречий. При этом открытая конфронтация крайне не желательна, этому учит и горький исторический опыт, и наука психология, которая в XX—XXI веках пришла к пониманию непродуктивности враждебного конфликта и продуктивности сотрудничества. Разумеется, это не означает призыва к соглашательству. Но упорство отстаивания справедливой позиции не должно переходить в деструктивные, насильственные формы. Таковы задачи, стоящие перед интеллигенцией как отдельной общественной силой. В современной ситуации интеллигент — это личность, обладающая стратегическим мышлением, гражданским мужеством, моральной ответственностью, стремлением к справедливости.

Что же касается профессиональных качеств, которые наиболее актуальны в условиях современности, то все группы интеллигенции (гуманитарной, технической, административной, художественной) объединяет одно — добросовестность. Она подразумевает неуклонное выполнение своих обязанностей. Эта сентенция, казалось бы, тривиальна. Но в современной цивилизации, где господствуют ориентации на гедонизм и избыточное потребление, уклонение от своих профессиональных обязанностей приобрело беспрецедентно широкие масштабы. Интеллигент может сохранять свое качество лишь при условии, что будет являть для остальной части общества пример культуры труда, добросовестного выполнения профессионального долга. Российская действительность последних лет, как и в другие эпохи, демонстрирует такие примеры. В период пандемии безупречное выполнение профессионального долга, а нередко и героизм демонстрировали сотни врачей. Несмотря на крайне неблагоприятные условия, в которые поставлены сегодня российские учителя, есть поразительные примеры самоотверженного служения этой профессии. Однако в целом, к сожалению, не приходится говорить, что современная интеллигенция подает пример другим социальным группам в своем отношении к труду.

Перечисленные специфические задачи, стоящие перед интеллигенцией в современном обществе в полной мере относятся и к философу как преподавателю и педагогу. Но для этой социальной роли все перечисленные выше стороны личности наполняются особым значением. Основная функция философа — мышление. Но, как известно из всей истории философии, насчитывающей два с половиной тысячелетия, мышление может быть и родом интеллектуальной игры, схоластическим манипулированием понятиями. Оно может быть совершенно оторвано от практических нужд общества и человека, может становиться родом интеллектуального аутизма. При таком понимании философии как рода деятельности выпадает одна из базовых составляющих понятия интеллигента. Философ становится только интеллектуалом. Этот феномен нередко можно наблюдать в западной культуре XX—XXI века, в частности — у представителей постмодернизма. Распространен он и среди российской интеллектуальной элиты.

С одной стороны, это явление можно считать показателем спокойного, «нормального» (по аналогии с «нормальной наукой» Т. Куна) периода развития культуры. Однако эпоху глобальных проблем и рисков современного техногенного общества едва ли можно считать настолько спокойной, чтобы философия в вузе могла удаляться от запросов общественной жизни. Философия — и об этом нельзя забывать ни самим философам, ни обществу в целом — это фундамент мировоззрения. Это хорошо понимали представители власти советского периода, отводя философии как учебной дисциплине место базиса в системе высшего образования. И если такой подход часто оказывался неэффективным — не достигал поставленной официальными идеологами цели — это происходило не из-за выбора самого подхода. Дело заключалось в том, что сама философия как искренний поиск истины и любовь к мудрости подменялась догматическим вариантом единственной философской системы — марксистской.

Постсоветский период существования философии в вузах — это, напротив, постепенное вытеснение ее из учебных планов. Правда, этому процессу предшествовал недолгий расцвет. «Золотой век» философии совпал с самым трудным и драматическим периодом «лихих девяностых». И это вполне закономерно, так как радикальная перестройка мировоззрения, ревизия системы ценностей происходила в сознании миллионов сограждан. А что может насытить духовный голод человека, оказавшегося на подобном перепутье? Только философия и религия. Религия может выполнить эту задачу быстрее и проще. Но для личности думающей, рефлексиирующей, способной к критическому мышлению одной религии во все времена оказывалось недостаточно. Даже желая оставаться в границах религиозного сознания, она продолжала задаваться «проклятыми» вопросами, сомневаться — философствовать.

Расцвет вузовской философии в эти годы произошел благодаря двум условиям. Во-первых, в 1990-е годы взрывообразно возросло число публикаций ранее не издававшихся философских трудов. Люди самых различных возрастов, профессий, социальных возможностей с интересом читали и обсуждали их. Студенты, разумеется, были в авангарде этого процесса. Ведь они только вступали во взрослую жизнь и испытывали насущную потребность в ней разобраться. Во-вторых, министерствам и прочим государственным структурам, определяющим политику образования, было не до регламентации учебных планов и программ. Преподаватели могли говорить со студентами свободно, на темы, больше всего интересующие их самих и их юных слушателей. Университеты, разумеется, если они располагали кадрами достойного профессионального уровня, были оплотом свободного, творческого мышления, духовных поисков. Они были тем, чем и должно быть университету со времен европейского средневековья, когда они только возникли — самостоятельной духовной и интеллектуальной силой, мало зависящей как от светской власти, так и от церкви.

Однако по мере утверждения рыночных отношений и соответствующей им идеологии, интерес к философии быстро стал иссякать как на уровне политической стратегии, так и в массовом сознании. Сам склад мышления в эпоху рынка — склад прагматика, нацеленного исключительно на экономическое преуспевание — диаметрально противоположен строю мыслей философа. Тем более — противоположны системы ценностей. Любая, даже самая материалистическая философия, в конечном счете утверждает приоритет духовного, а не материального начала в человеческой жизни (как бы это духовное

начало ни истолковывалось). Разумеется, «герою» нашего потребительского времени такая иерархия ценностей глубоко чужда и не понятна. Даже свою религиозность подобная личность рассматривает как очередную инвестицию ради земного и загробного преуспевания. От философии же она требует четко сформулированного и однозначно понимаемого рецепта достижения все того же преуспевания. Поскольку же по самой своей сути философия не может формулировать такого рода рецептов — она отбрасывается.

Итак, с учетом объективных потребностей современного общества, можно сформулировать актуальное определение интеллигента следующим образом. Это личность, способная мыслить стратегически, воздерживаться от крайних суждений, отстаивающая справедливость на всех уровнях социальных отношений.

Как видим, это определение демонстрирует интеллектуальные и моральные качества. Ими определяется и отношение современного интеллигента с властью. Например, отстаивание справедливости неизбежно время от времени должно приводить к критике власти, однако, избегание крайностей предостерегает от экстремизма в высказываниях и поступках. Философ в вузе, в силу самой специфики предмета, призван прививать студентам перечисленные качества. И критицизм, и чувство меры, и любовь к справедливости — это отличительные черты всех крупных мыслителей классической философии. Справедливость рассматривалась как высшая ценность в учении Конфуция. Принцип критичности (иронии) у Сократа стал одновременно и инструментом мышления, и моральным императивом. А принцип золотой середины у Аристотеля составляет суть его учения об обществе: пронизывает этику, эстетику, политический идеал. Можно продолжить этот перечень именами философов нового времени. Но важнее помнить, насколько эти идеи актуальны в XXI веке и какими новыми нюансами содержания они наполняются сегодня. Один из подобных важных нюансов справедливо отмечает В.С. Кржевов: «Задача научного сообщества — всемерно способствовать утверждению в сознании людей, действующих в сфере практической политики, принципов “этики ответственности”, а не “этики убеждений” [Кржевов: 33]. Добавим, что эта задача не в меньшей, а возможно — в еще большей степени стоит перед философами как учеными и как идеологами своего общества.

Разумеется, преподаватель любой дисциплины гуманитарного цикла может вносить свой вклад в формирование у молодой, развивающейся личности названных качеств. Но каждая из прочих гуманитарных наук имеет свой особый предмет и предполагает свои аспекты в процессе формирования мировоззрения. Например, культурология позволяет воспитывать толерантное и доброжелательное отношение к представителям иных наций, религий, идеологических систем. Правоведение прививает уважение к закону, умение защищать свои права и права других людей... Каждая из этих дисциплин делает акцент на той или иной ценности (группе ценностей). Философия же выстраивает *систему* ценностей. Философ обязан показывать изменчивость, динамичность этой системы, отражающую динамизм самой жизни человеческого общества. Философ, если он умеет мыслить стратегически, может аргументировано продемонстрировать наиболее злободневные, насущные потребности социального целого. Свое видение он обязан доносить до общества всеми возможными средствами — с экрана телевизора, посредством интернет-возможностей, в живом общении. Но представляется, что самая простая и нужная задача для философа в вузе — это и сегодня, как прежде, задача

воспитания интеллигенции будущего [Смирнов 2008а, 2008б]. Но не следует забывать, что главное средство воспитания мировоззрения — это личный пример. И, напротив, когда декларации тех или иных принципов расходятся с поведением их провозглашающего субъекта, это чаще всего производит мощный отрицательный эффект. Иначе говоря, самая благая идея может быть дискредитирована неискренностью, фальшью, расхождением слова и поступка. Печально, что в условиях дистанционного общения с преподавателем и постоянного сокращения аудиторных часов, философ становится почти «виртуальной личностью» для студента. Но выразить себя как личность перед молодой аудиторией он всегда имеет возможность. Ведь студенческий возраст уже достаточно зрелый для того, чтобы верно оценивать личностные качества преподавателя.

Список литературы / References

- Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 320 с.
(Berdyayev N.A. Russian idea, St. Petersburg, 2008, 320 p. — In Russ.)
- Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-PRESS, 1955. 160 с.
(Berdyayev N.A. Origins and meaning of Russian communism, Paris, 1955, 160 p. — In Russ.)
- Будник Г.А. Высшая школа и интеллигенция: советский воспитательный и образовательный эксперимент 1945—1985 гг. (На материалах Центрального района России). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 249 с.
(Budnik G.A. Higher school and intelligentsia: Soviet educational and educational experiment 1945-1985. (Based on the materials of the Central region of Russia), Ivanovo, 2003, 249 p. — In Russ.)
- Король А.Д. Антропологический кризис в социальных реалиях XXI столетия // Философские науки. 2021. № 5. С. 45—56.
(Korol' A.D. Anthropological crisis in the social realities of the XXI century, *Philosophical sciences*, 2021, iss. 5, pp. 45—56. — In Russ.)
- Кржевов В.С. Профессиональные знания и моральный долг ученого: возражая М. Веберу // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 33—37.
(Krzhevov V.S. Professional knowledge and the moral duty of a scientist: objecting to M. Weber, *Voprosy Filosofii*, 2019, iss. 7, pp. 33—37. — In Russ.)
- Лекторский В.А. Философия перед лицом когнитивных исследований // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 5—17.
(Lektorskiy V.A. Philosophy in the face of cognitive research, *Voprosy Filosofii*, 2021, iss. 10, pp. 5—17. — In Russ.)
- Ленин В.И. Письмо А. М. Горькому. 15 сентября 1919 // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. Т. 51. С. 47—49.
(Lenin V.I. Letter to A. M. Gorky. September 15, 1919, *Lenin V.I. Complete works: in 55 vols*, vol. 51, Moscow, 1970, pp. 47—49. — In Russ.)
- Лихачев Д.С. Письмо в редакцию // Новый мир. 1993. № 2. С. 3—9.
(Likhachev D.S. Letter to the Editor, *Novy Mir*, 1993, iss. 2, pp. 3—9. — In Russ.)
- Меметов В.С., Комиссаров В.В. Советская интеллигенция в советской историографии: еще раз о проблеме дефиниций // Интеллигенция и мир. 2014. № 1. С. 70—79.
(Memetov V.S., Komissarov V.V. Soviet intelligentsia in Soviet historiography: once again about the problem of definitions, *Intelligentsia and the World*, 2014, iss. 1, pp. 70—79. — In Russ.)

- Покровский Н.Е. Прощай, интеллигенция // На перепутье (Новые вехи): сб. статей. М.: Логос, 1999. С. 33—51.
(Pokrovskiy N.E. Farewell, intelligentsia, *At the crossroads (New milestones)*, Moscow, 1999, pp. 33—51. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Новая молодая российская интеллигенция: философские проблемы ноосферной экологии, антропологии и персонологии в XXI веке // Интеллигенция и мир. 2008а. № 3. С. 60—71.
(Smirnov G.S. New young Russian intelligentsia: philosophical problems of noospheric ecology, anthropology and personology in the 21st century, *Intelligentsia and the World*, 2008a, iss. 3, pp. 60—71. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Новая молодая российская интеллигенция: философские проблемы ноосферной экологии, антропологии и персонологии в XXI веке // Интеллигенция и мир. 2008б. № 4. С. 61—79.
(Smirnov G.S. New young Russian intelligentsia: philosophical problems of noospheric ecology, anthropology and personology in the 21st century, *Intelligentsia and the World*, 2008a, iss. 4, pp. 61—79. — In Russ.)
- Смоляков Л.Я. Социалистическая интеллигенция: социально-философский анализ. Киев: Наукова Думка, 1986. 223 с.
(Smolyakov L.Ya. Socialist intelligentsia: socio-philosophical analysis, Kyiv, 1986, 223 p. — In Russ.)
- Сушко Н.Г., Чолак А.П. Этико-психологические аспекты современного вузовского преподавания // Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета. 2014. Т. 5. № 1. С. 153—157.
(Sushko N.G., Cholak A.P. Ethical and psychological aspects of modern university teaching, *Scholar Notes of the Pacific State University*, 2014, vol. 5, iss. 1, pp. 153—157. — In Russ.)
- Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Философия и общество. 2003. № 3. С. 173—199.
(Fedotov G.P. The tragedy of the intelligentsia, *Philosophy and Society*, 2003, iss. 3, pp. 173—199. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.12.2021; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 25.03.2022.

The article was submitted 12.12.2021; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 25.03.2022.

Информация об авторе / Information about author

Ерофеева Ксения Леонидовна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и права, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина, г. Иваново, Россия, xenia.erofeeva@mail.ru

Erofeeva Ksenia Leonidovna — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Law, Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin, Ivanovo, Russian Federation, xenia.erofeeva@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 174—183.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 174—183.

Научная статья

УДК 1:316

DOI: 10.46726/И.2022.2.18

ИСХОДНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ УНИВЕРСАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ НООСФЕРОГЕНЕЗА

Вера Софроновна Данилова, Николай Николаевич Кожевников

Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск, Россия, nikkoz@gmail.com

Аннотация. Фундаментальные понятия «ноосфера» и «нообиогеосфера» рассмотрены как два этапа ноосферогенеза в рамках единого подхода. В рамках компаративного анализа показана эвристичность понятия нообиогеосферы, опирающегося на предельные динамические равновесия окружающих его вещей — планеты Земля и её геосфер. Рассмотрены основные свойства «нообиогеосферы», исследованы её онтологические аспекты вместе с аналогичными аспектами для ноосферы. Проведен анализ этих понятий на их принадлежность философской категории и общенаучному понятию. Установлено, что ноосфера в полной мере практически удовлетворяет одному из трех критериев философской категории, тогда как нообиогеосфера — двум и какой-то степени третьему. Оценена соотнесенность этих понятий с основными оболочками Земли и процессами их формирования. В результате выделены основные этапы ноосферогенеза: два первых связаны с формированием нообиогеосферы — универсальным онтологическим основанием ноосферы, её системой координат, остальные с формированием ноосферы. Сделан вывод, что формирование нообиогеосферы, также как и первый этап формирования ноосферы, осуществляется стихийно и является продолжением самоорганизации предельных динамических равновесий всех связанных с ними планетарных оболочек, тогда как следующие этапы формирования ноосферы осуществляются сознательно. Установлено, что оболочки будут взаимодействовать между собой через общие для них ритмы нообиогеосферы, коррелирующие с ритмами космоса, и заставят человека и его разум настроиться на них.

Ключевые слова: онтология, предельное равновесие, мировой ритм, гармония, философская категория, общенаучное понятие, универсализм, ноосферогенез, нообиогеоценоз, ноосферная личность

Для цитирования: Данилова В.С., Кожевников Н.Н. Исходные принципы и основные понятия универсализма в контексте ноосферогенеза // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 174—183.

Original article

INITIAL PRINCIPLES AND BASIC CONCEPTS OF UNIVERSALISM IN THE CONTEXT OF NOOSPHEROGENESIS

Vera S. Danilova, Nikolai N. Kozhevnikov

North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, nikkoz@gmail.com

Abstract. The fundamental concepts of “noosphere” and “noobiogeosphere” are considered as two stages of noospherogenesis within the framework of a single approach. Within the framework of a comparative analysis, the heuristic concept of the noobiogeosphere as based on the limiting dynamic equilibria of the things surrounding it — the planet Earth and its geospheres — is shown. The main properties of the “noobiogeosphere” are considered, its ontological aspects are investigated, along with similar aspects for the noosphere. The analysis of both concepts on their belonging to the philosophical category and the general scientific concept has been carried out. It has been established that the noosphere fully satisfies practically one of the three criteria of the philosophical category, while the noobiogeosphere satisfies two and, to some extent, the third. The correlation of these concepts with the main shells of the Earth and the processes of their formation is estimated. As a result, the main stages of noospherogenesis were identified — the first two are associated with the formation of the noobiogeosphere — the universal ontological basis of the noosphere, its coordinate system, the rest with the formation of the noosphere. It is concluded that the formation of the noobiogeosphere, as well as the first stage of the formation of the noosphere, are carried out spontaneously and are a continuation of the self-organization of the limiting dynamic equilibria of all planetary shells associated with them, while the next stages of the formation of the noosphere will be carried out consciously. It has been established that the shells will interact with each other through the common rhythms of the noobiogeosphere, correlating with the rhythms of the cosmos, and will force a person and his mind to tune in to them.

Keywords: ontology, limit equilibrium, world rhythm, harmony, philosophical category, general scientific concept, universalism, noospherogenesis, noobiogeocenosis, noospheric personality

For citation: Danilova V.S., Kozhevnikov N.N. Initial principles and basic concepts of universalism in the context of noospherogenesis, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 174—183.

Введение. Онтологические основания современного универсализма в контексте ноосферогенеза неразрывно связаны с науками ноосферного и биосферного классов. Следует начать с анализа исходных понятий все этих направлений и подходов и оценить их вклад в исследования обозначенных проблем.

Понятие «ноосфера» исследовано достаточно подробно [Адамов; Урсул; Смирнов 1998], но все равно в приводимых определениях содержится много неопределенного. Однако они могут рассматриваться как ступени к понятиям с гораздо более глубоким содержанием. Упомянем некоторые из известных определений. «Ноосфера — сфера ума, оболочка разума», «Ноосфера — новое эволюционное состояние биосферы, при котором разумная деятельность человека становится решающим фактором её развития». «Ноосфера — область планеты, охваченная разумной человеческой деятельностью, в результате которой человек преобразует природу соответственно

своим интересам и включает в неё все новые природные и космические явления». «Ноосфера — понятие, используемое в некоторых эволюционных концепциях для описания разума как особого природного феномена» [Новая философская энциклопедия: 107]. Все эти определения уязвимы в онтологическом, методологическом и логическом смыслах. Не случайно в последнее время появилось много терминов, коррелирующихся с ноосферой и нацеленных на более полное выражение тех или иных её граней.

Любое понятие должно находиться в системной и иерархической связи со всем рядом соседних понятий, соответствовать родовидовым отношениям между ними. Кроме того, своей конструкцией или структурой понятие должно ставить вопрос об элементах, из которых оно может состоять, внутренних связях между ними, способах взаимодействия с другими системами. Современное научное или философское исследование должно быть тесно переплетено с самим исследованием, где метод направляет исследование, а последнее предполагает дальнейшее развитие метода. Самым главным недостатком понятия «ноосфера» является его оторванность от других планетарных оболочек. Не случайно первые исследователи ноосферы рассматривали её столь различно: П. Тейяр де Шарден рассматривал ее как некоторый мыслящий слой, «плавающий» вокруг Земли [Тейяр де Шарден], В.И. Вернадский — как геологическую силу, порожденную человеческим разумом [Вернадский]. Это породило широко известную дилемму «Вернадского — Тейяра», поскольку обе трактовки этого понятия оказались односторонними. Не случайно трактовки «ноосферы» включали в себя и материалистические и мистические подходы, вплоть до её отождествления с научным коммунизмом.

Основные понятия универсализма в контексте ноосферогенеза.

Для того, чтобы основание было универсальным, оно должно опираться на предельные динамические равновесия окружающих его вещей: планеты Земли и её геосфер. Введенное В.С. Даниловой понятие «нообиогеосфера» удовлетворяет этим требованиям [Данилова]. Оно лишено отмеченных выше недостатков, которые присущи понятию «ноосфера» и обладает широким набором свойств, которые могут быть всесторонне исследованы научными и философскими методами. Обобщением понятия «нообиогеосфера» является понятие «нооэкосистема». Первое из этих понятий может быть определено более строго, поскольку биогеоценоз — термин, связанный с сушей, тогда как экосистема включает в себя и водные (морские) образования. Два этих понятия необходимы друг для друга. Нообиогеосфера выполняет роль основания, каркаса (системы координат) для ноосферы. Ноосфера в свою очередь разворачивает процессы ноосферогенеза намеченные «нообиогеосферой», насыщает реальным содержанием.

Основная идея развиваемого подхода в том, что нообиогеосфера является системой координат ноосферы, связана с рассмотрением её как опирающейся на два предельных динамических равновесия системы [Кожевников 2018], состоящей из мыслящего человечества и всех возможных планетарных геосфер. Первое такое равновесие, которое можно назвать внутренним, соответствует уравниванию мыслящего человечества со всеми геосферами Земли. Оно связано с настоящим моментом времени и соответствующим ему состояниям человечества и геосфер. Второе (внешнее) равновесие предполагает, что мыслящее человечество, уравновешенное со всеми геосферами, способно найти свое наиболее устойчивое состояние, духовный и другие связанные с ним равновесные пределы. Следует подчеркнуть, что все упомянутые

выше предельные равновесия соответствуют минимумам вещества, энергии, информации, духовности в процессах взаимодействия с окружающей их средой [Кожевников 2020]. Нообиогеосфера — образование динамическое, находящееся в устойчивых ритмических колебаниях между этими предельными равновесиями. Ритмы между этими двумя пределами должны соответствовать устойчивым ритмам мира, иначе вся эта система не будет устойчивой.

Свойства нообиогеосферы лучше всего описать следующим образом: нообиогеосфера является единым онтологическим основанием системы всех возможных планетарных оболочек, которые регулируются предельными динамическими равновесиями и направляются едиными мировыми ритмами. Вследствие этого взаимодействие оболочек, включая всю гуманистически ориентированную человеческую деятельность, приобретает устойчивый и оптимальный характер.

Нообиогеосфера может как иметь непрерывно-континуальные части, так и состоять из удаленных друг от друга ячеек, вовлеченных в единые резонансные процессы и корреляционные отношения элементов из различных сфер бытия: неживого, живого, душевного, духовного.

В ней может быть выделено, по крайней мере, три организационно-структурных уровня. Основной ячейкой микроуровня является нообиогеосферная личность, мезоуровня — нообиогеоценоз, сама нообиогеосфера характеризует собой макроуровень. Между всеми этими ячейками существуют отношения гомоморфизма.

На основе нообиогеосферы формируется каркас ноосферы, взаимодействующий со всеми планетарными явлениями, замыкающимися в единое целое посредством взаимодействия самых различных процессов: потоки вещества переходят в энергетические потоки, затем — в информационные, образуя нообиогеосферные структуры. Благодаря этому в нообиогеосфере оказывается возможным совмещение случайности и детерминизма, управления и самоорганизации, абстрактности и конкретности.

Нообиогеосферная реальность меняет представление о субъекте и объекте. «Ноосферный человек», «ноосферное человечество», «ноосферное сознание» являются онтологическими понятиями, так что субъект и объект следует рассматривать в рамках одного целого. Тогда все взаимодействия и процессы в пределах нообиогеосферы будут ориентированы на всестороннюю коммуникативность и широкую информированность, будут способствовать выявлению негативных тенденций и их разрушению устойчивыми циклами нообиогеосферы.

Структура нообиогеосферы и особенности формирования планетарных оболочек на её основе предполагает появление наук ноосферного класса, которые являются продолжением и дальнейшим развитием наук биосферного класса и ориентированы на принципиально новый синтез, направленный на объединение процессов, явлений в земных оболочках за счет непрерывного круговорота вещества, энергии и информации. Науки ноосферного класса представляют собой взаимосвязанный комплекс естественных, социальных и гуманитарных наук, в пределах которого происходит взаимодополнительное взаимодействие процессов неживой, живой, душевной и духовной сфер, ориентированных на формирование универсальных структур и систем, имеющих аналоги в биосфере и ноосфере.

Онтологические аспекты нообиогеосферы и ноосферы. Нообиогеосфера очерчивает границу между тем, что может быть синтезировано в одно

целое в пределах нашей планеты на основе порядка, и хаосом, окружающим эту сферу. Если наши знания об универсуме постоянно увеличиваются и проясняются, то этого нельзя сказать о бытии, которое есть то, что, требует понимания, и внутренняя структура которого, по мере роста наших знаний, не становится чем-то более понятным. Бытие в современной философии следует рассматривать как связанность мира, сеть взаимосвязей предметов и процессов с окружающей их средой.

Онтологическое мышление не сводится ни к знанию, ни к вере. К истинам, получаемым с его помощью, можно только приобщиться, так что иногда говорят об «осененности» бытием, что в случае ноосферогенеза характеризуется постоянной связью человека с биосферой и нообиогеосферой. Человек, имеющий такую связь, становится нообиогеосферной личностью, гомеоморфной всему нообиогеосферному человечеству и являющейся частью нообиогеосферы. Нообиогеосферу следует рассматривать как основание концептуальной схемы «реального бытия», объединяющее предельные состояния неживого, живого, психического, духовного в пределах нашей планеты и геокосмоса. Это создает предпосылки рассматривать нообиогеосферу в качестве основания процессов универсального синтеза, происходящего в пределах нашей планеты, цивилизации, способного направить дальнейшее развитие человечества.

Онтологические характеристики нообиогеосферы при их дальнейшем развитии в ноосфере, направляясь по разным руслуам, тесно коррелируют между собой, что связано с фундаментальными философскими принципами. Так, согласно принципу Дюгема-Куайна (в краткой формулировке) «наши предложения о внешнем мире предстают перед трибуналом чувственного опыта не индивидуально, а только как единое целое» [Кезин]. Нообиогеосферные понятия будут способствовать реальной интеграции человечества, сохраняющего самобытность и разнообразие его культур и гармонизирующего сам процесс дальнейшего развития. Современная философия заостряет внимание на взаимосвязи оснований ноосферогенеза с философскими категориями и общенаучными понятиями, что характеризует развитие человечества на его современном этапе.

«Нообиогеосфера» и «ноосфера» как философские категории и общенаучные понятия. Вопросы взаимосвязи нообиогеосферы и ноосферы с философскими категориями и общенаучными понятиями являются важным разделом наук ноосферного класса.

Критерии философской категории, как известно, таковы:

— рассматриваемое понятие должно раскрывать определённую и важную грань проблемы «мир-человек»;

— понятие должно быть универсальным, всеобщим по объёму и по содержанию;

— понятие должно занять определённое место в уже сложившейся взаимосвязи общепринятых категорий [Методология науки: 197].

Общенаучные понятия возникают в процессе развития общенаучных методов, прежде всего в интегрирующих науках. В настоящей работе затрагиваются понятия, относимые к общенаучным: алгоритм, вероятность, гомоморфизм, знак, значение, инвариант, изоморфизм, гомоморфизм, интерпретация, информация, научная информация, модель, надёжность, неопределённость, определённость, организация, прогноз, разнообразие, множество, симметрия,

асимметрия, система, сложность, состояние, структура, упорядоченность, управление, формализация, функция, элемент [Готт, Семенюк, Урсул: 43].

Сопоставим понятие «ноосфера» с тремя критериям философской категории. Согласно первому из них, ноосфера характеризует устойчивую взаимодополнительную связь мира и человека, являясь в ней одним из основных промежуточных уровней. Для соответствия второму критерию следует подчеркнуть, что ноосфера по своему замыслу должна быть понятием универсальным по объёму и по содержанию, включая в себя все процессы, протекающие в пределах Земли, а также все связанные с ними явления и понятия. Однако ноосфера не является наиболее сложным образованием из всех существующих явлений и процессов, связанных с человекообразными комплексами, Землей и Вселенной. Еще большие трудности возникают при сопоставлении её с третьим критерием, поскольку «ноосфера» понятие достаточно искусственное, хотя и фундированное в реальных структурах мира. Нужны большие усилия, чтобы это понятие нашло свое место среди системы философских категорий и общенаучных понятий. Категориальный анализ приближает понятие «ноосфера» к статусу категории, но, тем не менее, не обеспечивает полное соответствие.

Рассмотрим соответствие понятия «нообиогеосфера» трем вышеупомянутым критериям. Согласно первому из них, нообиогеосфера, так же как и ноосфера, характеризует устойчивую взаимодополнительную связь мира и человека, являясь в ней основным макроуровнем. Кроме последнего она наглядно демонстрирует свои мезо и микроуровни (нообиогеоценоз и ноосферную личность), которые углубляют эту взаимосвязь. Нообиогеосфера соответствует и второму критерию, поскольку для широкого класса явлений и вещей это понятие играет роль предельного родового, тем самым объединяя их онтологически и эпистемологически. С третьим критерием дело обстоит несколько сложнее. Найти свое место среди философских категорий нообиогеосфере помогает её ориентация на предельные динамические равновесия, однако этот вопрос требует дополнительных исследований.

С общенаучными понятиями «ноосфера» и «нообиогеосфера» связаны более естественным образом, поскольку сами являются таковыми и могут быть использованы в самых различных сферах знания — естественной, социальной, гуманитарной. Это имеет особое значение для меж и трансдисциплинарных наук, где происходит переплетение многих десятков процессов: химических, биологических, геологических, психических, духовных в конкретных формах их существования. Нообиогеосфера позволяет оценить объём понятий и категорий «алгоритм», «знак», «инвариант», «информация», «энтропия», «энергия», «модель», «неопределенность», «организация», «прогноз», «симметрия», «асимметрия», «структура», «функция», «элемент», «сложность», «система», «мера», «природа», «материя», «время», «пространство», «взаимодействие», «сущее», наполнить их новым содержанием, рассмотреть в планетарно-цивилизационном масштабе.

Нообиогеосфера как система координат для ноосферы обеспечивает возвратно-замкнутый характер всех протекающих процессов, обеспечивая единство и целостность различных уровней ноосферогенеза. Нообиогеосфера может рассматриваться как регулятив, использующий систему глобальных сетей в различных сферах взаимодействия человечества с окружающей его средой и во взаимодействиях человечества в пределах самого себя. «Нообиогеосфера» гораздо больше соответствует естественному и научному языку,

чем «ноосфера», имеет лучшие перспективы для дальнейшего теоретического и практического развития, способствует онтологизации мышления современного человечества.

Подсистемы нообиогеосферы и её эволюция. Нообиогеосфера через свои предельные динамические равновесия взаимодействует со всеми земными оболочками, в том числе и находящимися в процессе формирования, и с геосферами (полноценными оболочками). К настоящему времени идентифицировано несколько десятков оболочек, к главным из которых, помимо традиционных, можно отнести: атмосферу, гидросферу, литосферу, биосферу, пневмосферу, техносферу, социосферу, педосферу, агросферу, биотехносферу, географическую среду, криосферу, семиосферу (см.: [Смирнов 2003]). Идентификация многих других оболочек, взаимосвязанных с перечисленными, продолжается.

Помимо системно-структурных элементов и подсистем устройство нообиогеосферы включает в себя когерентные взаимодействия. Предельные равновесные состояния всех этих оболочек являются подсистемами нообиогеосферы. Группы этих предельных состояний охватывают ячейки неживого, живого, душевного, духовного, которые смогут взаимодействовать с «расширенным» человеком, направляя его адаптацию. Особое значение среди рассматриваемых оболочек имеет группа, выполняющая управляющие функции, такие как педосфера и пневмосфера. Педосфера (от греч. *pedon* — почва) — почвенная оболочка Земли («почвенный покров Мира»), поскольку составляющие её почвы покрывают значительную часть поверхности земной суши. Будучи самой тонкой земной оболочкой (от нескольких сантиметров до полутора-двух метров), почвенный покров характеризуется самой высокой плотностью жизни и наибольшим видовым разнообразием населяющих её живых существ: более девяноста двух процентов генетически разных видов растений и животных, известных на Земле, являются сухопутными и живут в почве или на почве. Аналогичную роль играет аэросфера — земная оболочка, состоящая из атмосферы почвенного и подпочвенного воздуха [Экологический энциклопедический словарь: 45]. Важнейшей управляющей оболочкой является пневмосфера — сфера ноосферной духовности, охватывающая все типы проявления духовности в пределах планетарной реальности, включая онтологические «корни» этих проявлений. Эти оболочки тесно связаны друг с другом. Еще В.В. Докучаев продемонстрировал, что почва является пересечением основных земных оболочек (атмосферы, гидросферы, литосферы и т. п.), но готова взаимодействовать с душевной и духовной сферами. Человек может любить почву, что продемонстрировали многие поколения людей, начиная с эпохи неолитической революции. Подобное отношение к почве следует развивать и поддерживать.

Согласно развиваемой нами концепции нообиогеосфера формируется посредством самоорганизации и определяется потоками информации, энергии, вещества — регулируемые общей системой этих сфер. Что касается ноосферы, то она эволюционирует и стихийно, и в результате сознательной деятельности человека. Сопоставление современных данных естественных, общественных и гуманитарных наук способствует обоснованию вывода, что ноосферогенез совмещает в себе как естественное стихийное развитие, так и целенаправленное, осуществляемое человеком, вмешательство. В его ходе должен осуществляться отбор лучших, соответствующих ноосферным требованиям

качеств человека, социума, соответствующей им окружающей среды, в том числе посредством искусственных отбора и управления.

Вполне возможно, что «дальнейшее развитие ноосферы должно пройти несколько стадий: современное состояние — как результат стихийного воздействия разума; продуманно откорректированное состояние, выявленное критическим (иногда катастрофическим) состоянием отдельных компонентов биосферы; конструктивное состояние ноосферы, новый уровень биологического равновесия будет воссоздаваться разумно, осознанно» [Ивлев: 5].

В настоящее время уже совершенно очевидно, что биосфера не переходит в ноосферу, но стратегия ноосферогенеза обязательно включает в себя максимально возможное её сохранение. Можно согласиться с А.Д. Урсулом в отношении появления локально-региональных очагов (областей) ноосферы в биосфере, которые будут вписываться в биосферу, вступая с ней в коэволюционные взаимодействия, адаптируясь к биосфере и её циклам.

Неуправляемое экоразвитие рассмотренного выше направления исследователи связывают с социосферой, которая является результатом объективно, но стихийно складывающихся взаимодействий между природой и человечеством. Биосфера в рамках развиваемого подхода переходит в техносферу, допуская в этом процессе революционные преобразования в примыкающих к ней сферах. Однако, по нашему мнению, подобные революции могут касаться только отдельных этапов ноосферогенеза и не затрагивать процесса образования ноосферы в целом. Образоваться сразу и «целиком» отдельные блоки ноосферы не могут в принципе, поскольку ноосферогенез должен постоянно себя корректировать, меняя свои ближайшие и дальнейшие цели. Однако выделение экологической революции, ведущей к появлению экосферы в рамках ноосферы, вполне можно допустить.

Конструирование управляющих оболочек для ноосферы следует осуществлять, создавая промежуточные системы на различных её уровнях. Педосфера, сформировавшаяся между сферами живого и неживого, управляет процессами взаимодействия между ними. Аналогично биотехносфера, биосоциосфера, фитогеосфера будут развивать и направлять промежуточные оболочки между сферами живого и социального. Эти оболочки еще только развиваются в нужном направлении, поскольку гораздо сложнее педосферы и состоят из многих конкретных регулирующих систем, включая обширный класс виртуальных систем.

Заключение. Вследствие вышесказанного будем выделять следующие этапы ноосферогенеза. Два первых связаны с формированием нообиогеосферы — универсальным онтологическим основанием ноосферы, остальные — с формированием ноосферы.

Формирование нообиогеосферы и её основных ячеек, таких как нообиогеоценозы, нообиогеосферные личности, происходит посредством самоорганизации. Число этих ячеек будет увеличиваться, а контуры нообиогеосферы — все больше проявляться.

В результате будут развиваться все планетарные подсистемы, ориентированные на нообиогеосферу как на систему отсчета и на ритмы, соответствующие этой системе, окажутся направленными на развитие всей ноосферы.

Таким образом, первый этап формирования ноосферы будет стихийным продолжением самоорганизации нообиогеосферы и всех связанных с нею планетарных оболочек. Эти оболочки будут взаимодействовать между собой через общие им ритмы нообиогеосферы, коррелирующие с ритмами космоса,

и заставят человека и его разум настроиться на них. Следующие этапы будут сознательными. Их может быть несколько, в зависимости от состояния биосферы, экосферы и формирования управляющих оболочек. После достижения некоторого порога общепланетарной и общечеловеческой духовности может начаться новый самоорганизационный этап. Все это приводит к развитию ноосферой репрезентации современного универсализма.

Список литературы / References

- Адамов А.К. Основы философии ноосферы. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1996. 155 с.
(Adamov A.K. Fundamentals of the philosophy of the noosphere, Saratov, 1996, 155 p. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 258 с.
(Vernadsky V.I. Biosphere and noosphere, Moscow, 1989, 258 p. — In Russ.)
- Готт В.С., Семенюк Э.П., Урсул А.Д. Категории современной науки. М.: Мысль, 1984. 268 с.
(Gott V.S., Semeniuk E.P., Ursul A.D. Categories of modern science, Moscow, 1984, 268 p. — In Russ.)
- Данилова В.С. Философское обоснование концепции нообиогеосферы // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2004. № 2. С. 50—64.
(Danilova V.S. Philosophical substantiation of the noobiogeosphere concept, *Bulletin of Moscow University, Series 7. Philosophy*, 2004, no. 2, pp. 50—64. — In Russ.)
- Ивлев А.М. К вопросу о ноосфере. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1997. 6 с.
(Ivlev A.M. On the issue of the noosphere, Vladivostok, 1997, 6 p. — In Russ.)
- Кезин А.В. «Натуралистический поворот» в современной эпистемологии: Обзор «Философия в XX веке»: в 2 частях. Часть 1. М.: ИНИОН РАН. С. 42—63.
(Kezin A.V. The “Naturalist Turn” in Contemporary Epistemology: An Overview of “Philosophy in the 20th Century”, vol. 1, Moscow, pp. 42—63. — In Russ.)
- Кожевников Н.Н. Метафизический, онтологический, феноменологический, герменевтический аспекты системы координат мира на основе предельных динамических и сетевых равновесий. Якутск: Изд. дом СВФУ, 2018. 171 с.
(Kozhevnikov N.N. Metaphysical, ontological, phenomenological, hermeneutic aspects of the coordinate system of the world based on limiting dynamic and network equilibria, Yakutsk, 2018, 171 p. — In Russ.)
- Кожевников Н.Н. Основные понятия философии в контексте системы координат мира на основе предельных динамических равновесий детерминистического хаоса. Якутск: Изд. Дом СВФУ, 2020. 160 с.
(Kozhevnikov N.N. Basic concepts of philosophy in the context of the coordinate system of the world based on the limiting dynamic equilibria of deterministic chaos, Yakutsk, 2020, 160 p. — In Russ.)
- Методология науки: человеческие измерения и дегуманизирующие факторы научного познания / под ред. А.К. Сухотина. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1996. 209 с.
(Sukhotin A.K. (ed.) Methodology of science: human dimensions and dehumanizing factors of scientific knowledge, Tomsk, 1996, 209 p. — In Russ.)

- Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина, А.А. Гусейнова, Г.Ю. Семигина и др. Т. III. М.: Мысль, 2001. 692 с.
(V.S. Stepin, A.A. Guseinov, G.Y. Semigin (ed.), *The New Philosophical Encyclopedia*, in 4 vols, Moscow, 2001, vol. 3, 692 p. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. 244 с.
(Smirnov G.S. *Noospheric consciousness and noospheric reality*, Ivanovo, 1998, 244 p. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. № 1. С. 57—64.
(Smirnov G.S. *Noospheric picture of the world and modern education*, *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*, 2003, no. 1, pp. 57—64. — In Russ.)
- Тейяр де Шарден П. Феномен человека / пер. с фр. М.: Наука, 1987. 240 с.
(Teilhard de Chardin P. *The phenomenon of man*, Moscow, 1987, 240 p. — In Russ.)
- Урсул А.Д. Путь в ноосферу. Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации. М.: Луч, 1993. 276 с.
(Ursul A.D. *Path to the noosphere. The concept of survival and sustainable development of civilization*, Moscow, 1993, 276 p. — In Russ.)
- Экологический энциклопедический словарь / под ред. В.И. Данилова-Данильяна, Ю.М. Арского, Р.И. Вяхирева и др. М.: Ноосфера, 2002. 930 с.
(V.I. Danilov-Danil'an, Y.M. Arsky, R.I. Vyakhirev (ed.), *Ecological encyclopedic dictionary*, Moscow, 2002, 930 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.03.2022; одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 01.03.2022; approved after reviewing 12.04.2022; accepted for publication 29.04.2022.

Информация об авторах / Information about authors

Данилова Вера Софроновна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск, Россия, nnkozhev@mail.ru

Danilova Vera Sofronovna — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Philosophy Department, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, nnkozhev@mail.ru

Кожевников Николай Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск, Россия, nnkozhev@mail.ru

Kozhevnikov Nikolai Nikolaevich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Philosophy Department, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, nnkozhev@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Научный журнал «Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки» учрежден Ивановским государственным университетом. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.), в Международном центре ISSN (номер 2219-5254) и Национальном агентстве ISSN (номер 2500-2791 (online)). Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал размещается в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, включен в систему РИНЦ (Российского индекса научного цитирования). Полнотекстовые версии статей доступны на сайте Научной электронной библиотеки: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=32858> и Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

Журнал публикует оригинальные статьи в области гуманитарных наук, а также материалы, посвященные актуальным гуманитарным проблемам (публикации, обзоры, хронику научной жизни, рецензии и др.). Периодичность издания — четыре номера в год.

Редакция принимает к публикации материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости, ранее не опубликованные в других изданиях.

Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

Все публикации проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде** по адресу:

vestnik.ivgu@mail.ru

(ответственному секретарю Олегу Сергеевичу Горелову).

Материалы, представляемые в редакцию, должны быть оформлены в виде следующих файлов:

- 1) текст статьи с аннотацией, ключевыми словами на русском и английском языке и сведениями об авторе;
- 2) отзыв научного руководителя / консультанта для аспирантов и соискателей (отсканированный вариант с подписью и с печатью).

Требования к оформлению статей

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат — А4; поля — верхнее 2,7 см, левое и правое 4 см, нижнее 4,6 см; гарнитура (шрифт) — Times New Roman; кегль — 11; межстрочный интервал — одинарный; абзацный отступ — 1 см.

Минимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и списком литературы — не менее 12 тыс. знаков. Максимальный объем текста статьи — не более 30 тыс. знаков с пробелами. Статьи большего объема могут приниматься в случае мотивированной необходимости представить развернутые результаты исследования, а также при высокой теоретической и/или практической значимости публикации.

Материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. XX—XX.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. XX—XX.

Научная статья

УДК

DOI:

НАЗВАНИЕ

(Times New Roman, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Имя, отчество, фамилия (Times New Roman, полужирный шрифт, курсив, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Аффилиация (название университета, организации и т. д.), город, страна, e-mail (Times New Roman, кегль 10).

Аннотация. На русском языке (150—200 слов), Times New Roman, кегль 10. Должна содержать: постановку проблемы, обозначение новизны подходов, концепции, результатов и др., исследовательские выводы.

Ключевые слова: на русском языке (5—6 слов и/или словосочетаний), Times New Roman, кегль 10.

Благодарности (при необходимости): работа выполнена при поддержке... (Times New Roman, кегль 10).

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. XX—XX. (Times New Roman, кегль 10).

Original article

НАЗВАНИЕ на английском языке

(Times New Roman, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Имя О. Фамилия на английском языке (Times New Roman, полужирный шрифт, курсив, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Аффилиация на английском языке (название университета, организации и т. д.), город, страна, e-mail (Times New Roman, кегль 10).

Abstract. На английском языке (150—200 слов), Times New Roman, кегль 10.

Keywords: на английском языке (5—6 слов и/или словосочетаний), Times New Roman, кегль 10.

Acknowledgments (при необходимости): the work was supported by... (Times New Roman, кегль 10).

For citation: Familiya I.O. Article title, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. XX—XX. (Times New Roman, кегль 10).

Основной текст статьи (Times New Roman, кегль 11).

- для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание. Разбивка не допускается;
- переносы только автоматические;
- между инициалами и фамилией ставится неразрывный пробел (shift + ctrl + пробел);
- при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”;
- должно соблюдаться пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой числовой клавиатуре) от «-» (дефиса);
- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг., с. 258—259;
- все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

Ссылки в тексте статьи приводятся в **квадратных** скобках в строгом соответствии с пристатейным «**Списком литературы**»: указывается фамилия автора (без инициалов) и при необходимости, после двоеточия, страница. Если у источника два автора, то фамилии указываются через запятую. Например:

[Иванов], [Smith]
[Иванов: 35], [Smith: 35]
[Иванов, Петров: 35]

В случае ссылки на издание без автора следует указывать сокращенное название работы:

[Философия культуры...: 35].

Если в библиографическом списке приводятся две или более работы автора, то указывается год [Иванов 2007]; если работы опубликованы в одном и том же году, то добавляется латинская буква в тексте статьи и списке литературы: [Иванов 2007a; 2007b].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков перед двоеточием указывается номер тома или выпуска: [Булгаков 4: 275].

Сноски постраничные, ставятся автоматически. В сноски выносятся комментарии, примечания, дополнительная информация. Ссылки на источники и исследования, упоминаемые в сносках, оформляются так же в квадратных скобках.

Список литературы / References

Шрифт Times New Roman 10.

Формируется по алфавитному принципу, без нумерации.

Библиографическое описание источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

В References

— ФИО автора транслитерируются. Для выполнения транслитерации рекомендуем использовать сайт Транслит.ру: <https://translit.ru>. Во вкладке «основной» выбрать позицию LC;

— название статьи/книги/сборника переводится на английский язык;

— название журнала приводится на английском (если у журнала нет англоязычного варианта названия, то на латинице);

— город переводится на английский язык;

— издательство не указывается;

— после описания русскоязычного источника в конце ссылки ставится указание на язык работы: In Russ.

Источники, написанные на латинице, остаются в оригинальном написании.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; *не включаются*: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Примеры оформления:

Платонов А.П. Собрание сочинений: в 8 т. / сост. Н.В. Корниенко. М.: Время, 2009—2011.

(Platonov A.P. Collected works: in 8 vols., ed. by N.V. Kornienko, Moscow, 2011. — In Russ.)

Жолковский А.К. Инфинитивное письмо: тропы и сюжеты (Материалы к теме) // Эткиндовские чтения: сборник статей по материалам Чтений памяти Е.Г. Эткинда (27—29 июня 2000 г.). СПб., 2003. С. 250—271.

(Zholkovskiy A.K. Infinitive writing: tropes and plots (Materials for the topic), *Etkind's readings: a collection of articles based on materials from the Readings in memory of E.G. Etkind (June 27—29, 2000)*, Saint Petersburg, 2003, pp. 250—271. — In Russ.)

Давыдов Д. Последовательность гнева // Книжное обозрение. 2015. № 1—2.
URL: http://hylaeva.ru/davyd_rez_peret.html (дата обращения: 17.04.2020).
(Davydov D. Sequence of anger, *Book review*, 2015, no. 1—2. — In Russ.)

Goldsmith K. *Uncreative Writing: Managing Language in the Digital Age*, N.Y.:
Columbia University Press, 2011. 272 p.

Статья поступила в редакцию XX.XX.2022; одобрена после рецензирования XX.XX.2022; принята к публикации XX.XX.2022.

The article was submitted XX.XX.2022; approved after reviewing XX.XX.2022; accepted for publication XX.XX.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Фамилия Имя Отчество — ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail (на русском и английском языках)

Например:

ТЮЛЕНЕВА Елена Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, talen@rambler.ru

TYULENEVA Elena Mikhailovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, talen@rambler.ru

Порядок рецензирования рукописей статей

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование.

Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя/консультанта. Сопроводительные документы должны быть подписаны и заверены печатью (присылаются сканом на электронную почту).

О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору.

Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи, носит закрытый характер. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций.

Рецензент оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования объекта, оригинальность решения

проблемы и значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, целесообразность публикации статьи.

Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев.

При наличии отрицательной рецензии на рукопись статья отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Не допускаются к публикации в научном журнале статьи:

- содержащие ранее опубликованный материал;
- содержащие недобросовестные заимствования;
- представленные без соблюдения правил оформления публикаций;
- авторы которых отказываются от технической доработки публикации;
- авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их;
- представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля.

Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научного или технического уровня.

Редакционная этика

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие **этические правила сотрудничества редколлегии и авторов**.

Для авторов:

- авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе;
- автор подтверждает, что его материалы публикуются впервые, не представлены в несколько журналов одновременно, а также не содержат плагиат в какой-либо форме;
- все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, должны быть указаны как соавторы;
- авторы обязаны раскрывать в своих рукописях финансовые или любые другие существующие конфликты интересов, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе;

- авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана ссылка на публикацию в «Вестнике ИВГУ».

Для редколлегии:

- журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики;
- редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Для рецензента:

- рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументированно выражать свое мнение, неприемлема персональная критика автора(ов);
- рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, рецензент не может использовать в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.

E-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Адрес редакции: 153025, Россия, г. Иваново, ул. Тимирязева, 5, к. 304.

Более подробная информация — на сайте Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2022. Вып. 2**

Издается в авторской редакции

директор издательства *Л.В. Михеева*
корректор *Е.Е. Андреянова*
технический редактор *И.С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т.Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 30.06.2022 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская. Усл. печ. л. 16,8.
Уч.-изд. л. 13,0. Тираж 100 экз. Заказ № 106. Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Вестник Ивановского государственного университета

Научный журнал

В соответствии с тематикой научных исследований журнал издается в 3 сериях:

- **ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ - 4 ВЫПУСКА**
- **ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ - 2 ВЫПУСКА (online)**
- **ЭКОНОМИКА - 4 ВЫПУСКА (online)**

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным, общественным,
естественным и техническим наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит ежеквартально